

Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык» (МИАЖ «Crede Experto»)

Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет гражданской авиации»

Издатель журнала – Иркутский филиал ФГБОУ ВО «МГТУ ГА». Официальный сайт: <http://if-mstuca.ru/>

Главный редактор – Л. А. Иванова, канд. пед. наук, доц. (Иркутск)

Председатель научно-редакционного совета – О. Н. Скрыпник, до-р техн. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь).

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Технические науки: Л. Г. Большедворская, д-р техн. наук, доц. (Москва), Е. Е. Витвицкий, д-р техн. наук, профе (Омск), О. А. Горбачев, д-р техн. наук, проф. (Иркутск), Ю. А. Куликов, д-р техн. наук, проф., академик транспортной академии Украины (Луганск), В. М. Курганов, д-р техн. наук, профессор (Тверь), Е. М. Лунёв, к-т тех. наук (Москва), Е. С. Неретин, к-т техн. наук, доц. (Москва), Г. И. Нечаев, д-р техн. наук, проф., академик транспортной академии Украины (Луганск), Е. Е. Нечаев, д-р техн. наук, проф. (Москва), Н. И. Николайкин, д-р техн. наук, доц. (Москва), П. М. Огар, д-р техн. наук, проф. (Братск), А. П. Плясовских, д-р техн. наук (Санкт-Петербург), О. Н. Скрыпник, д-р техн. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ (Минск), Димитър Русев, д-р техн. наук, доц. (Бургас), А. И. Сухоруков, д-р техн. наук, доц. (Москва), Д. Э. Эшмурадов, к.т.н. (Ташкент)

Филологические науки: Д. А. Алкебаева, д-р филол. наук, проф. (Алматы), М. Я. Блох, д-р филол. наук, проф. (Москва), А. Н. Безруков, канд. филол. наук, доцент (Бирск), Ланьцзюй Ван, канд. филол. наук, доц. (Баодин), И. А. Верховых, к. филол. наук, доцент (Москва), А. Р. Габидуллина, д-р филол. наук, проф. (Горловка), Ева Жебровска, д-р филол. наук, проф., Ординарный профессор (professor ordinarius) (Варшава), Н. С. Иванова, доктор, профессор, (Бургас), Г. Е. Имамбаева, д-р филол. наук, проф. (Павлодар), Н. Н. Казыдуб, д-р филол. наук, проф. (Красноярск), А. В. Колмогорова, д-р филол. наук, доц. (Красноярск), Л. Б. Копчук, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург), В. Б. Меркурьева, д-р филол. наук, проф. (Иркутск), О. А. Мельничук, д-р филол. наук, доц. (Якутск), И. Н. Новгородов, д-р филол. наук, проф. (Якутск), В. И. Постовалова, д-р филол. наук, проф. (Москва), Протоиерей Владимир (Алексеев), д-р богословских наук (Нью-Йорк), В. А. Степаненко, д-р филол. наук, доц. (Иркутск), Л. А. Становая, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург), В. М. Хантакова, д-р филол. наук, проф. (Иркутск)

Монгольские языки (бурятский и монгольский): Т. Б. Тагарова, д-р филол. наук, доц. (Иркутск), Л. Б. Бадмаева, д-р филол. наук, доц. (Улан-Удэ), Т. Б. Баларьева, канд. филол. наук, доц. (Иркутск), Цэвээний Магсар, д-р филологии (Ph.D), проф. (Улан-Батор)

Педагогические науки: Е. Б. Артемьева, д-р пед. наук, проф. (Новосибирск), А. В. Бабаян, д-р пед. наук, проф. (Пятигорск), А. С. Белых, д-р пед. наук, проф. (Луганск), О. О. Борисова, д-р пед. наук, проф. (Орел), В. А. Бородина, д-р пед. наук, проф. (Санкт-Петербург), В. В. Воронкова, д-р пед. наук, проф. (Москва), М. П. Воюшина, д-р пед. наук, проф. (Санкт-Петербург), И. П. Гладилина, д-р пед. наук, проф. (Москва), Н. Ж. Дагбаева, д-р пед. наук, проф. (Улан-Удэ), Е. Г. Дичева, д-р педагогики (Бургас, Р. Болгария), Т. Ц. Дугарова, д-р психол. наук, доц. (Москва), М. Н. Колесникова, д-р пед. наук, проф. (Санкт-Петербург), Ю. А. Комарова, д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования (Санкт-Петербург), Е. Л. Крутий, д-р пед. наук, проф. (Тернополь), М. В. Николаева, д-р пед. наук, проф. (Волгоград), Н. П. Поличка, д-р пед. наук, проф. (Хабаровск), Т. А. Стефановская, д-р пед. наук, профессор (Иркутск), С. Ц. Содномов, д-р пед. наук, доц. (Улан-Удэ), Е. И. Тихомирова, д-р пед. наук, проф. (Самара), А. В. Фёдоров, д-р пед. наук, проф. (Ростов-на-Дону), А. В. Шумакова, д-р пед. наук, доц. (Ставрополь)

Философия: Н. С. Коноплев, д-р философских наук, профессор (Иркутск)

Адрес учредителя

Россия, 125993, г. Москва, б-р Кронштадтский, д.20

Тел.: +7 (499) 458-75-47; +7 (499) 459-07-40 /факс +7 (499) 459-07-01, e-mail: info@mstuca.aero

Адрес редакции:

Россия, 664047, г. Иркутск, ул. Коммунаров, 3 МИАЖ «Crede Experto»

Тел.: +7 902 177 25 67, e-mail: credeexperto@if-mstuca.ru, <http://ce.if-mstuca.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 71211 от 27.09.2017. Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Группы научных специальностей: 05.22.00 – Транспорт (05.22.08, 05.22.13, 05.22.14); 13.00.00 – Педагогические науки (13.00.01, 13.00.02, 13.00.08); 10.02.00 – Языкознание (10.02.04, 10.02.05, 10.02.19). Дата включения издания в Перечень: 22.12.2020.

Журнал имеет международный номер ISSN 2312-1327

Выходит 1 раз в квартал

Издаётся с 2014 года

© Иркутский филиал МГТУ ГА, 2020

**International informational and analytical journal «Crede Experto: transport, society, education, language»
(«Crede Experto»)**

The founder of the journal is the Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTUCA)

The publisher of the journal is the Irkutsk Branch of the Moscow State Technical University of Civil Aviation. The official site is <http://if-mstuca.ru/site/>

Editor-in-Chief: L. A. Ivanova, Candidate of Pedagogical Science, associate professor (Irkutsk)

Head of the Advisory Board: O. N. Skrypnik, Doctor of Technical Sciences, professor, Honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Minsk)

MEMBERS OF THE ADVISORY BOARD

Technical Sciences: L. G. Bol'shedvorskaja, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Moscow), E. E. Vitvitskiy, Doctor of Technical Sciences, Full professor (Omsk) O. A. Gorbachyov, Doctor of Technical Sciences, professor (Irkutsk), Y. A. Kulikov, Doctor of Technical Sciences, professor, academician of Transport Academy of Ukraine (Luhansk), V. M. Kurganov, Doctor of Technical Sciences, professor (Tver), E. M. Lunev, Candidate of Technical Sciences (Moscow), E. S. Neretin, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Moscow), G. I. Nyechayev, Doctor of Technical Sciences, professor, academician of Transport Academy of Ukraine (Luhansk), E. E. Nyechayev, Doctor of Technical Sciences, professor, (Moscow), N. I. Nikolaykin, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Moscow), P. M. Ogar, Doctor of Technical Sciences, professor (Bratsk), A. P. Plyasovskikh, Doctor of Technical Sciences (Saint Petersburg), Dimitur Rousev, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Burgas), O. N. Skrypnik, Doctor of Technical Sciences, professor, Honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Minsk), A. I. Suhorukov, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Moscow), D. E. Eshmuradov, Candidate of Technical Sciences (Tashkent)

Philological Sciences: D. A. Alkebaeva, Doctor of Philological Sciences, professor (Almaty), M. Ya. Blokh, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow), A. N. Bezrukov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Birska), Lanju Wang, Candidate of Philological Sciences, associate professor (Baoding), I. A. Verkhoviykh, candidate of Philological Sciences, associate Professor (Moscow), A. R. Gabidullina, Doctor of Philological Sciences, professor (Horlivka), Ewa Żebrowska, Doctor of Philological Sciences, professor, professor ordinarius (Warsaw), N. S. Ivanova, Doctor, Professor (Bourgas), G. E. Imambaeva, Doctor of Philological Sciences, professor (Pavlodar), N. N. Kazydub, Doctor of Philology, Professor (Krasnoyarsk), A. V. Kolmogorova, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Krasnoyarsk), L. B. Kopchuk, Doctor of Philological Sciences, professor (Saint Petersburg), V. B. Merkurieva, Doctor of Philological Sciences, professor (Irkutsk), O. A. Mel'nichuk, Doctor of philological sciences, associate professor (Yakutsk), I. N. Novgorodov, Doctor of Philological Sciences, professor (Yakutsk), V. I. Postovalova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow), Archpriest Vladimir (Aleksiev), Doctor of Theology (New-York), V. A. Stepanenko, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Irkutsk), L. A. Stanovaja, Doctor of philological sciences, professor (St. Petersburg), V. M. Khantakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Irkutsk)

Mongolic languages (Buryat and Mongolian): T. B. Tagarova, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Irkutsk), L. B. Badmaeva, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Ulan-Ude), T. B. Balar'eva, Candidate of Philological Sciences, associate professor (Irkutsk), Tsevenii Magsar, Ph.D., Professor (Ulan Bator)

Pedagogical Sciences: E. B. Artem'eva, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Novosibirsk), A. V. Babayan, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Pyatigorsk), A. S. Belyh Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Luhansk), O. O. Borisova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Orel), V. A. Borodina, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (St. Petersburg), V. V. Voronkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Moscow), M. P. Vojushina, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (St. Petersburg), I. P. Gladilina, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Moscow), N. Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Ulan-Ude), E. Dicheva, Doctor of Pedagogical Sciences (Burgas, Bulgaria), T. C. Dugarova, Doctor of Psychological Sciences, associate professor (Moscow), M. N. Kolesnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (St. Petersburg), J. A. Komarova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (St. Petersburg), M. V. Nikolaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Volgograd), E. L. Krutij, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Ternopil), N. P. Polichka, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Khabarovsk), T. A. Stefanovskaya, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Irkutsk, Russia), S. C. Sodnomov, Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor (Ulan-Ude), E. I. Tihomirova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara), A. V. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Rostov-on-Don), A. V. Shumakova, Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor (Stavropol)

Philosophical Sciences: N. S. Konopljov, Doctor of Philosophy, professor (Irkutsk)

Address of the Founder

20 Kronshtadtsky blvd, Moscow, GSP-3, 125993

Phone.: +7 (499) 458-75-47; +7 (499) 459-07-40 / fax +7 (499) 459-07-01, e-mail: info@mstuca.aero

Editorial office address:

Kommunarov St. 3, Irkutsk, Russia, 664047

Phone.: +7 902 177 25 67, e-mail: credeexperto@if-mstuca.ru, <http://ce.if-mstuca.ru/>

Magazine registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR), EL № ФЦ 77 — 71211, 27.09.2017. The journal has been included in the LIST of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals to publish the main findings of theses for the academic degree of Candidate of Sciences, for the academic degree of Doctor of Sciences since 22.12.2020. Groups of scientific specialties: 05.22.00 Transport (05.22.08, 05.22.13, 05.22.14); 13.00.00 Education science (13.00.01, 13.00.02, 13.00.08); 10.02.00 Linguistics (10.02.04, 10.02.05, 10.02.19).

The journal is registered with ISSN 2312-1327

Publication 1 time in 3 months.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СИСТЕМЫ НАБЛЮДЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ВОЗДУШНОГО ДВИЖЕНИЯ

Плясовских Александр Петрович

О наглядном геометрическом представлении движения материальной точки в пространстве и времени на примере воздушного движения 6

АВИОНИКА, АВИАЦИОННЫЕ ЭЛЕКТРОСИСТЕМЫ, ПИЛОТАЖНО-НАВИГАЦИОННЫЕ КОМПЛЕКСЫ И МЕТОДЫ ИХ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Дяченко Сергей Александрович, Савельев Артём Сергеевич

Анализ автоматизированных средств верификации систем авионики, применяемых при разработке современных гражданских самолётов 30

Будков Александр Сергеевич

Анализ проблем, возникающих при выполнении маршрутов четырёхмерной навигации в гражданской авиации, и определение основных путей их решения 37

БЕЗОПАСНОСТЬ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ

Назаров Павел Сергеевич, Кудряков Сергей Алексеевич, Устинов Владимир Валентинович

Методика и алгоритм распознавания фигур пилотажа при программной реализации оценки качества техники пилотирования самолета летчиком 44

ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Кострова Ольга Андреевна

Межкатегориальное взаимодействие в исследованиях вербальной коммуникации 55

ДИСКУРС И ТЕКСТ: ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бабаева Раиса Ивановна, Яценко Анна Сергеевна

Феминные типажи немецкоязычной смеховой лингвокультуры: номинации женщин в анекдотах 69

Салтымакова Мария Андреевна

Эмоциональный аспект в номинациях понятия «Heimat» (на материале художественного дискурса российских немцев) 82

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Становая Лидия Анатольевна

Франсийский диалект и франсийские скрипты: контуры франсийской скриптуральной зоны 97

Сенина Инна Валерьевна, Позднякова Светлана Юрьевна

Аффиксация как вид терминообразования на основе компонентов Dialekt/Mundart 118

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Тагарова Татьяна Бороевна

К фразеологической репрезентации концепта үхэл 'смерть' в бурятском языке 132

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Имамбаева Гайша Ертаевна, Приходченко Илья Олегович

Мистические мотивы в городских легендах Павлодара (на примере цикла легенд о горсаде) 149

РЕГИОНОВЕДЕНИЕ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Сисенкова Мария Михайловна

Обзор исследований партийной системы КНР китайскими учеными на современном этапе 159

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Вепрева Татьяна Борисовна, Печинкина Ольга Владиславовна

Английский язык для студентов-медиков: современный этап и перспективы развития .. 170

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Козлова Елена Анатольевна

Необходимость гуманитарного знания для креативного образования 188

ДЕБЮТ В НАУКЕ

Ильина Юлия Вячеславовна

Прагматика числительных в метеосводках 199

УДК 351.814.33

ББК 39.57

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_6

О НАГЛЯДНОМ ГЕОМЕТРИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ТОЧКИ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ ВОЗДУШНОГО ДВИЖЕНИЯ

*Александр Петрович Плясовских,
orcid.org/0000-0003-2250-8852*

доктор технических наук

главный конструктор научно-технического центра организации воздушного движения (НТЦ ОрВД) АО «Ордена Трудового Красного Знамени Всероссийский научно-исследовательский институт радиопаратуры»,

пр. Обуховской обороны, д.120

Санкт-Петербург, 192012, Россия

disput100@yandex.ru

Аннотация. В работе изложен новый, оригинальный метод наглядного геометрического представления движения материальной точки (или воздушного судна) в пространстве и времени. Актуальность предлагаемого метода обусловлена недостатками традиционного метода представления движения в пространстве-времени, одной из координат которого является независимое от пространственных координат время. В таком пространстве-времени не определено понятие расстояния между двумя его точками, не определены понятия угла, треугольника, геометрических фигур, в нем невозможно использовать евклидову геометрию. Автор предлагает использование четырёхмерного евклидова пространства с четвертой осью $z = bt$, где b – постоянная скорости, t – время, для представления движения материальной точки (воздушного судна) в пространстве и времени. Движение материальной точки (воздушного судна), представленное с использованием предложенного автором пространства, является наглядным, линия движения имеет геометрический смысл линии евклидовой геометрии. Приведены примеры представления четырёхмерного движения воздушного судна по участку маршрута, понятие четырёхмерного коридора движения воздушного судна. Показана возможность использования предлагаемого метода для описания и исследования движения материальной точки (воздушного судна) в пространстве и времени. Метод открывает новое направление исследований движения материальных точек и других материальных объектов в пространстве и времени с использованием многомерной и, в частности, четырёхмерной геометрии. Значение предлагаемого в статье подхода состоит в том, что он открывает новые направления научных исследований в таких науках как физика (не релятивистская механика), навигация и управление воздушным движением, космическая механика, и во многих других науках, где исследуются процессы движения различных объектов в пространстве и времени. Автор планирует в дальнейшем продолжить публикацию полученных с использованием предложенного метода результатов, которые не вошли в данную работу из-за ограничений по объему статьи.

Ключевые слова: управление воздушным движением, 4D траектория, 4D пространство, материальная точка, многомерная геометрия, пространство-время.

CONCERNING THE GEOMETRIC VISUALIZATION OF PARTICLE MOTION IN SPACE AND TIME ON THE EXAMPLE OF AIR TRAFFIC

Aleksandr P. Plyasovskikh
orcid.org/0000-0003-2250-8852

Doctor of Engineering Science

Chief designer of the scientific and technical center of air traffic management

JSC All-Russian Research Institute of Radio Equipment awarded with the Order of

Red Banner,

Obukhovskoy Oborony Ave., 120

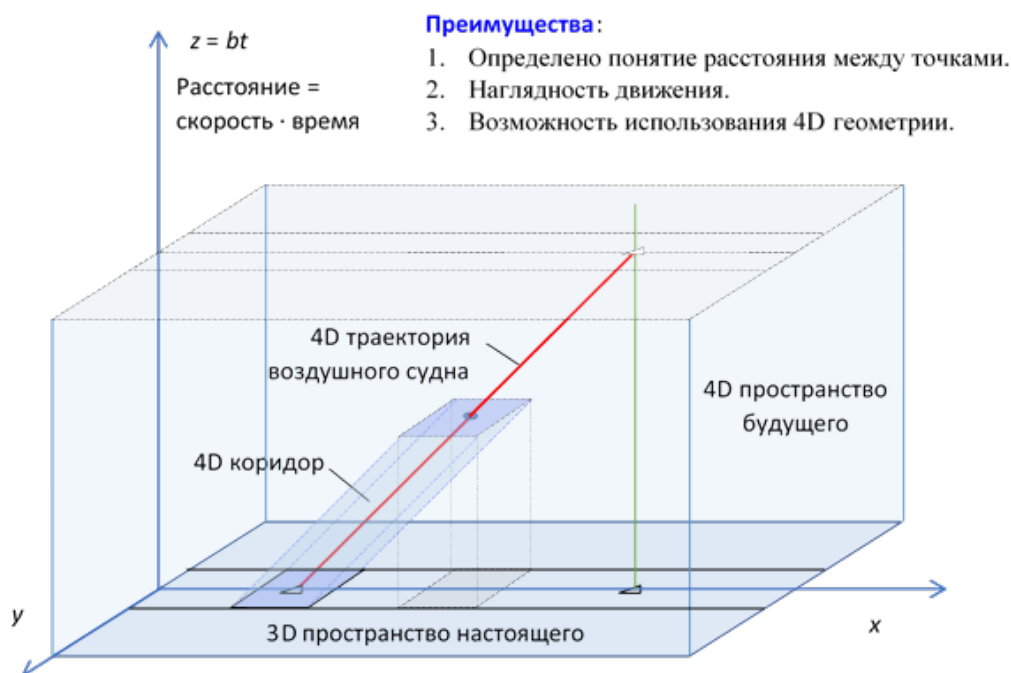
St. Petersburg, 192012, Russia

disput100@yandex.ru

Abstract. The article presents a new original method of geometric visualization of particle (or aircraft) motion in space and time. The urgency of the proposed method stems from disadvantages of the traditional method of presenting the motion in space-time having as one of its coordinates the time which is independent on spatial coordinates. In this space-time, the concept of distance between two points is not defined, the concepts of angle, triangle, geometric figures are not defined as well, it does not allow Euclidian geometry to be used. The author proposes the use of four-dimensional Euclidian space with the fourth axis $z = bt$ where b is a speed constant, t is time, for presenting the motion of a particle (aircraft) in space and time. The particle (aircraft) motion presented with the use of the space proposed by the author is a visualized one, the track makes geometric sense of a Euclidian geometry line. The examples of presenting the four-dimensional motion of an aircraft along its route are given, the concept of four-dimensional corridor of aircraft motion is defined. It is shown that the proposed method could be used for description and research of particle (aircraft) motion in space and time. The method opens up a new direction of research of particles and other material objects moving in space and time with the use of multi-dimensional, in particular, four-dimensional geometry. The importance of the approach proposed in the article is that it opens new directions of scientific research in such sciences as physics (not relativistic mechanics), navigation and air traffic control, space mechanics and many other sciences in which processes of motion of different objects in space and time are researched. The author is going to continue publishing the results obtained due to the proposed method which are not included in the present paper because of space limitations.

Key words: air traffic control, 4D trajectory, 4D space, material particle, multidimensional geometry, space-time.

Наглядное геометрическое представление 4D движения воздушного судна

Ясно, – продолжал Путешественник во Времени, – что всякое реальное тело должно обладать протяженностью по четырем измерениям, то есть должно иметь длину, ширину, высоту и продолжительность существования. *Герберт Уэллс. Машина времени*

Введение

В настоящей работе излагается ноу-хау автора: метод наглядного геометрического представления движения материальной точки в пространстве и времени на примере воздушного движения. Проблема, которая решается в настоящей статье, заключается в том, что движение, представленное в пространстве и времени, не является наглядным. В этой работе рассматривается движение материальной точки и воздушного судна (ВС). Движение материальной точки (или ВС) в пространстве-времени, представляющем собой множество четырёхмерных точек (x, t) , $x = (x, y, h)$, где x – вектор пространственных координат, x, y – координаты материальной точки (ВС) в горизонтальной плоскости, h – высота, t – время, представленное в виде линии движения в этом пространстве, не является наглядным, так как расстояние между двумя точками M_1 и M_2 с координатами (x_1, t_1) и (x_2, t_2) в пространстве-времени, как это показано в работе, не определено. Линия движения в таком пространстве-времени не имеет длины, протяженности, в том смысле, что невозможно определить расстояние между какими-либо двумя точками этой линии. В силу этого линия движения в пространстве-времени не имеет геометрического смысла

линии евклидова пространства. В пространстве-времени не определены понятия вектора, угла, окружности, треугольника и других имеющих размеры геометрических фигур. В пространстве-времени невозможно применять евклидову геометрию для исследования движения материальной точки (или ВС).

В настоящей работе предпринимается попытка математически связать пространство и время, придав тем самым движению наглядный, и потому интуитивно понятный геометрический смысл. Для этого в работе используется математический прием замены переменной: время заменяется на величину времени, умноженную на некоторую константу скорости. То есть в геометрическом представлении движения переменная t (время) заменяется на переменную $z = bt$ (расстояние, пройденное материальной точкой с постоянной скоростью b за время t).

Подчеркнём, что это чисто математический прием, не претендующий на философское объяснение взаимосвязи пространства и времени в нашем физическом мире.

Такая замена переменной делает движение материальной точки геометрически наглядным и понятным.

С одной стороны, представив движение материальной точки в воображаемом четырёхмерном пространстве, в котором тремя координатными осями описывается трехмерное евклидово пространство, а четвертой осью описывается воображаемое равномерное движение, при котором четвертая координата z изменяется в соответствии с выражением $z = bt$, мы получаем наглядное геометрическое представление четырёхмерного движения.

С другой стороны, такое представление позволяет ввести в рассматриваемом четырёхмерном пространстве метрику, то есть определение расстояния между любыми точками пространства. Понятие расстояния между точками позволяет, в свою очередь, использовать хорошо развитую четырёхмерную евклидову геометрию для изучения четырёхмерного движения ВС.

Таким образом, цель настоящей работы состоит в том, чтобы придать движению простой геометрический смысл и сделать представление движения простым для понимания и наглядным. Вторая цель: обосновать возможность использования многомерной евклидовой геометрии для изучения многомерного (включая четырёхмерное) движения материальной точки или ВС. Представленный в работе метод является новаторским. Он открывает, по сути, новое направление исследований движения материальных точек и других объектов в пространстве и времени с использованием многомерной и, в частности, четырёхмерной геометрии.

В работе представлено описание четырёхмерной линии движения ВС с постоянной скоростью, а также описание четырёхмерного коридора воздушного движения. Представлена четырёхмерная модель прошлого, настоящего и будущего. Обоснована возможность использования

предлагаемого метода для исследования движения материальной точки и других объектов в пространстве и времени.

В продолжении этой работы будут изложены не вошедшие в эту часть другие результаты, связанные с описанием четырехмерного движения ВС.

Методы (Теоретическая база)

О пользе наглядного геометрического представления аналитических выражений

Рассмотрим следующий пример [Математика..., 1956]. Имеется неравенство $x^2 + y^2 < N$. Задача состоит в том, чтобы определить, сколько целочисленных решений имеет это неравенство при $N \rightarrow \infty$. В алгебраической форме эту задачу решить довольно трудно. (Предлагаем читателю попробовать сделать это самостоятельно.)

Однако эту задачу можно представить в геометрической форме. Для этого рассмотрим x и y как целочисленные декартовы координаты на плоскости (рис. 1).

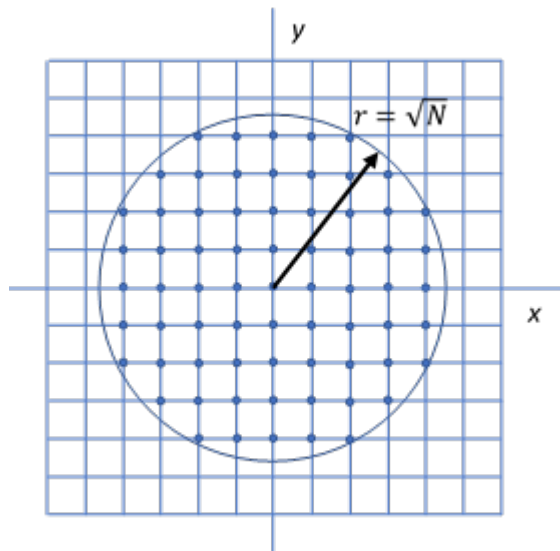

Рисунок 1 – Наглядное представление задачи

В таком представлении задача сводится к ответу на вопрос: сколько точек с координатами (x, y) , где x и y – целые числа, содержится внутри круга радиуса $r = \sqrt{N}$? Точки с целочисленными координатами – это вершины квадратов со стороной единичной длины, покрывающих плоскость (рис. 1). Число таких точек внутри круга приближенно равно числу квадратов, лежащих внутри круга, то есть приближенно равно площади круга радиуса $\sqrt{N}$, или числу πN . Это дает ответ задачи: число целочисленных решений неравенства при $N \rightarrow \infty$ приближенно равно πN .

Таким образом, наглядное геометрическое представление задачи, поставленной в аналитическом виде, позволило довольно просто получить результат, далеко не очевидный с точки зрения «чистой алгебры».

Геометрическое представление задач, поставленных в аналитическом виде, которое делает абстрактную математику наглядной, зачастую оказывается полезным, помогает подключить к процессу решения не только математическую логику, но и геометрическую интуицию и повседневный опыт, которые помогают ориентироваться в окружающем пространстве. В математике сложно переоценить практическое значение, например, геометрического представления производной функции в точке как углового коэффициента касательной к графику этой функции в этой точке.

В теории вероятностей геометрическое представление интеграла, как площади фигуры, ограниченной сверху плотностью вероятности, слева и справа – пределами интегрирования, также бесценно. Оно позволяет зачастую просто решать сложные вероятностные задачи.

Но, как мы увидим ниже, обычное движение материальной точки в пространстве и времени представить в наглядном виде оказывается довольно сложно.

О не наглядности представления движения материальной точки в пространстве и времени

Рассмотрим следующий пример. Пусть в момент времени t_1 материальная точка имеет координату x_1 на оси x , а в момент времени t_2 эта материальная точка переместилась в координату x_2 (рис. 2). Соединив точки M_1 и M_2 с координатами (x_1, t_1) и (x_2, t_2) , получим траекторию или линию движения L материальной точки в одномерном пространстве и времени, которая изображена на рис. 2.

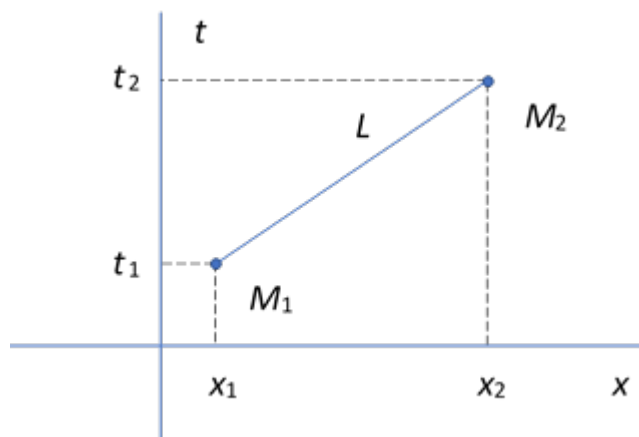

Рисунок 2 – Линия движения материальной точки в одномерном пространстве и времени

Линия, по Евклиду, это «длина без ширины» [Начала Евклида..., 1949-1951]. Но какова длина линии движения в пространстве и времени? Иными словами, какое расстояние проходит материальная точка, переместившись из точки M_1 в точку M_2 одновременно в пространстве и времени?

Только в пространстве материальная точка перемещается на расстояние $\Delta x = x_2 - x_1$. В геометрическом смысле – это длина проекции

линии движения L на ось x . Только во времени материальная точка перемещается на интервал времени (на «расстояние» по временной оси) $\Delta t = t_2 - t_1$. В геометрическом смысле – это длина проекции линии движения L на ось t .

Но мы не можем определить, измерить пройденное материальной точкой расстояние одновременно в пространстве и во времени. Причина этого состоит в том, что в пространстве и времени, заданном множеством точек (x, t) , не определена метрика $\rho(M_1, M_2)$, то есть расстояние между точками M_1 и M_2 .

В евклидовом двумерном пространстве с прямоугольной системой координат Oxy расстояние между двумя точками M_1 и M_2 с координатами (x_1, y_1) и (x_2, y_2) , определяется выражением [Бондаренко и др., 2017]

$$\rho_{xy}(M_1, M_2) = \sqrt{(x_2 - x_1)^2 + (y_2 - y_1)^2}.$$

Если чисто формально в пространстве с системой координат Oxt (рис. 2) расстояние между точками M_1 и M_2 определить аналогичным образом, то мы получим:

$$\rho_{xt}(M_1, M_2) = \sqrt{(x_2 - x_1)^2 + (t_2 - t_1)^2}.$$

Для того чтобы рассчитать расстояние по этой формуле, нужно величину в единицах длины возвести в квадрат, прибавить к результату возведенную в квадрат величину в единицах времени и из полученного результата извлечь квадратный корень. То есть, по этой формуле расстояние = $\sqrt{\text{расстояние}^2 + \text{время}^2}$. Очевидно, что это лишено какого-либо математического смысла.

Именно поэтому в пространстве и времени Oxt расстояние между какими-либо двумя точками, заданными координатами x и t , определить невозможно. Это расстояние не определено в силу того, что в пространстве и времени Oxt не определена метрика.

Таким образом, в пространстве-времени Oxt траектория, то есть линия движения представляет собой линию без длины. На этой траектории невозможно определить расстояние между какими-либо двумя ее точками.

Итак, представление движения материальной точки в пространстве-времени Oxt (рис. 2) не наглядно, интуитивно не понятно. И действительно, что из себя представляет линия, то есть «длина без ширины», которая не имеет длины? «Длина без ширины», которая не имеет длины, лишена смысла. Линия движения в пространстве-времени геометрически (в смысле евклидовой геометрии) представлена быть не может.

В пространстве-времени невозможно задать вектор

Вектор в геометрии – это математическая структура, которая характеризуется, во-первых, направлением, и во-вторых, его длиной. Но если длину вектора в каком-либо пространстве определить невозможно (по определению длина вектора – это расстояние между точками его начала и

конца), то в таком пространстве невозможно определить вектор, ввести понятие вектора.

И действительно, что есть вектор в пространстве-времени (рис. 3)? Вектор без длины, вектор с неопределённым расстоянием между точками его начала и конца – это, строго говоря, не вектор.

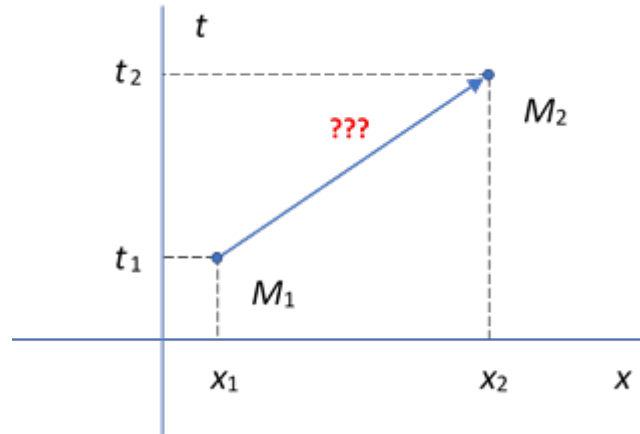

Рисунок 3 – Вектор в пространстве и времени определить невозможно

В пространстве-времени невозможно определить угол

В пространстве и времени, представленном на рис. 4, невозможно также определить угол. В прямоугольном треугольнике синус угла определяется как отношение длины противолежащего катета к длине гипотенузы. Но как определить синус угла в треугольнике, длины сторон которого не определены? Это невозможно.

В системе СИ радиан является основной единицей измерения угла. По определению радиан – это угол, соответствующий дуге, длина которой равна её радиусу. Как в соответствии с этим определить угол в пространстве, в котором невозможно определить длину радиуса и длину дуги (рис. 5)? Это риторический вопрос.

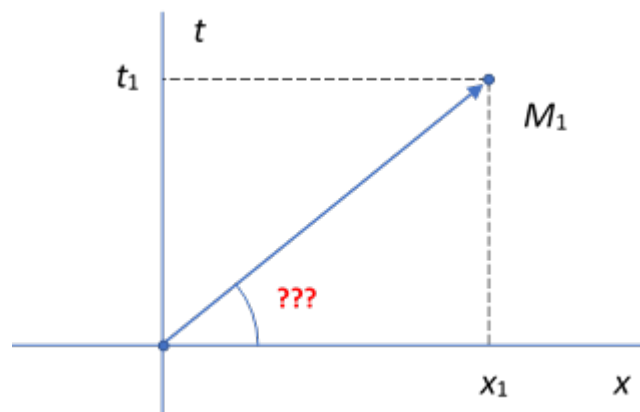

Рисунок 4 – Угол в пространстве и времени определить невозможно

Рисунок 5 – Понятие радиана (единицы измерения угла) в пространстве и времени определить невозможно

Таким образом, традиционное представление движения материальной точки на графике, который представлен осями расстояния x и времени t , не наглядно и лишено того геометрического смысла, который имеет место в евклидовой геометрии. Какой, скажем, смысл имеет расстояние между точками M_1 и M_2 на рис. 2? Это и не пространственное расстояние, это и не время. Его геометрическое понятие и его геометрический смысл не определены. В пространстве-времени, представленном с помощью такого графика не определены понятия расстояния, вектора, угла, треугольника и многих других элементарных понятий, которые имеются в традиционной евклидовой геометрии.

Наглядное представление движения материальной точки в пространстве и времени

Для того чтобы представить движение материальной точки в геометрически наглядном виде, сделаем на графике пространство-время Oxt (рис. 2) преобразование $z = bt$, где b – это константа, имеющая смысл скорости. Обоснование выбора конкретного значения константы b для исследования движения материальной точки (воздушного судна) будет приведено в продолжении этой работы. Такая замена оси t на ось $z = bt$ приводит к тому, что изменяется геометрический смысл движения материальной точки, движение становится геометрически наглядным, интуитивно понятным и простым.

Рассмотрим движение материальной точки в двумерном евклидовом пространстве с прямоугольной системой координат Oxz , в которой координата z материальной точки определяется в соответствии с выражением $z = b \cdot t$, где b – некоторая константа скорости, t – время.

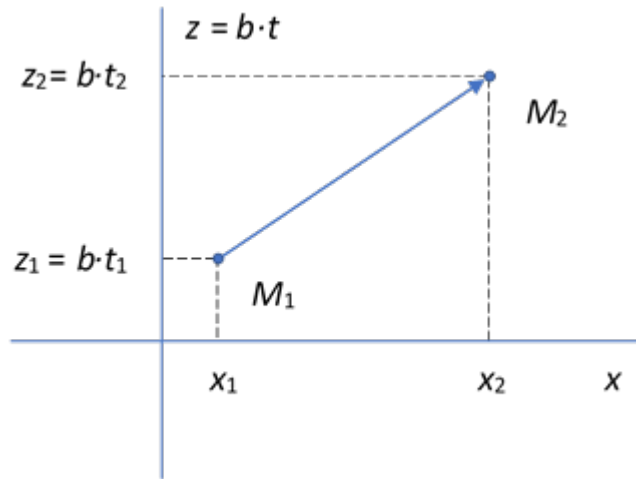

Рисунок 6 – Двухмерное евклидово пространство с осью $z = b \cdot t$

Метрика (расстояние) этого пространства определяется в соответствии с выражением:

$$\begin{aligned} \rho_{xz}(M_1, M_2) &= \sqrt{(x_2 - x_1)^2 + (z_2 - z_1)^2} = \sqrt{(x_2 - x_1)^2 + (bt_2 - bt_1)^2} = \\ &= \sqrt{(x_2 - x_1)^2 + b^2(t_2 - t_1)^2}, \end{aligned}$$

где (x_1, z_1) и (x_2, z_2) – координаты точек M_1 и M_2 в моменты времени t_1 и t_2 , $z_1 = b \cdot t_1$, $z_2 = b \cdot t_2$.

Замена оси времени t на ось расстояния $z = bt$ приводит к тому, что в двухмерном евклидовом пространстве с системой координат Oxz :

1. Можно определить расстояние между какими-либо двумя точками, и это расстояние имеет геометрический смысл расстояния в обычном евклидовом пространстве.

2. Можно определить вектор в геометрическом смысле, то есть структуру, которая характеризуется направлением и длиной.

3. Можно определить угол и другие элементарные понятия евклидовой геометрии (треугольник, окружность, и так далее).

4. Как следствие всего предыдущего: в таком евклидовом пространстве можно использовать евклидову геометрию для описания и изучения процессов, характеризующих движение материальной точки.

Линия движения в таком пространстве приобретает наглядный и простой геометрический смысл, а именно геометрический смысл линии в евклидовом пространстве. Эта линия, как и любая другая линия евклидова пространства имеет длину в том смысле, что расстояние между любыми ее точками может быть определено и измерено. В таком пространстве могут быть определены имеющие размер геометрические фигуры. В таком четырёхмерном пространстве, например, как мы увидим ниже, может быть определен четырёхмерный коридор движения ВС с определенными размерами по всем четырем измерениям. В этом пространстве «работает», то есть может быть использована для наглядного представления движения и для каких-либо расчетов обычная евклидова геометрия.

Заметим, что для наглядного представления движения материальной точки в одномерном пространстве (только по одной пространственной оси) и во времени требуется двухмерное евклидово пространство с двухмерной прямоугольной системой координат, по второй оси которой отображается координата $z = bt$. Для наглядного представления движения материальной точки в двухмерном или трехмерном пространстве и во времени требуется, соответственно, трёхмерное или четырёхмерное евклидово пространство с трехмерной или четырёхмерной прямоугольной системой координат, по одной из осей которой отображается координата $z = bt$.

В четырёхмерном евклидовом пространстве с четвертой осью $z = bt$ расстояние между двумя точками M_1 и M_2 с координатами (x_1, y_1, h_1, z_1) и (x_2, y_2, h_2, z_2) рассчитывается по формуле:

$$\begin{aligned} \rho_{xyhz}(M_1, M_2) &= \sqrt{(x_2 - x_1)^2 + (y_2 - y_1)^2 + (h_2 - h_1)^2 + (z_2 - z_1)^2} = \\ &= \sqrt{(x_2 - x_1)^2 + (y_2 - y_1)^2 + (h_2 - h_1)^2 + b^2(t_2 - t_1)^2}. \end{aligned} \quad (1)$$

Важно отметить, что выбор конкретного значения постоянной b должен быть научно обоснован. Это обоснование будет приведено в продолжении работы. Использование необоснованного значения постоянной b , имеющей смысл и размерность скорости, может привести к смысловым (методологическим) ошибкам в исследовании движения объектов в пространстве и времени.

Метод исследования

Метод исследования, который может использоваться для исследования четырёхмерного движения объектов в пространстве и времени схематично можно изобразить следующим образом (рис. 7).

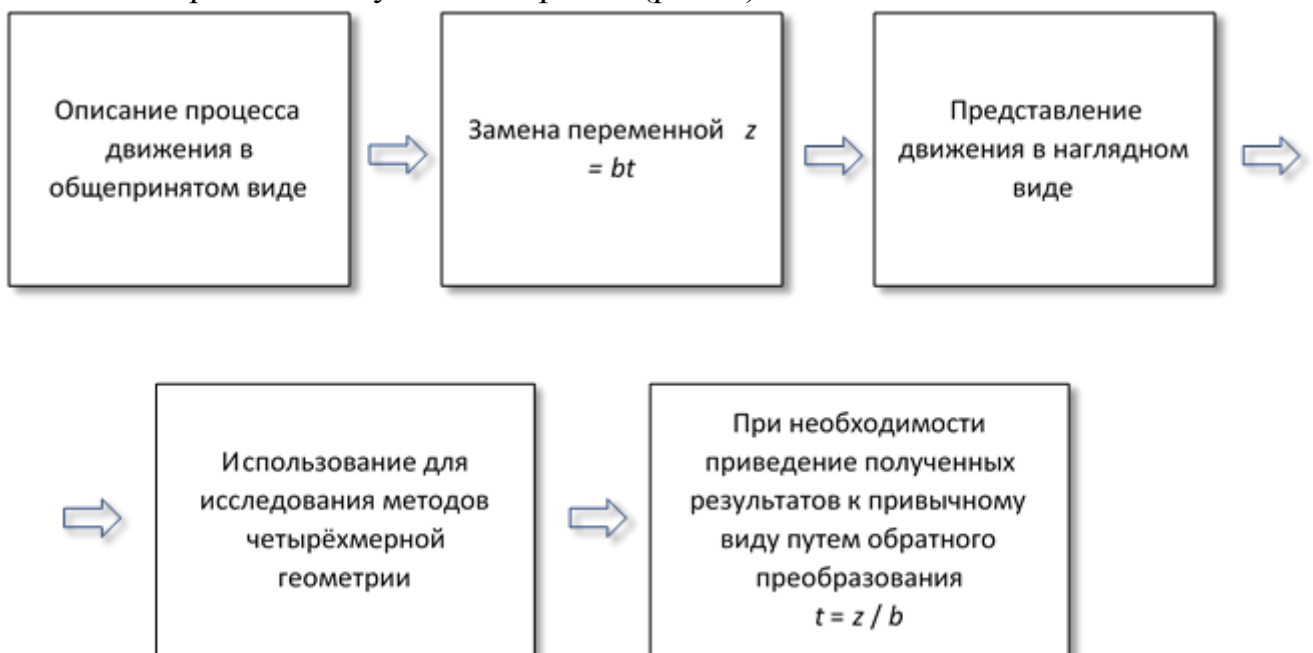

Рисунок 7 – Метод исследования

На первом этапе исследования производится формулировка целей и задач исследования, а также описание исследуемого процесса движения объектов в общепринятом виде. Движение в этом описании может быть выражено в виде параметрических уравнений, а время t может быть представлено как параметр.

На следующем этапе производится замена переменной $z = bt$. Вопрос обоснования выбора конкретного значения b требует отдельного исследования и будет рассмотрен в продолжении этой работы.

Далее осуществляется представление движения в наглядном виде. На этом этапе четырёхмерное движение может быть визуализировано с использованием двухмерных или трехмерных изображений, графиков, на которых отображаются проекции четырёхмерных объектов (линий, фигур).

На следующем, самом важном, ключевом этапе производится исследование процессов движения с использованием четырёхмерной геометрии.

На заключительном этапе, при необходимости, осуществляется приведение полученных результатов к привычному виду путем обратного преобразования $t = z / b$.

Результаты

Наглядное геометрическое представление воздушного движения в четырёхмерном евклидовом пространстве

Для представления движения ВС в трехмерном пространстве и во времени в настоящее время используют понятие четырёхмерной (4D) траектории [Pasini et al., 2018; Глобальный..., 2016; The Aviation System..., 2016; Global Air Traffic..., 2005; Руководство по полетам..., 2012]. 4D траектория движения ВС представляет собой совокупность 4D точек, а 4D точка определяется как точка, имеющая координаты (x, y, h, t) , где x и y – координаты ВС в горизонтальной плоскости, h – высота ВС, а t – время.

Рассмотрим пространство (в математическом смысле), представляющее собой множество точек (x, y, h, t) . Пусть в момент времени t_1 ВС имело координаты в трехмерном пространстве x_1, y_1, h_1 , иначе говоря, в рассматриваемом пространстве оно находилось в точке $M_1(x_1, y_1, h_1, t_1)$. Далее, в момент времени t_2 ВС переместилось в точку $M_2(x_2, y_2, h_2, t_2)$. Если в рассматриваемом пространстве-времени движение ВС представить в виде линии, соединяющей точки M_1 и M_2 , то эта линия, как это было показано выше, не будет иметь длины, в том смысле, что между двумя точками этой линии расстояние не определено. В этом пространстве-времени не задано фундаментальное понятие, определяющее геометрические свойства пространства, не задана метрика пространства. Отсюда следует, что движение ВС, заданное 4D траекторией, геометрически не наглядно, не имеет простого геометрического смысла.

Для наглядного представления движения ВС в трехмерном пространстве и во времени введем четырёхмерное евклидово пространство с четырёхмерной прямоугольной системой координат $Oxyz$, аналогичное

двухмерному евклидову пространству с двухмерной прямоугольной системой координат Oxz , представленному на рис. 6.

В системе координат $Oxyz$ по осям x , y и h будем отображать координаты ВС в трехмерном пространстве, а по оси z будем откладывать координату $z = bt$.

В таком представлении движения ВС мы получим четырехмерную линию движения ВС, имеющую геометрический смысл обычной линии в четырехмерном евклидовом пространстве. Эта четырехмерная линия движения будет обладать длиной (между двумя ее точками можно определить расстояние). Между двумя такими прямыми линиями можно определить угол. На такой четырехмерной линии движения можно определить направляющий вектор. И что самое главное: для описания и исследования движения ВС в таком представлении можно использовать четырехмерную евклидову геометрию (при правильном и обоснованном выборе коэффициента b , который определяет взаимосвязь между временем t и четвертой координатой $z = bt$).

Наглядное геометрическое представление четырехмерного движения ВС по участку трассы

Рассмотрим следующий пример. Пусть в некоторой зоне обслуживания воздушного движения (ОВД) имеется воздушная трасса (прямолинейный участок маршрута) L , которая задается уравнениями:

$$\frac{x - x_0}{e_x} = \frac{y - y_0}{e_y}$$

где e_x и e_y – составляющие направляющего вектора воздушной трассы (участка маршрута) $\bar{s} = (e_x, e_y)$;

x_0 и y_0 – координаты точки (пункта маршрута), через которую проходит воздушная трасса.

Очевидно, что

$$\begin{cases} e_x = \sin \beta \\ e_y = \cos \beta, \end{cases}$$

где β – путевой угол участка маршрута в пункте маршрута.

Примечание. *Путевой угол* (ПУ) – это угол, заключенный между северным направлением меридиана и направлением линии пути. ПУ отсчитывается по часовой стрелке от направления на географический север.

Если ВС проходит через пункт маршрута $M(x_0, y_0)$ в момент времени t_0 и следует с путевой скоростью W , то четырехмерную линию движения ВС по участку маршрута L можно задать уравнениями

$$\frac{x-x_0}{W_x} = \frac{y-y_0}{W_y} = \frac{h-h_0}{W_h} = \frac{z-z_0}{b},$$

где W_x и W_y – горизонтальные составляющие скорости ВС по осям x и y ;

W_h – вертикальная скорость ВС;
 h_0 – высота ВС в пункте маршрута;
 $z_0 = bt_0$;
 b – некоторая константа скорости.

Горизонтальные составляющие скорости ВС W_x и W_y определяются уравнениями:

$$\begin{cases} W_x = W \sin \beta \\ W_y = W \cos \beta . \end{cases}$$

На рис. 8а представлена линия участка маршрута L в двухмерной плоскости Oxy . На рисунке точкой (треугольником) M обозначен пункт маршрута, который находится на участке маршрута. На рис. 8б красным цветом представлена четырёхмерная линия движения ВС L' по участку маршрута L . На рис. 8 для упрощения рисунка и улучшения его наглядности не изображена ось h высоты ВС.

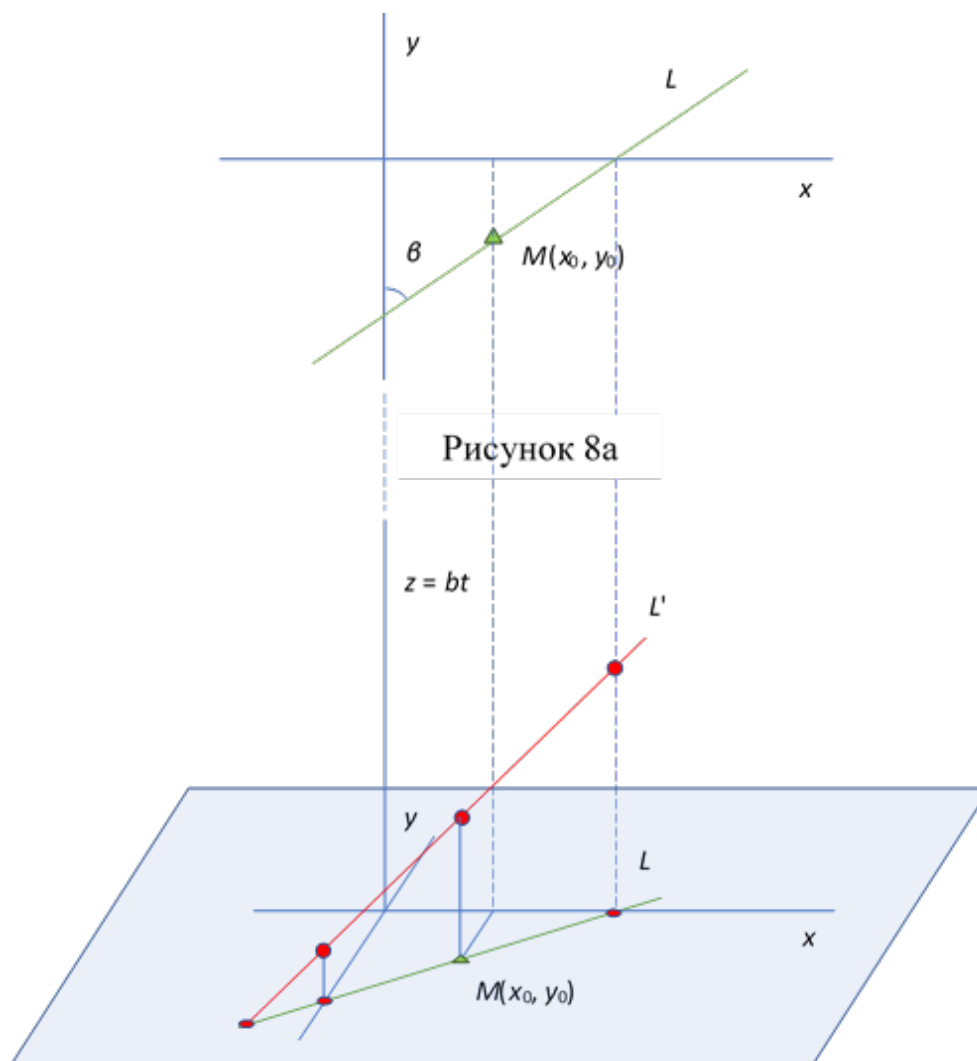

Рисунок 8б

Прошлое, настоящее и будущее в четырёхмерном пространстве

На рис. 9 представлено 4D пространство. На рисунке горизонтальной плоскостью условно изображено трехмерное пространство настоящего, которое имеет место в текущий, нулевой момент времени $t = 0$. Мы предполагаем, что в этот момент времени материальная точка, траектория движения которой в 4D пространстве изображена красной линией, находится в начале координат. Выше трехмерного пространства настоящего на рисунке изображена область 4D пространства будущего, которое имеет место при $t > 0$. Ниже трехмерного пространства настоящего изображена область 4D пространства прошлого, которое имеет место при $t < 0$.

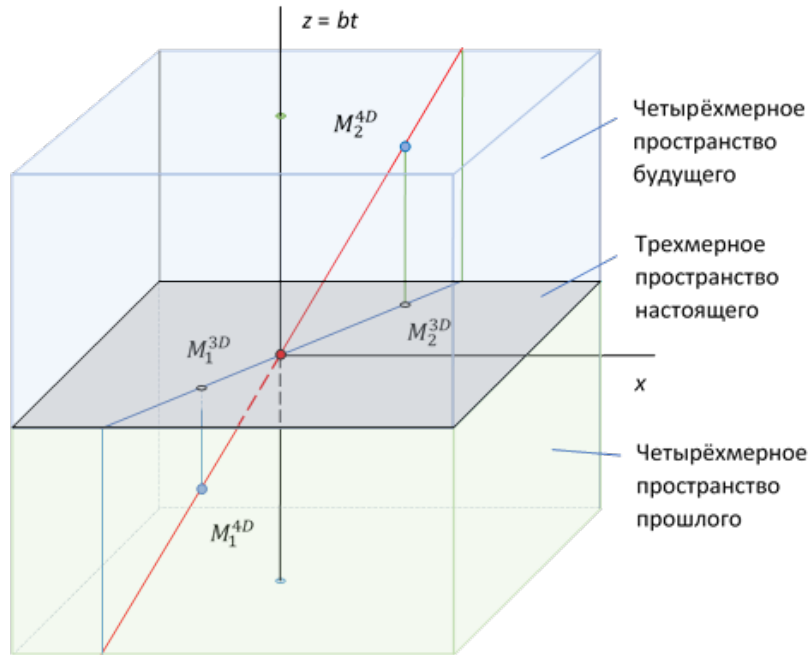

Рисунок 9 – Прошлое, настоящее и будущее

Линия движения: прошлое, настоящее и будущее

Для того чтобы понять, как взаимосвязано движение материальной точки в прошлом, настоящем и будущем, рассмотрим движение реактивного самолета в небе. Для упрощения картины можно представить себе равномерное прямолинейное движение кончика карандаша по листу бумаги – суть от этого не меняется.

Пусть в момент времени $t = 0$ самолет находится в начале четырёхмерной системы координат. ВС оставляет за собой спутный след. Рассмотрим точку истории движения самолета, или же точку спутного следа, в трехмерном пространстве, обозначенную на рис. 9 как M_1^{3D} . Для наблюдателя в трехмерном пространстве эта точка является неподвижной. Она имеет координаты (x_1, y_1, h_1) . В четырёхмерном пространстве эта же точка имеет координаты $(x_1, y_1, h_1, 0)$.

Теперь переместимся в прошлое, в точку M_1^{4D} четырёхмерного пространства, которая имеет координаты (x_1, y_1, h_1, z_1) , $z_1 = bt_1$. Это точка истории для трехмерного пространства. В момент времени t_1 ВС находилось в трехмерном пространстве именно в этой точке, то есть имело координаты

(x_1, y_1, h_1) . Можно заметить, что точка $M_1^{3D}(x_1, y_1, h_1)$ трехмерного пространства является проекцией точки $M_1^{4D}(x_1, y_1, h_1, z_1)$ на трехмерное пространство настоящего.

Продолжая аналогичные рассуждения для всех точек истории движения, или спутного следа самолета, можно прийти к очевидному выводу, что линия истории движения ВС (линия спутного следа) в трехмерном пространстве настоящего является проекцией четырехмерной линии движения ВС на трехмерное пространство.

Теперь рассмотрим будущее, точку $M_2^{4D}(x_2, y_2, h_2, z_2)$ четырехмерного пространства, $z_2 = bt_2$. Соответствующая ей точка трехмерного пространства – это точка $M_2^{3D}(x_2, y_2, h_2)$. Данная точка M_2^{3D} является плановым местоположением ВС в момент времени t_2 . Когда наступит момент времени $t = t_2$, ВС в ней окажется. Рассуждая также, как и в отношении прошлого, можно прийти к выводу, что все точки трехмерной плановой линии движения ВС являются проекциями соответствующих точек четырехмерной линии будущего на трехмерное пространство настоящего. Поэтому плановая линия движения ВС в трехмерном пространстве настоящего представляет собой проекцию четырехмерной линии движения будущего на трехмерное пространство настоящего.

Заметим, что мы рассматриваем не физическую реальность, а математическую четырехмерную модель движения материальной точки, в которой логические рассуждения о прошлом, настоящем и будущем не противоречат здравому смыслу и нашему представлению о физическом мире, о физической реальности. Эти рассуждения показывают, что расчеты, выводы и результаты, полученные с использованием математической модели четырехмерного движения, не будут противоречить объективной реальности. Таким образом, представленная математическая четырехмерная модель движения может быть использована для описания и исследования объективной реальности.

Отображение четырехмерного движения ВС, следующих друг за другом по одному участку маршрута

На рис. 10 линиями L' и L'' представлены четырехмерные траектории движения двух ВС, которые следуют по одному и тому же участку маршрута L с продольным интервалом.

Проекции четырехмерных линий L' и L'' на трехмерное пространство настоящего будут сливаться друг с другом (налагаются одна на другую). Отображение же этих линий в четырех измерениях наглядно показывает, что между ВС имеется продольный интервал.

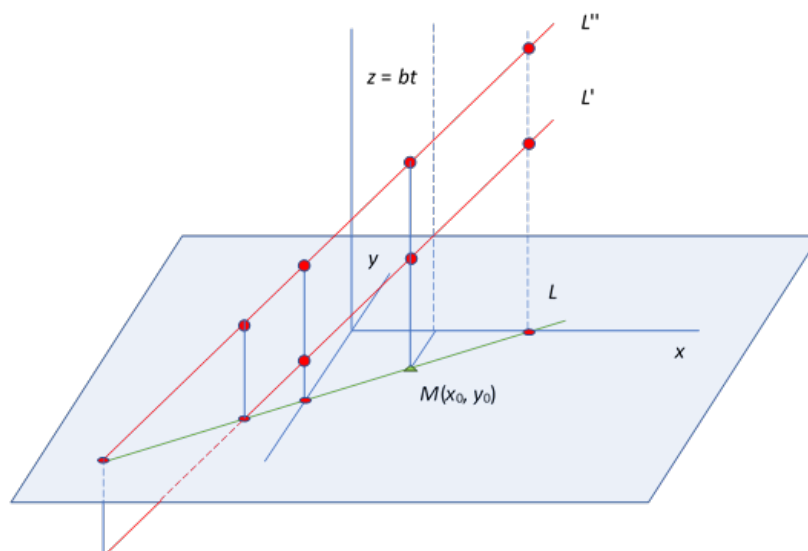

Рисунок 10 – Четырёхмерное движение двух следующих в попутном направлении ВС

Понятие 4D коридора воздушного движения

4D коридором воздушного движения будем называть установленную для каждого ВС область четырёхмерного пространства, в пределах которой должен выполняться полет ВС. 4D коридор воздушного движения ограничен по размерам во всех четырёх измерениях. 4D коридор воздушного движения проходит в пределах трехмерного воздушного коридора. Воздушным коридором называют ограниченную по ширине и, как правило, по высоте полосу воздушного пространства, специально выделенную для полётов летательных аппаратов. Ширина воздушного коридора и, соответственно 4D коридора воздушного движения, устанавливается руководящими документами.

В [Федеральные правила..., 2010] приводятся следующие определения:

«воздушная трасса» – контролируемое воздушное пространство (или его часть) в виде коридора, ограниченное по высоте и ширине;

«местная воздушная линия» – контролируемое воздушное пространство (ниже эшелона перехода) в виде коридора, ограниченное по высоте и ширине.

Ширина воздушной трассы в РФ устанавливается: 10 км (по 5 км в обе стороны от оси воздушной трассы) – при использовании системы наблюдения обслуживания воздушного движения; 20 км (по 10 км в обе стороны от оси воздушной трассы) – без использования системы наблюдения обслуживания воздушного движения. Ширина местной воздушной линии должна быть не более 4 км [Федеральные правила..., 2010]. Трёхмерный воздушный коридор (воздушная трасса) ограничен по высоте верхней и нижней границами. 4D коридор воздушного движения ограничен по размерам во всех четырёх измерениях.

На рис. 11 представлено изображение фрагмента 4D коридора ВС на трассе. По ширине 4D коридор ВС ограничен шириной воздушной трассы. В горизонтальном полете ВС 4D коридор по высоте ограничен довольно узкой

полосой: в современных АС УВД при отклонении ВС от заданной высоты на величину ± 60 м выдается сигнализация диспетчеру.

Временное окно пролета заданного пункта при полете по бизнес-траектории ВС может быть ограничено диапазоном (-2 мин; + 3 мин), контролируемое время прибытия в начальную точка захода на посадку (IAF) может быть ограничено допустимым временным окном (± 30 с) [4D trajectory..., 2008]. В соответствии с этим размер временного окна пролета ВС пунктов маршрута Δt может составлять величину от 1 минуты до 5 минут. За это время при скорости 600 км/час ВС пролетит расстояние от 10 до 50 км.

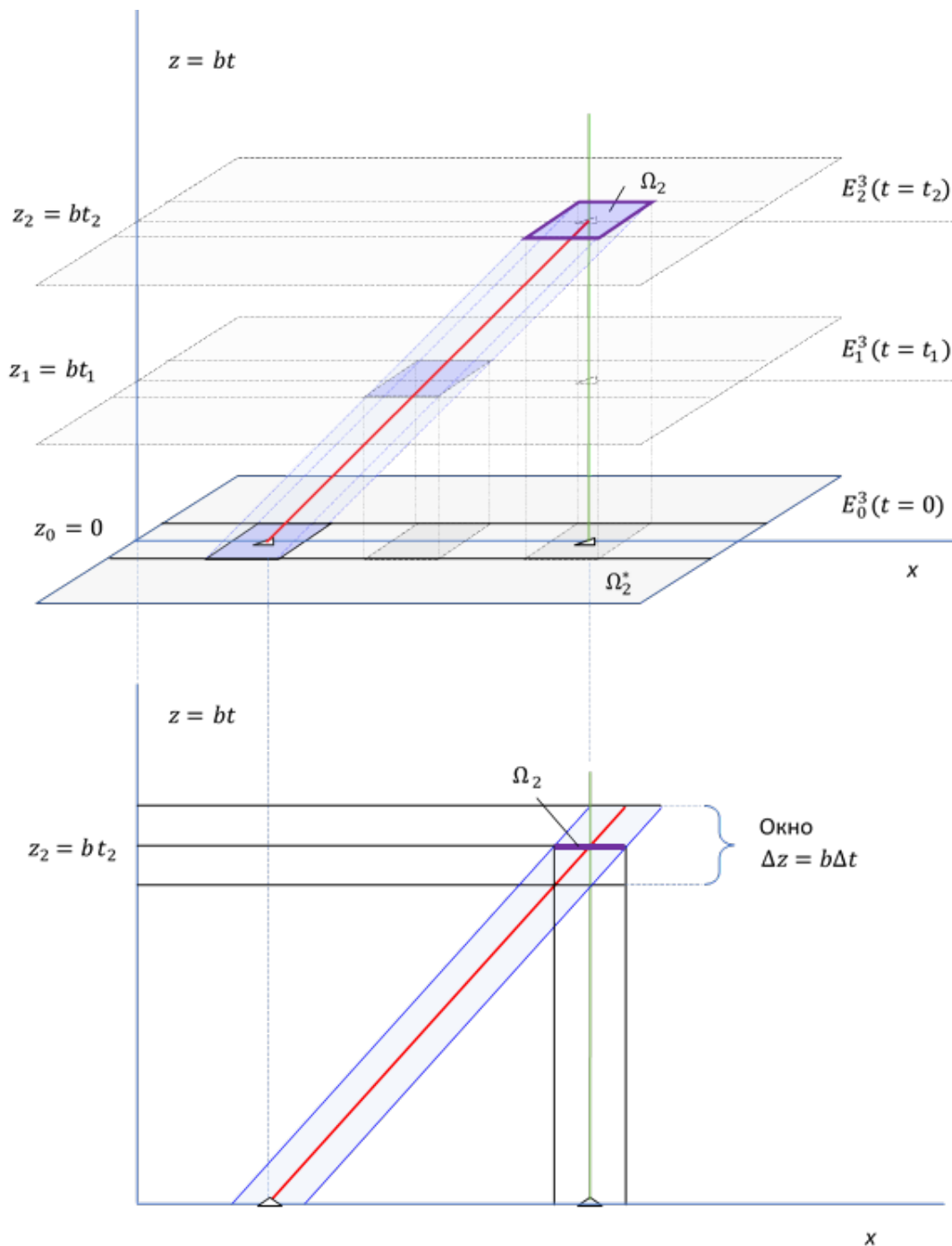

Рисунок 11 – 4D коридор движения ВС

В соответствии с этим, окно пролета пункта маршрута по оси временной протяженности z ограничено величиной $\Delta z = b\Delta t$, где Δt – размер временного окна пролета пункта, через который проходит 4D коридор.

На рис. 11 в момент времени $t = 0$ изображена гиперплоскость $E_0^3(t = 0)$, которая есть ни что иное, как трёхмерное евклидово пространство настоящего. В момент времени $t = t_1$ на рисунке изображена гиперплоскость $E_1^3(t = t_1)$, которое представляет собой трёхмерное евклидово пространство будущего. Аналогичным образом, в момент времени $t = t_2$ на рисунке изображена гиперплоскость $E_2^3(t = t_2)$, которое также есть трёхмерное евклидово пространство будущего.

Сечением 4D коридора ВС гиперплоскостью (трехмерным пространством) называется фигура, состоящая из всех точек, которые являются общими для 4D коридора и секущей гиперплоскости (трехмерного пространства).

На рисунке изображено сечение Ω_2 4D коридора гиперплоскостью (трехмерным пространством) $E_2^3(t = t_2)$. Сечение Ω_2 представляет собой трехмерную фигуру, в пределах которой должно находиться ВС в момент времени $t = t_2$. При горизонтальном полете ВС Ω_2 представляет собой параллелепипед, ограниченный шириной трассы, допустимыми высотами полета и продольными пространственными границами. Продольный размер этого параллелепипеда составляет $W\Delta t$, где W – путевая скорость ВС. При путевой скорости ВС $W = 600$ км/час, обычные размеры этого параллелепипеда, в пределах которого должно находиться ВС в какой-то определенный момент времени, могут составлять: длина – 10 км, ширина – 10 км, высота – 120 м.

Изображенное на рисунке множество точек пространства настоящего Ω_2^* представляет собой проекцию сечения Ω_2 на трехмерное пространство настоящего $E_0^3(t = 0)$. Фигура Ω_2^* – это трехмерная фигура, совпадающая по форме и по размерам с фигурой Ω_2 . Физический смысл фигуры Ω_2^* состоит в том, что она ограничивает заданное плановое местоположение ВС в трехмерном пространстве в момент времени $t = t_2$. То есть, если наблюдатель будет следить за местоположением ВС, и если ВС выполняет полет в пределах ширины трассы на заданной высоте, а также в пределах заданного временного окна пролета пунктов трассы (другими словами, если ВС находится в пределах установленного 4D коридора), то в момент времени $t = t_2$ наблюдатель увидит, что ВС находится в пределах параллелепипеда Ω_2^* .

Участок 4D коридора ВС при равномерном прямолинейном движении ВС в трехмерном пространстве представляет собой гиперпараллелепипед, который образуется перемещением («протягиванием») прямоугольного параллелепипеда в четырехмерном пространстве в направлении, определяемом составляющими скорости движения ВС W_x, W_y, W_h вдоль осей x, y и h , а также скоростью b перемещения вдоль оси z .

Полностью весь 4D коридор ВС представляет собой четырёхмерный гиперканал, внутри которого проходит 4D траектория ВС.

Обобщенное понятие n -мерного Евклидова пространства для описания движущегося $n-1$ -мерного мира

Обобщая понятие представленного выше четырёхмерного евклидова пространства с четырёхмерной прямоугольной системой координат, одна из осей которой $z = bt$, в котором расстояние (метрика) между точками задается выражением (1), можно ввести понятие аналогичного n -мерного евклидова пространства с n -мерной прямоугольной системой координат. Обобщенное n -мерное евклидово пространство имеет $n-1$ пространственных измерений, и n -е измерение, в котором координата материальной точки или координата центра масс (геометрического центра) движущегося объекта определяется в соответствии с выражением $x^n = bt$, где x^n – n -я координатная ось, b – некоторая константа, имеющая размерность скорости, t – время. По сути, n -е измерение этого евклидова пространства также является пространственным. Отличие n -го измерения от других измерений заключается в том, что все материальные точки и все объекты в n -мерном пространстве всегда перемещаются в этом n -м измерении в одну сторону с постоянной скоростью. Никакая точка, никакой объект в n -мерном пространстве не может остановиться, не может замедлить или ускорить свое движение вдоль n -го измерения. В то же самое время, первые $n-1$ измерений подобны измерениям обычного трехмерного евклидова пространства. Вдоль этих измерений материальные точки и другие объекты могут перемещаться с положительной или отрицательной скоростью, с положительным или отрицательным ускорением. Материальные точки и объекты в $n-1$ измерениях могут быть неподвижными. Обозначим n -мерное евклидово пространство с n -мерной прямоугольной системой координат, в которой n -я ось представлена произведением bt как E_{bt}^n . В этом обозначении нижний индекс bt подчеркивает особенность введенного пространства, которая состоит в том, что в одном из пространственных измерений координата материальных точек и всех объектов равна произведению bt . Физический (геометрический) смысл координаты bt – это расстояние, пройденное материальной точкой (объектом) со скоростью b за время t .

Расстояние между двумя точками M_1 и M_2 с координатами $\mathbf{x}_1 = (x_1^1, x_1^2, \dots, x_1^n)$ и $\mathbf{x}_2 = (x_2^1, x_2^2, \dots, x_2^n)$, где $x_1^n = bt_1$ и $x_2^n = bt_2$, во введенном n -мерном пространстве E_{bt}^n определяется выражением:

$$\rho(M_1, M_2) = \sqrt{\sum_{i=1}^n (x_2^i - x_1^i)^2} = \sqrt{\sum_{i=1}^{n-1} (x_2^i - x_1^i)^2 + b^2(t_2 - t_1)^2}. \quad (2)$$

Обсуждение

Таким образом, в настоящей работе с использованием математического приема замены переменной $z = bt$, где b – некоторая константа, имеющая размерность скорости, t – время, введено понятие четырёхмерного евклидова

пространства с прямоугольной декартовой системой координат, использование которого делает представление движения материальной точки наглядным и имеющим простой геометрический смысл обычной линии евклидова пространства. При таком представлении расстояние между любыми двумя точками пространства определяется в соответствии с выражением (1). Кроме того, в таком пространстве можно использовать понятия вектора, угла, треугольника и многих других элементарных понятий евклидовой геометрии. В таком пространстве для описания и исследования движения ВС и других материальных объектов можно использовать четырёхмерную геометрию.

История движения материальной точки в трехмерном пространстве представляет собой, как показали приведенные рассуждения, проекцию четырёхмерной линии движения в четырёхмерном пространстве прошлого на трехмерное пространство настоящего. Аналогичным образом, плановая линия движения материальной точки (или воздушного судна) в трехмерном пространстве – это проекция четырёхмерной линии движения в четырёхмерном пространстве будущего на трехмерное пространство настоящего.

Введенное пространство является математической абстракцией, которую можно использовать для наглядного представления и изучения движения материальных объектов в пространстве и времени.

Четырёхмерное пространство с четвертой осью $z = bt$ позволило ввести понятие 4D коридора воздушного движения. Для каждого ВС 4D коридор представляет собой четырёхмерную фигуру, ограниченную по размерам во всех четырёх измерениях.

В настоящей работе впервые:

1. Введено обобщенное понятие n -мерного евклидова пространства E_{bt}^n с n -мерной прямоугольной системой координат, имеющей n -ую ось $x^n = bt$, где b – константа скорости, t – время. Расстояние между двумя точками в пространстве E_{bt}^n определяется выражением (2).

2. Предложен метод наглядного представления движения материальной точки в пространстве E_{bt}^n , при котором линия движения имеет геометрический смысл линии в n -мерной евклидовой геометрии.

Значение полученных результатов заключается в том, что

1. Во введенном n -мерном пространстве E_{bt}^n в силу того, что все его n измерений являются пространственными, для описания и исследования движения материальных точек и других геометрических объектов можно использовать такой современный и хорошо развитый математический аппарат, как многомерная геометрия.

2. Представленный метод представления движения, по сути, открывает новые направления в науке, которые ждут своих исследователей. Так, например, с использованием представленного метода открывается возможность исследования движения в таком разделе физики как классическая кинематика (возможно, и в динамике). Представляет большой интерес продолжение начатого в этой работе исследования четырёхмерного

воздушного движения ВС с использованием представленного в работе метода и четырёхмерной геометрии. В навигации и УВД можно выделить следующие направления исследований, в которых может быть использован представленный в работе подход: планирование использования воздушного пространства, расчет бесконфликтных 4D траекторий в воздушном пространстве, в том числе для решения задач организации и управления потоком прилетающих ВС AMAN (Arrival Management) [AMAN Status..., 2010] и организации и управления потоком вылетающих ВС (DMAN - Departure Management) [DMAN Operational...], разработка методов подтверждения достоверности информации автоматического зависимого наблюдения (АЗН-В) [Плясовских и др., 2020; Княжский и др., 2020] с использованием понятия 4D коридора, разрешение среднесрочных и краткосрочных конфликтов, а также для решения других задач. Возможно, представленный подход будет представлять интерес в четырёхмерной навигации, в изучении движения во всех видах транспорта, в теории движения космических объектов, механике космического полета, астрономии, баллистике, биомеханике, робототехнике, а также во многих других науках, где исследуется движение каких-либо объектов и тел в пространстве и времени.

Заключение

Таким образом, в настоящей работе изложен оригинальный новаторский метод наглядного геометрического представления движения материальной точки (или другого объекта) в пространстве и времени, который открывает, по сути, новый научный подход к исследованию движения в пространстве и времени с использованием четырёхмерной геометрии. Предложенный подход открывает новые направления научных исследований, в том числе в таком разделе физики как механика, в управлении воздушного движения, а также в других науках, где исследуется движение.

В продолжении работы автор планирует изложить другие результаты, которые не вошли в эту часть, и показать некоторые практические приложения изложенного в настоящей работе метода.

Продолжение следует.

Библиографический список

- Бондаренко, В. А.* Метрические пространства: учебное пособие / В. А. Бондаренко, А. Н. Морозов, А. В. Николаев. Ярославль: ЯрГУ, 2017. 109 с.
- Глобальный аэронавигационный план на 2016–2030 гг. ИКАО, документ [9750-AN/963](#). – Издание пятое. 2016. 142 с.
- Княжский, А. Ю.* Цифровая модель движения на аэродроме / А. Ю. Княжский, А. П. Плясовских // Вестник Концерна ВКО «Алмаз – Антей». 2020. № 3. С. 96-106. <https://doi.org/10.38013/2542-0542-2020-3-96-106>
- Математика, ее содержание, методы и значение. Под ред. А. Д. Александрова, А. Н. Колмогорова, М. А. Лаврентьева. М.: Изд. Академии наук СССР, 1956. Т. 3 С. 13.
- Начала Евклида. Перевод с греческого и комментарии Д. Д. Мордухай-Болтовского при редакционном участии И. Н. Веселовского и М. Я. Выгодского. М.-Л.: ГТТИ, 1949-1951.

Плясовских, А. П. Теоретическое обоснование подтверждения достоверности информации о местоположении объекта на рабочей площадке аэродрома / А. П. Плясовских, Е. А. Рубцов // Т-Сomm: Телекоммуникации и транспорт. 2020. Том 14. №3. С. 32-40.

Руководство по полетам и потокам движения: информация для совместного использования воздушного пространства (FF-ICE). ИКАО, документ 9965. 2012. 172 с.

Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации: утв. постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138. Москва.

«AMAN Status Review 2010», Eurocontrol - Ed.0.1, Dec. 2010.

«DMAN Operational Concept Development». Eurocontrol document, Airport CDM Task Force 12, Edition Number 0.4. EUROCONTROL HQ, Brussels, 25.01.2006.

Global Air Traffic Management Operational Concept. ICAO, Doc 9854 AN/458. – First Edition. 2005. 82 p.

Pasini Andrea, Notry Philippe, Delahaye Daniel. Direct Route Optimization for Air Traffic Management Improvement. DASC 2018, 37th AIAA/IEEE Digital Avionics Systems Conference, Sep 2018, Londres, United Kingdom. URL: <https://hal-enac.archives-ouvertes.fr/hal-01886537/document> (дата обращения: 09.02.2021)

The Aviation System Block Upgrades (Draft 2016). ICAO. 2016. 402 p. URL: https://www.icao.int/airnavigation/Documents/ASBU_2016-FINAL.pdf (дата обращения: 11.01.2021)

4D trajectory management: an initial pilot perspective URL: https://www.eurocontrol.int/eec/public/standard_page/EEC_News_2008_2_TM.html (дата обращения: 11.01.2021)

References

«AMAN Status Review 2010», Eurocontrol - Ed.0.1, Dec. 2010. (in English)

«DMAN Operational Concept Development». Eurocontrol document, Airport CDM Task Force 12, Edition Number 0.4. EUROCONTROL HQ, Brussels, 25.01.2006. (in English)

2016–2030 ICAO Global Air Navigation Plan, Doc 9750-AN/963. – The fifth issue. 2016. 142 p. (in Russian)

4D trajectory management: an initial pilot perspective URL: https://www.eurocontrol.int/eec/public/standard_page/EEC_News_2008_2_TM.html (accessed date: 11.01.2021) (in English)

Bondarenko, V. A. (2017) Metric spaces: text-book / V. A. Bondarenko, A. N. Morozov, A. V. Nikolaev. Yaroslavl: YarSU, 2017. 109 p. (in Russian)

Euclid's "Elements" (1949-1951). D. D. Morduhaj-Boltovskiy's translation from Greek and comments with editorial participation of I. N. Veselovskiy and M. Ja. Vygodskiy M.-L.: GTTI, 1949-1951. (in Russian)

Federal rules for use of the Russian Federation air space: appr. by Decision of the RF Government of March 11th 2010. № 138. Moscow. (in Russian)

Global Air Traffic Management Operational Concept. ICAO, Doc 9854 AN/458. – First Edition. 2005. 82 p. (in English)

Knjazhskij, A. Ju. (2020) Digital model of motion on an airdrome / A. Ju. Knjazhskij, A. P. Pljasovskih // Journal of “Almaz-Antey”. 2020. № 3. Pp. 96-106. <https://doi.org/10.38013/2542-0542-2020-3-96-106> (in Russian)

Manual on Flight and Flow — Information for a Collaborative Environment (FF-ICE). ICAO, Doc 9965. 2012. 172 p. (in Russian)

Mathematics, its contents, methods and importance (1956). Ed. by A. D. Aleksandrov, A. N. Kolmogorov, M. A. Lavrent'ev. M.: USSR Academy of Sciences, 1956. V. 3 Pp. 13. (in Russian)

Pasini Andrea, Notry Philippe, Delahaye Daniel. Direct Route Optimization for Air Traffic Management Improvement. DASC 2018, 37th AIAA/IEEE Digital Avionics Systems

Conference, Sep 2018, Londres, United Kingdom. URL: <https://hal-enac.archives-ouvertes.fr/hal-01886537/document> (accessed date: 09.02.2021) (in English)

Plyasovskikh, A. P. (2020) Theoretical justification of validation of information about the object position on the airdrome movement area / A. P. Plyasovskikh, E. A. Rubcov // T-Comm: Telecommunications and transport. 2020. Volume 14. №3. Pp. 32-40. (in Russian)

The Aviation System Block Upgrades (Draft 2016). ICAO. 2016. 402 p. URL: https://www.icao.int/airnavigation/Documents/ASBU_2016-FINAL.pdf (accessed date: 11.01.2021) (in English)

УДК 681.518.3

ББК 39.56

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_30

**АНАЛИЗ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СРЕДСТВ ВЕРИФИКАЦИИ
СИСТЕМ АВИОНИКИ, ПРИМЕНЯЕМЫХ ПРИ РАЗРАБОТКЕ
СОВРЕМЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ САМОЛЁТОВ***

Сергей Александрович Дяченко^{1,2}

orcid.org/0000-0002-2977-0530,

*аспирант¹, очное отделение, 3 курс, М70-306А-18, инженер-конструктор 1
категории²*

*¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Московский авиационный институт (национальный исследовательский
университет)»,*

²Филиал ПАО «Корпорация «Иркут» «Центр комплексирования»,

¹Волоколамское ш., 4

²Ленинградский проспект, дом 68

Москва, 125993, Россия

dyachenkosergey33@yandex.ru

Артём Сергеевич Савельев^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6582-0614,

*аспирант¹, очное отделение, 3 курс, М70-306А-18, ведущий специалист по оценке
безопасности²*

*¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Московский авиационный институт (национальный исследовательский
университет)»,*

²Общество с ограниченной ответственностью «Лаборатория безопасных систем»,

¹Волоколамское ш., 4

Москва, 125993, Россия

artemsaveliev@inbox.ru

Аннотация. В работе проведён анализ существующих автоматизированных средств верификации систем авионики, применяемых при разработке современных гражданских самолётов. Рассмотрены основные представленные на рынке продукты, а также определены их достоинства и недостатки. По результатам проведённого анализа установлено, что перспективным направлением развития данного типа средств является обеспечение автоматизации тестирования визуальной и графической информации в рамках стендовых испытаний. Задача актуальна не только для авиационной промышленности, но также для любых технических объектов, использующих человеко-машинный интерфейс (космическая отрасль, автомобилестроение, судостроение и пр.).

Ключевые слова: анализ, автоматизация, верификация, программное обеспечение, гражданский самолёт, авионика, система автоматизированного проектирования, безопасность полета.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта №20-31-90028 «Применение модельно-ориентированного подхода к оценке безопасности гражданских воздушных судов на примере комплекса бортового оборудования», выполняемого в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)». Руководитель проекта – кандидат технических наук, доцент Е. С. Неретин.

ANALYSIS OF AVIONICS AUTOMATION VERIFICATION MEANS USED IN THE MODERN CIVIL AIRCRAFT DEVELOPMENT

Sergei Alexandrovich Diachenko^{1,2}
orcid.org/0000-0002-2977-0530,
PhD student¹, leading specialist²

¹*Moscow Aviation Institute (National Research University),*
²*Integration Center branch of the Irkut Corporation,*
¹*4, Volokolamskoe shosse,*
²*Leningradskiy prospect, 68,*
Moscow, 125993, Russia
dyachenkosergey33@yandex.ru

Artem Sergeevich Savelev^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6582-0614,
PhD student¹, safety assessment leading specialist²

¹*Moscow Aviation Institute (National Research University),*
²*Advalange,*
¹*4, Volokolamskoe shosse,*
Moscow, 125993, Russia
artemsaveliev@inbox.ru

Abstract. The paper describes the analysis results of the existing automated means used in civil aircraft avionics verification. The main solutions on the market and their advantages, disadvantages are considered. Based on the analysis results, it is found that a promising direction in this type of means development is to provide testing automation of graphic and aural information within the hardware-in-loop verification (including bench tests). The task is relevant not only for the aviation industry, but also for any technical objects using a human-machine interface (space industry, automotive, shipbuilding, etc.).

Key words: analysis, automation, verification, software, civil aircraft, avionics, computer-aided design system, flight safety.

Введение

Согласно статистике авиационных происшествий международной организации воздушного транспорта (IATA) потеря управляемости в полёте (англ. loss of control in-flight, далее – LOC-I) является лидирующей причиной катастроф по количеству жертв. В период с 2015 по 2019 гг. число жертв по причине LOC-I составляет 51% от общего числа пострадавших, хотя по данной причине произошло только 8% происшествий [IATA, 2019, с. 8].

Согласно принятой терминологии к LOC-I относятся случаи, в которых экипаж не смог сохранить управление в полёте, что привело к непоправимому отклонению от предполагаемой траектории [ICAO, 2011, с. 19]. Среди основных причин потери контроля, относящихся к LOC-I, выделяются:

- сбой или неисправность системы / компонента самолёта;
- ухудшенные метеорологические условия;
- действия экипажа, связанные с низкой видимостью;
- преднамеренный манёвр (приведший, например, к сваливанию);
- события, вызванные обледенением элементов борта и др.

Большинство из них описывают сложные метеоусловия или некорректные действия экипажа, т. е. являются практически непредсказуемыми обстоятельствами. Соответственно, их предотвращение крайне затруднительно. Однако сбой или неисправность самолётной системы может быть вызвана ошибкой, допущенной при проектировании воздушного судна и не выявленной своевременно в рамках тестирования и сертификации.

Учитывая, что на сегодняшний день большинство функций авионики выполняется посредством программного обеспечения (ПО), сложность и объёмы которого со временем растут, требуются особые меры обеспечения его безопасности. К их числу, в частности, относится необходимость выполнения жёстких требований, наложенных на процесс создания бортового ПО, которые регламентированы действующей нормативной базой по разработке гражданской авиационной техники. Соответствующий стандарт КТ-178С [МАК, 2016] (отечественный аналог документов DO-178С / ED-12, принятых в США и странах Европы соответственно) полностью описывает данный процесс, включая:

- планирование;
- разработку (в т.ч. разработку требований, проектирование, кодирование и интеграцию ПО);
- сертификацию;
- интегральные подпроцессы (верификацию, управление конфигурацией и обеспечение гарантии качества ПО, взаимодействие с сертифицирующим органом).

Помимо строгого соблюдения требований к жизненному циклу (ЖЦ) для повышения безопасности кода разработчики бортового ПО стремятся к сокращению влияния человеческого фактора при его создании. Указанные цели достигаются посредством внедрения средств автоматизации,

использование которых также снижает временные и экономические затраты, связанные с данным процессом.

Целью работы является проведение анализа средств автоматизации верификации ПО систем авионики для гражданских самолётов, представленных на рынке.

Обзор решений в части автоматизации верификации бортового ПО

На текущий момент среди подходов к верификации ПО авионики широко распространены формальные методы (в частности, model checking), которые основываются на анализе модели системы. Подобная модель, состоящая из конечного числа состояний и выраженная на языке темпоральной логики, совместно с логическими формулами поступает на вход программы-верификатора, осуществляющего автоматическую проверку истинности данных формул. Также к числу формальных методов верификации относится применение аппарата сетей Петри, для которых моделирование осуществляется на событийном уровне. В этом случае определяются действия, происходящие в системе, какие события им предшествовали и какие состояния примет система после их выполнения [Ивутин и др., 2011, с. 566]. Формальные методы реализуют программные среды ANSYS SCADE Suite Design Verifier [FMICS, 2011], MATLAB & Simulink Design Verifier [SEFM, 2014], MASIW разработки ИСП РАН совместно с ФГУП «ГосНИИАС» [Буздалов и др., 2014, с. 214] и др. Однако данная верификация направлена на проверку соответствия модели требованиям, описанным на формальном языке, и не учитывает особенностей работы ПО на целевой платформе.

Для автоматизации верификации на стендах полунатурного моделирования используются программно-аппаратные средства, позволяющие контролировать и обрабатывать потоки данных в кодовых линиях связи, формировать отчёты по результатам испытаний. Примером подобного средства является программный диагностический комплекс «ФРЕГАТ» производства АО «УКБП» [Черкашин, 2009, с. 392-393]. Продукт обеспечивает имитацию информационных сигналов для различных интерфейсов (разовые команды, RS-232, ARINC 429, ARINC 708, ARINC 717, МКИО и др.) посредством соответствующих устройств ввода / вывода. Подача сформированных входных сигналов и считывание результатов их обработки для тестируемой системы позволяют оценить корректность работы встраиваемого ПО. Кроме того, «ФРЕГАТ» обеспечивает отображение, документирование и сохранение результатов диагностирования и пр. информации.

К числу прочих представленных на рынке компаний, деятельность которых связана с верификацией ПО, относятся: ООО «АВИАОК» (Россия), ScienceSoft (США), A1QA (США), Advalange (Россия), Kualitatem (США), TestingXperts (Великобритания), Vector (США), BugRaptors (Индия), LDRA Technology (США) и др. [Top 20 ..., 2019], [Advalange, 2020], [LDRA ..., 2020]. Перечисленные предприятия обеспечивают в большей степени

аутсорсинговые услуги по тестированию ПО с учётом требований отраслевых стандартов, включая настройку среды испытаний, генерацию тестовых последовательностей, автоматизацию интеграционного и модульного тестирования, генерацию результатов испытаний, помощь в части ПО при сертификации.

Однако существует ряд бортовых систем из состава комплекса бортового оборудования, в ходе испытаний которых требуется проведение визуального контроля отображаемых данных – в частности, для систем индикации в кабине экипажа. Аналогична ситуация с системами сигнализации, формирующими предупреждения для лётного состава в текстовой и звуковой формах. Указанные системы являются высоко критичными, их отказ может привести к катастрофической и аварийной ситуациям соответственно.

Средства автоматизации их верификации, способные фиксировать и обрабатывать графическую и звуковую информацию, на сегодняшний день не представлены на рынке. Однако их реализация возможна посредством применения методов компьютерной обработки информации (в частности, алгоритмов распознавания изображений и звука).

На текущем этапе развития технологии широкий спектр методов компьютерной обработки изображений и звука используются в IT-сфере (для аутентификации в программных сервисах по биометрическим данным), медицине (с целью раннего обнаружения и диагностирования опасных заболеваний), видеонаблюдении (для трекинга автомобилей и граждан в городах) и др. областях. В авиации подобные решения применяются преимущественно в аэропортах для распознавания лиц пассажиров и содержимого багажа с целью выявления злоумышленников и запрещённых к провозке предметов соответственно. Однако внедрение компьютерной обработки информации не ограничивается указанными задачами. Посредством её использования в процессе разработки воздушного судна возможно достичь значительных преимуществ по сравнению с действующими подходами.

Поскольку отмеченные выше методы универсальны, они могут быть адаптированы под любые системы человеко-машинного взаимодействия. Т.е. использование средств автоматизации верификации графической и звуковой информации не ограничивается только авиационной отраслью. Их применение возможно для любых технических объектов с пользовательским интерфейсом, что обеспечивает спрос не только на рынке авиастроения, но и в других областях промышленности (космическая отрасль, судостроение, автомобилестроение).

Заключение

На текущий момент на рынке представлено множество решений в части верификации ПО авиационных бортовых систем: программные пакеты, реализующие формальные методы, для отработки моделей оборудования; комплексы контроля кодовых линий связи в части входных и выходных

параметров; аутсорсинговые услуги по тестированию встроенного ПО. Однако имеющиеся продукты не обеспечивают автоматизацию испытаний в части графической и звуковой информации.

Их разработка на основе методов компьютерной обработки информации позволит существенно сократить временные и финансовые затраты на тестирование систем человеко-машинного взаимодействия (в частности, систем индикации и сигнализации в кабине экипажа), снизить влияние человеческого фактора (и, соответственно, вероятности ошибки), повысить безопасность полёта. Глобально сокращение времени испытаний уменьшает сроки производства самолёта и ускоряет процесс его сертификации.

Кроме того, универсальность методов машинной обработки информации позволяет адаптировать описанное средство верификации под любые технические объекты с пользовательским интерфейсом, что обеспечивает спрос в большинстве отраслей промышленности (авиастроение, космическая отрасль, судостроение, автомобилестроение и др.).

Библиографический список

- Буздалов, Д. В.* Инструментальные средства проектирования систем интегрированной модульной авионики / Д. В. Буздалов, С. В. Зеленов, Е. В. Корныхин, А. К. Петренко [др.] // Труды Института системного программирования РАН. М. ИСП РАН, 2014. Т. 26, №1. С. 201-230.
- Ивутин, А. Н.* Основные подходы к верификации программного обеспечения реального времени / А. Н. Ивутин, Е. И. Дараган // Известия ТулГУ. Технические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. №2. С. 563-567.
- МАК КТ-178С. Квалификационные требования к программному обеспечению бортовой аппаратуры и систем при сертификации авиационной техники. М.: МАК, 2016. 106 с.
- Черкашин, С. В.* Универсальная система диагностирования бортового радиоэлектронного оборудования / С. В. Черкашин, В. В. Шишкин, Н. А. Долбня // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара: Издательство Самарского федерального исследовательского центра РАН, 2009. Т. 11, №3(2). С. 392-397.
- Advalange. URL: <https://advalange.ru/testing>, свободный. (дата обращения: 10.10.2020).
- IATA Safety Report 2019. 56th Edition. – Канада: Монреаль, IATA, 2020. 262 с.
- ICAO Aviation Occurrence Categories. Definitions and Usage Notes. Канада: Монреаль, ICAO, 2011. 28 с.
- LDRA Automating Software Verification, Requirements Traceability and Standards Compliance. URL: <https://ldra.com/>, свободный. (дата обращения: 10.10.2020).
- Methods for Industrial Critical Systems // Proceedings of 16th International Workshop FMICS. Италия: Тренто, Springer, 2011. 261 с.
- Software Engineering and Formal Methods / Proceedings of 12th International Conference SEFM. Франция: Гренобль, Springer, 2014. 394 с.
- Top 20 Software Testing Companies in 2019. – URL: https://medium.com/@andy_dassan/top-software-testing-companies-in-2019-c418b24f69d0, свободный. (дата обращения: 10.10.2020).

References

- Advalange [Online]. Accessed: Aug. 14 2020. Available: <https://advalange.ru/testing> (date of the request: 10.10.2020). (In English).
- Buzdalov, D. V.* The tools of integrated modular avionics systems design (In Russian) / D. V. Buzdalov, Zelenov S. V., Kornikhin E. V., Petrenko A. K., et al. // Proc. of the System Programming Institute of Russian Academy of Sciences. – Moscow: SPI RAS Publishing, 2014. – Vol. №26, №1. – pp. 201-230. (In Russian).
- Cherkashin, S. V.* Universal diagnostic system for onboard radio-electronic equipment (In Russian) / S. V. Cherkashin, Shishkin V. V., Dolbnya N. A. // Proc. of the Samara Scientific Center of Russian Academy of Sciences. Samara: SSC RAS Publishing, 2009. – Vol. 11, №3. – pp. 392-397. (In Russian).
- IATA Safety Report 2019. 56th Edition. – Canada: Montreal, IATA, 2020. – p. 262. (In English).
- ICAO Aviation Occurrence Categories. Definitions and Usage Notes. – Canada: Montreal, ICAO, 2011. – p. 28. (In English).
- Ivutin, A. N.* The main approaches to real-time software verification (In Russian) / A. N. Ivutin, Daragan E. I. // Technical Science Proc. of Tula State University. – Tula: TSU Publishing, 2011. – №2. – pp. 563-567. (In Russian).
- KT-178C Software Considerations in Airborne Systems and Equipment Certification (In Russian). – Moscow: Interstate Aviation Committee, 2016. – p. 106.
- LDRA Automating Software Verification, Requirements Traceability and Standards Compliance [Online]. Accessed: Aug. 14 2020. Available: <https://ldra.com> (date of the request: 10.10.2020). (In English).
- Methods for Industrial Critical Systems // Proceedings of 16th International Workshop FMICS. – Italy: Trento, Springer, 2011. – 261 p. (In English).
- Software Engineering and Formal Methods / Proceedings of 12th International Conference SEFM. – France: Grenoble, Springer, 2014. – 394 p. (In English).
- Top 20 Software Testing Companies in 2019 [Online]. Accessed: Aug. 14 2020. Available: https://medium.com/@andy_dassan/top-software-testing-companies-in-2019-c418b24f69d0 (date of the request: 10.10.2020). (In English).

УДК 681.518.3
ББК 39.56
DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_37

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ МАРШРУТОВ ЧЕТЫРЁХМЕРНОЙ НАВИГАЦИИ В ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ, И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПУТЕЙ ИХ РЕШЕНИЯ

*Александр Сергеевич Будков^{1,2}
orcid.org/0000-0002-7655-4291*

*аспирант¹, очное отделение, 4 курс, М70-406-17,
инженер-конструктор 1 категории²*

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»;

*²Филиал ПАО «Корпорация «Иркут» «Центр комплексирования»
Москва, Россия
ASBUdkov@gmail.com*

Аннотация. Работа посвящена анализу проблем при выполнении маршрутов четырёхмерной навигаций в гражданской авиации, определению минимально необходимых требований для системы поддержки принятия решения, которая бы обеспечивала решение этих проблем, а также разработке методики поиска оптимального четырёхмерного маршрута.

Ключевые слова: гражданский самолёт, четырёхмерная навигация, система самолётовождения, система поддержки принятия решения.

ANALYSIS OF PROBLEMS ARISING DURING THE FLIGHT ON FOUR- DIMENSIONAL NAVIGATION ROUTES IN CIVIL AVIATION AND DETERMINING THE BASIC WAYS OF THEIR SOLUTION

*Alexander Sergeevich Budkov^{1,2}
orcid.org/0000-0002-7655-4291*

*4th year postgraduate student ¹, M70-406-17,
1 category engineer ²*

¹ Moscow Aviation Institute (National Research University);

*² Integration Center branch of Irkut Corporation
Moscow, Russia
ASBUdkov@gmail.ru*

Abstract. The work is devoted to the analysis of problems during the flight on four-dimensional navigation routes in civil aviation, determining the minimum necessary requirements for a decision support system that would provide a solution to these problems, as well as developing a methodology for searching an optimal four-dimensional route.

Key words: civil aircraft, four-dimensional navigation, flight management system, decision support system.

Анализ проблем при полётах по маршрутам четырехмерной навигации

Ключевая функция четырехмерной навигации – способность ВС прибыть в заданную точку пространства в заданное время. На сегодняшний день в существующих современных системах самолётовождения реализована так называемая функция RTA (от англ. Required Time of Arrival), которая в той или иной мере решает эту задачу.

Для выполнения функции экипажу в первую очередь на этапе предполётной подготовки необходимо ввести в систему путем взаимодействия через человеко-машинный интерфейс следующую минимально необходимую информацию:

- Промежуточный пункт маршрута – указывает путевую точку в плане полета, в которой будет определено ограничение по времени прибытия;

- Ограничение по времени прибытия – указывает желаемое время прибытия в заданную путевую точку маршрута;

- Тип ограничения по времени прибытия – указывает границы времени, которое должно выполняться воздушным судном. Три типа ограничения, которые в настоящее время поддерживаются: AT – в строго заданное время; AT или Before (AB) – в заданное время прибытия или раньше; AT или After (AA) – в заданное время прибытия или позже.

Далее после расчета временного профиля полёта в процессе его выполнения функция обеспечивает непрерывный контроль ошибки (задержки/опережения) во времени прибытия. Допустимая ошибка ограничивается нормативной документацией [RTCA/DO-283, 2015].

В процессе полёта по маршруту может произойти ситуация, когда ошибка превышает допустимые значения, в таком случае система отреагирует информационным сообщением о невозможности прибыть вовремя. При возникновении вдоль сформированного маршрута сложных метеоусловий или конфликтных ситуаций с другими участниками воздушного движения реакция системы будет носить также уведомительных характер.

Таким образом, проанализировав общий принцип работы функции RTA, можно сделать вывод, что при возникновении нештатной ситуации система ответит лишь уведомлением о том, что текущее заданное ограничение по времени обеспечить невозможно.

Но в условиях глобального управления четырехмерными траекториями, в сторону чего в настоящее время движется мировое аэронавигационное сообщество [ICAO Doc 9750-AN/963, 2016] гражданской авиации, такого функционала может быть недостаточно.

Система, обеспечивающая поддержку четырехмерных траекторий, должна быть устойчива к внешним возмущениям, приводящим к изменениям маршрута, таким как: сложные метеоусловия вдоль участков маршрута, конфликтные ситуации с другими воздушными судами, запретные зоны.

Система должна максимально упрощать процесс принятия решения и обеспечивать экипаж максимально полной необходимой информацией.

В таких ситуациях на сегодняшний день весь груз ответственности принятия решения, а также ведение и контроль каждого воздушного судна ложится на диспетчера. В условиях высокой загруженности воздушного пространства такие ситуации в лучшем случае будут приводить к нарушению целостности управления четырёхмерными траекториями каждого участника воздушного движения, а в худшем случае возможны катастрофические ситуации.

Функции системы поддержки принятия решения

Для решения выявленных в результате анализа проблем, возникающих при полётах по маршрутам четырёхмерной навигации, предлагаемая система поддержки принятия решения должна обеспечивать:

- решение задачи поиска оптимального четырёхмерного маршрута;
- выдачу необходимой информации в информационно-управляющее поле кабины о доступных стратегиях полёта в конкретной типовой ситуации.

Рассмотрим подробнее задачу поиска оптимального четырехмерного маршрута, так как именно эта функция системы должна решать навигационную задачу.

В первую очередь при поиске оптимального маршрута возникает вопрос о необходимых критериях оптимизации. Для рассматриваемой задачи необходимо находить четыре оптимальных маршрута по следующим критериям:

1) Минимизация разницы между заданным временем прибытия в точку и расчетным временем прибытия.

Данный критерий имеет высший приоритет, так как именно он определяет наличие решения, удовлетворяющее требованиям четырёхмерной навигации [RTCA/DO-283, 2015]. Решение по данному критерию существует не всегда, поэтому при его отсутствии, решение не предоставляется.

2) Минимизация затрачиваемого топлива.

3) Минимизация затрачиваемого времени.

4) Многокритериальная задача: минимизация топлива/времени.

Для поиска решения по последнему критерию используется параметр индекса стоимости (CI). Он характеризует вес двух критериев по отношению друг к другу. Параметр вводится вручную экипажем или определяется стратегией авиакомпании. Параметр, как правило, определяется значением от 0 до 100. Крайние значения параметра характеризуют критерии минимизации топлива и минимизации времени.

При формировании каждого из описанных критериев необходимо учитывать следующие факторы:

- ветровая обстановка вдоль вычисляемой траектории полёта;
- зоны сложных метеоусловий или запретные для полёта области пространства;

– ЛТХ ВС, в особенности при формировании вертикального профиля полёта.

Каждый из этих факторов существенно влияет на итоговый результат, а именно на рассчитанные параметры оптимального маршрута. Игнорирование при расчетах этих факторов приведет к ошибочному итоговому результату, который с высокой долей вероятности не будет являться оптимальным по искомому критерию.

На следующем шаге решения задачи поиска оптимального маршрута возникает потребность в расчёте параметров каждого из участков траектории маршрута, таких как: расход топлива, время полёта, градиент набора высоты, потребная дальность при наборе высоты и т. д. Расчёт этих параметров возможен благодаря наличию базы данных лётно-технических характеристик (БД ЛТХ) (от англ. «performance database» – PDB) [Eurocontrol BADA, 2017]. В БД ЛТХ для конкретного воздушного судна для всех этапов полёта приведены расчётные таблицы параметров в зависимости от заданного режима и условий полёта.

Также, в процессе решения задачи аэронавигации необходимо выбрать подходящую для неё систему координат, так как от её выбора, прежде всего, зависит точность вычислений навигационных параметров местоположения ВС, а также параметров вычисленной траектории. Так как при решении задачи необходимо рассматривать дальности свыше 500 км, необходимо учитывать, что меридианы сходятся в полюсах Земли, а, следовательно, в зависимости от широты цена деления градуса долготы будет изменяться в линейном выражении. Для учета этих искажений используется преобразование в проекции Гаусса-Крюгера. Развертка карты в проекции Гаусса-Крюгера представлена на рисунке 1.

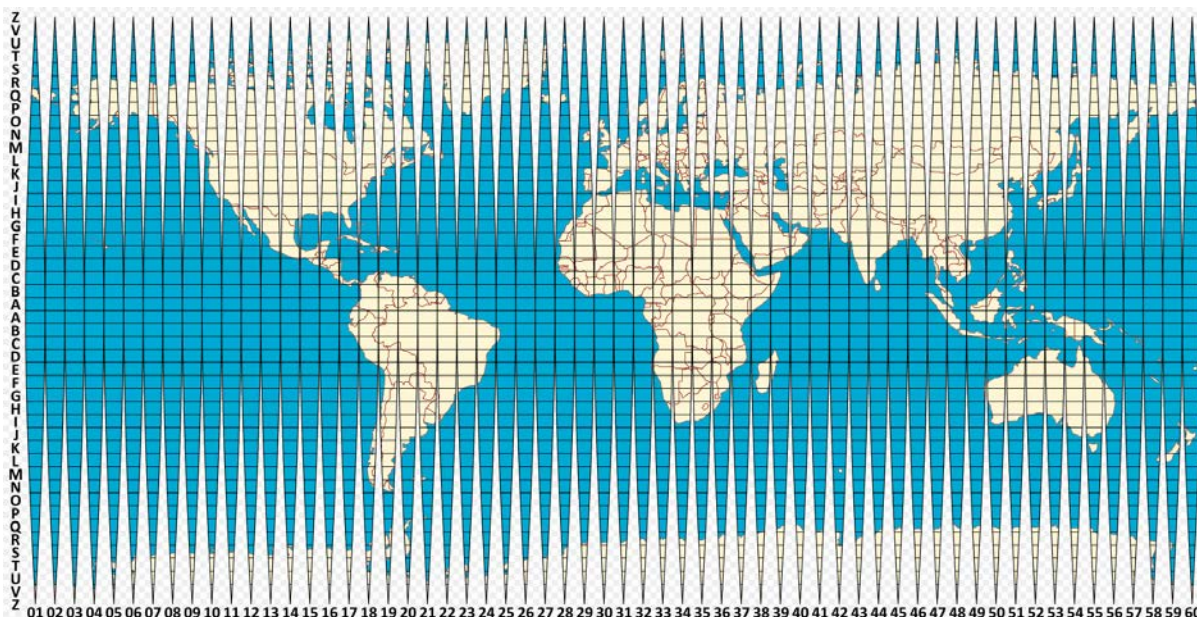

Рисунок 1 – Развертка карты в проекции Гаусса-Крюгера

Методика поиска оптимального четырехмерного маршрута

В результате анализа научных работ на тему рассматриваемой задачи, в которых приведены различные подходы к решению задачи поиска оптимального маршрута сделаны следующие выводы:

– для задачи поиска оптимального четырехмерного маршрута процедура планирования трехмерной траектории и определение скоростного профиля разделяется на два этапа [Degtyarev, 2006]. Первым шагом осуществляется поиск траектории в горизонтальной плоскости, а затем на её основе выполняется оптимизация вертикального профиля. Но даже при учете влияния всех описанных факторов такое разделение на два этапа приведет к ошибочному результату в результате поиска оптимальной траектории по потребным критериям для четырёхмерной навигации.

– для задачи поиска оптимального четырехмерного маршрута используются только критерии минимизации расхода топлива и минимизации времени в пути [Roberto Salvador Félix Patrón, 2013]. При этом не учитывается самый важный критерий оптимизации для задачи четырехмерной навигации – минимизация задержки прибытия в заданную точку маршрута.

Поэтому крайне необходимо иметь процедуру, которая обеспечила бы оптимизацию трехмерной траектории за один шаг с учетом влияющих на нее факторов.

Методика, обеспечивающая поиск решений для задачи планирования оптимального четырехмерного маршрута, должна отвечать следующим требованиям:

– осуществлять поиск решений по четырем критериям оптимальности:

- минимизация задержки по времени прибытия;
- минимизация общего путевого времени;
- минимизация расхода топлива;
- минимизация общего путевого времени/расхода топлива;

– учитывать при поиске решений параметры воздушного пространства (ветер, запретные зоны, зоны сложных метеоусловий) и ЛТХ ВС;

– обеспечивать расчет множества существующих четырехмерных траекторий за один шаг без разделения вертикальной составляющей от горизонтальной.

Такую методику можно представить в виде алгоритма, состоящего из 8 последовательных шагов.

Блок-схема разработанного алгоритма поиска оптимального четырехмерного маршрута, удовлетворяющего вышеизложенным требованиям, представлена на рисунке 2.

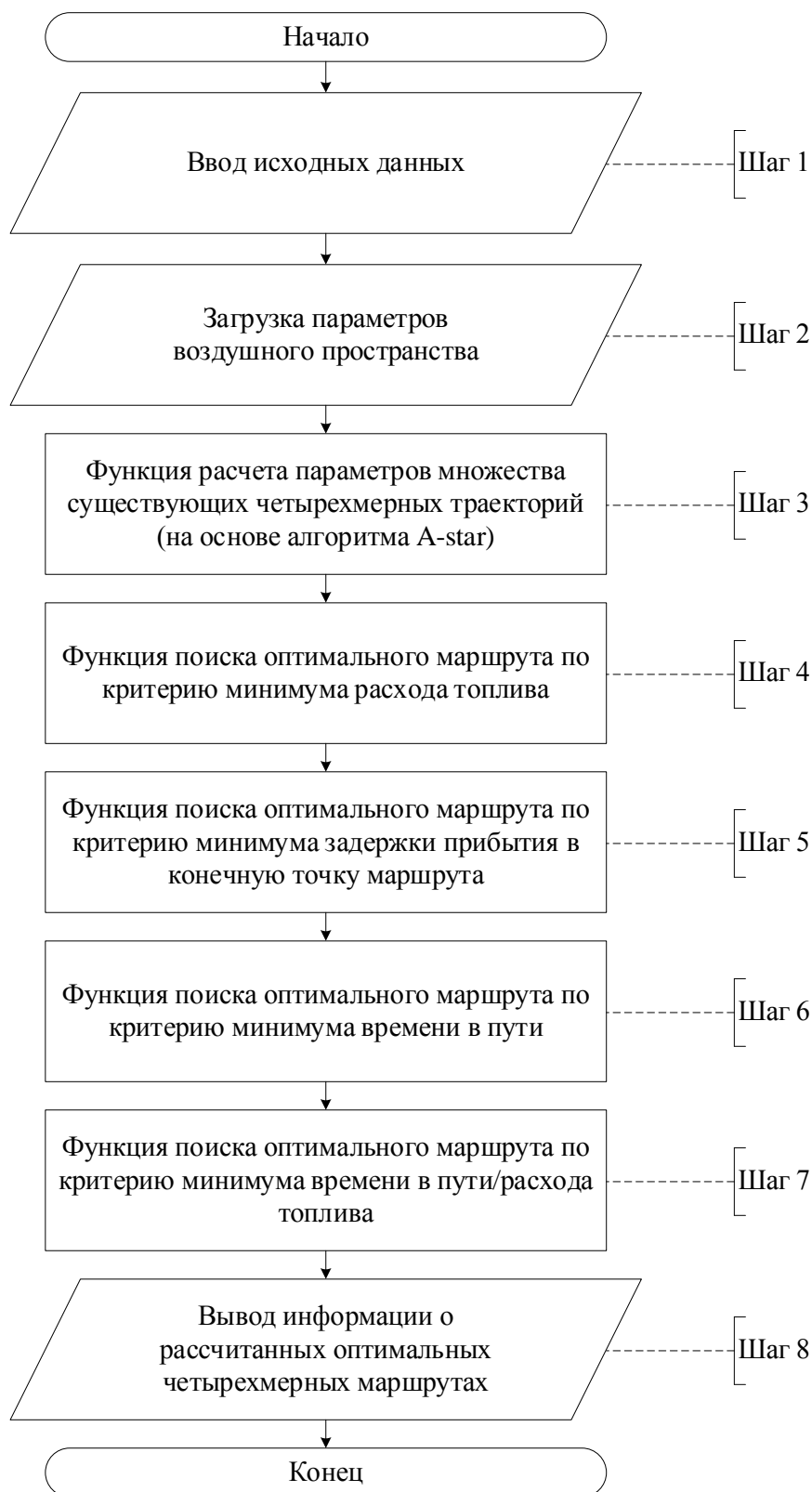

Рисунок 2 – Блок-схема алгоритма поиска оптимального четырехмерного маршрута

Шаги 1, 2 являются шагами определения исходных данных для работы алгоритма.

Функция шага 3 обеспечивает расчёт множества существующих четырёхмерных траекторий в диапазоне допустимых высот и скоростей полёта на основе алгоритма A-star. Результатом работы функции является множество значений стоимости полёта, учитывающей расход топлива и время в пути для каждой найденной траектории.

Функции шагов 4-7 обеспечивают поиск траекторий, удовлетворяющих соответствующему критерию. Поиск таких траекторий осуществляется на основе полученного множества значений стоимости полёта на шаге 3.

В результате вышеизложенных вычислений получаются решения по четырем критериям оптимизации, которые могут быть предоставлены для принятия решения экипажу (шаг 8).

Заключение

В результате выполнения научной работы проведен анализ проблем, возникающих при выполнении маршрутов четырёхмерной навигации в гражданской авиации, определены требования к системе поддержки принятия решения, которая будет обеспечивать решение этих проблем, а также разработана методика поиска оптимального четырёхмерного маршрута.

Библиографический список

Degtyarev O. V. Methodical and Algorithmic Issues of Constructing Four-Dimensional Flight Routes for Long-Range Aircrafts // Journal of Computer and Systems Sciences International. 2006. №1. Pp. 110-124.

Roberto Salvador Félix Patrón Flight trajectories optimization under the influence of winds using genetic algorithms // AIAA Guidance, Navigation, and Control (GNC) Conference, 2013, Montreal, Quebec, H3C-1K3, Canada.

RTCA/DO-283 2015 Minimum Operational Performance Standards for Required Navigation Performance for Area Navigation.

ICAO Doc 9750-AN/963 «Global Air Navigation Plan», 5th edition, Canada, Montreal, 2016 – 142 p.

Eurocontrol, User manual for the Base of aircraft Data (BADA) Revision 3.14, EEC Technical/Scientific Report №17/05/29-143, June 2017.

References

Degtyarev O. V. Methodical and Algorithmic Issues of Constructing Four-Dimensional Flight Routes for Long-Range Aircrafts // Journal of Computer and Systems Sciences International. 2006. №1. Pp. 110-124. (In English).

Roberto Salvador Félix Patrón Flight trajectories optimization under the influence of winds using genetic algorithms // AIAA Guidance, Navigation, and Control (GNC) Conference, 2013, Montreal, Quebec, H3C-1K3, Canada. (In English).

RTCA/DO-283 2015 Minimum Operational Performance Standards for Required Navigation Performance for Area Navigation. (In English).

ICAO Doc 9750-AN/963 «Global Air Navigation Plan», 5th edition, Canada, Montreal, 2016 – 142 p. (In French).

Eurocontrol, User manual for the Base of aircraft Data (BADA) Revision 3.14, EEC Technical/Scientific Report №17/05/29-143, June 2017. (In English).

УДК 656.7.071:658.386

ББК 74.570.22

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_44

МЕТОДИКА И АЛГОРИТМ РАСПОЗНАВАНИЯ ФИГУР ПИЛОТАЖА ПРИ ПРОГРАММНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ТЕХНИКИ ПИЛОТИРОВАНИЯ САМОЛЕТА ЛЕТЧИКОМ

*Павел Сергеевич Назаров,
orcid.org 0000-0003-1375-9879,
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации,
ул. Пилотов, д. 38
Санкт-Петербург, 196210, Россия
nazps@yandex*

*Сергей Алексеевич Кудряков,
orcid.org 0000-0002-1303-3528,
доктор технических наук, СИС
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации,
ул. Пилотов, д. 38
Санкт-Петербург, 196210, Россия
Gray05.61@mail.ru*

*Владимир Валентинович Устинов,
orcid.org/0000-0002-3399-6671,
Московский государственный технический университет гражданской авиации
(Иркутский филиал),
ул. Коммунаров, д. 3.
Иркутск, 664047, Россия
ustinov_1956@mail.ru*

Аннотация. В статье предложен алгоритм распознавания маневров и характерных точек на траекториях их выполнения для программной реализации алгоритмов оценки уровня натренированности летного состава по записям бортовых устройств регистрации полетной информации и обработкой записанной информации по параметрам полета на наземных устройствах обработки полетной информации типа Топаз-М.

Ключевые слова: программы летной подготовки, распознавание образов, программные реализации алгоритмов оценки техники пилотирования.

METHODOLOGY AND ALGORITHM OF IDENTIFYING AEROBATIC MANEUVERS IN SOFTWARE IMPLEMENTATION OF ASSESSMENT OF PILOTING TECHNIQUE QUALITY

Pavel S. Nazarov,
<https://orcid.org/0000-0003-1375-9879>,
Saint Petersburg State University of Civil Aviation,
38, street of Pilots,
Saint-Petersburg, 196210, Russia
nazps@yandex

Sergey A. Kudriakov
<https://orcid.org/0000-0002-1303-3528>,
Doctor of Technical Sciences
Saint Petersburg State University of Civil Aviation,
38, street of Pilots,
Saint-Petersburg, 196210, Russia
Gray05.61@mail.ru

Vladimir V. Ustinov
<https://orcid.org/0000-0002-3399-6671>,
Irkutsk Branch of Moscow State Technical University
of Civil Aviation,
3, Kommunarov
Irkutsk, 664047, Russia
ustinov_1956@mail.ru

Abstract. The authors propose an algorithm of identifying maneuvers and characteristic points on their flightpaths for software implementation of algorithms for assessing the flight crew's proficiency level according to information of flight data recorders and processing of the recorded information of flight parameters by ground-based devices for processing flight information such as Topaz-M.

Key words: programs of flight training, image recognition, software implementations of algorithms for assessing piloting technique.

В настоящее время все методики и алгоритмы по оценке качества техники пилотирования предусматривают уже распознанные точки на траекториях выполнения отдельных элементов полета и замер значений параметров оценивания в них [Шишкин и др., 2007].

Однако при подготовке курсантов летных училищ на маневренных самолетах оцениваются маневры и фигуры пилотажа, которые не предусмотрены к распознаванию при обработке записей полетной информации бортовыми регистраторами на наземных комплексах типа Топаз-М с программным обеспечением «СКАТ», Монстр-2012, СДК-8 и др.

При оценке уровня натренированности курсантов летных училищ задача программной реализации является одной из значимых [Полуэктов и др., 2008].

В настоящее время решены задачи следующих этапов полета: взлет ВС и его посадка, с выбором характерных точек на траекториях их выполнения

по заданным «портретам полета», изложенным в соответствующих инструкциях по обработке полетной информации.

Например, для оценки посадки ВС можно выделить 5 точек, программно- определенных на сигналограмме и 5 аналоговых параметров.

Данные точки характеризуются следующими показателями:

- выпуск передней стойки шасси;
- выпуск закрылков;
- пролет ДПРМ;
- пролет БПРМ;
- обжатие стойки шасси при посадке.

Пример распознавания этих точек показан на рис. 1.

Аналогично производится выбор характерных точек и замер параметров в них и для этапа взлета. Пример сигналограммы показан на рис. 2.

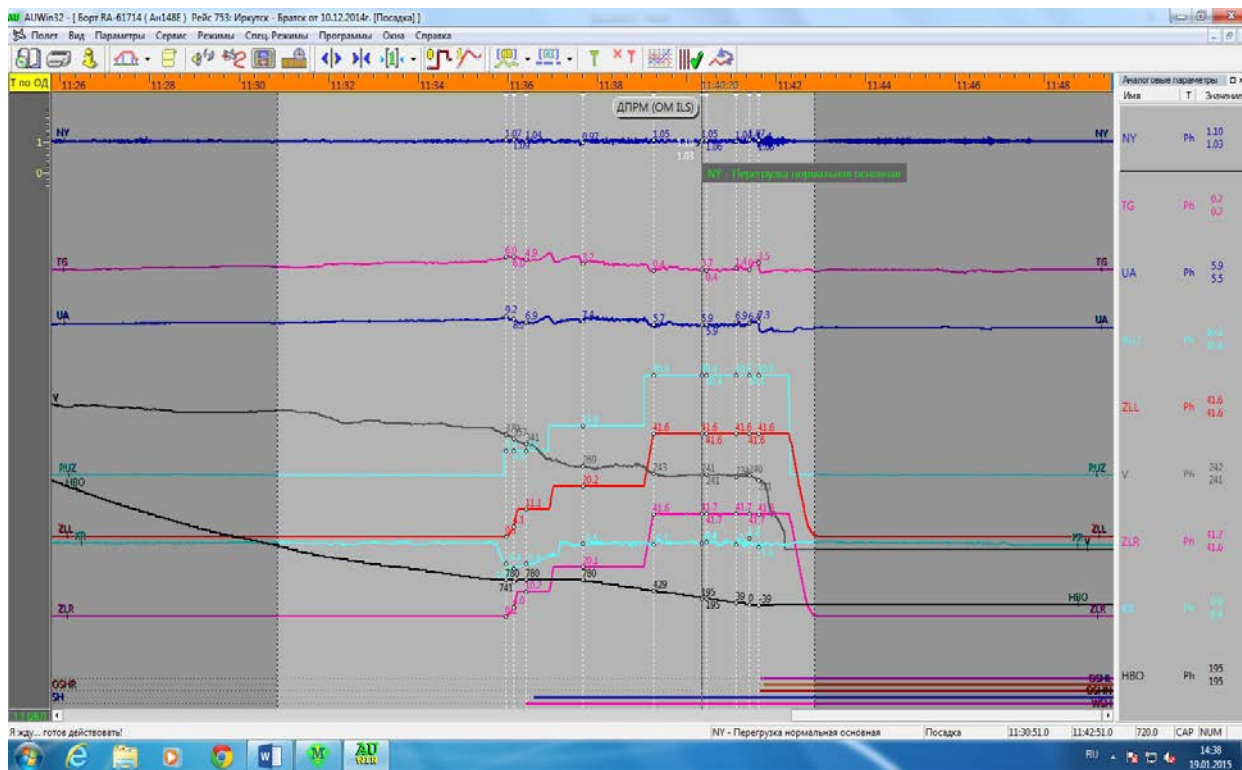

Рисунок 1 – Сигналограмма с выводом характерных точек

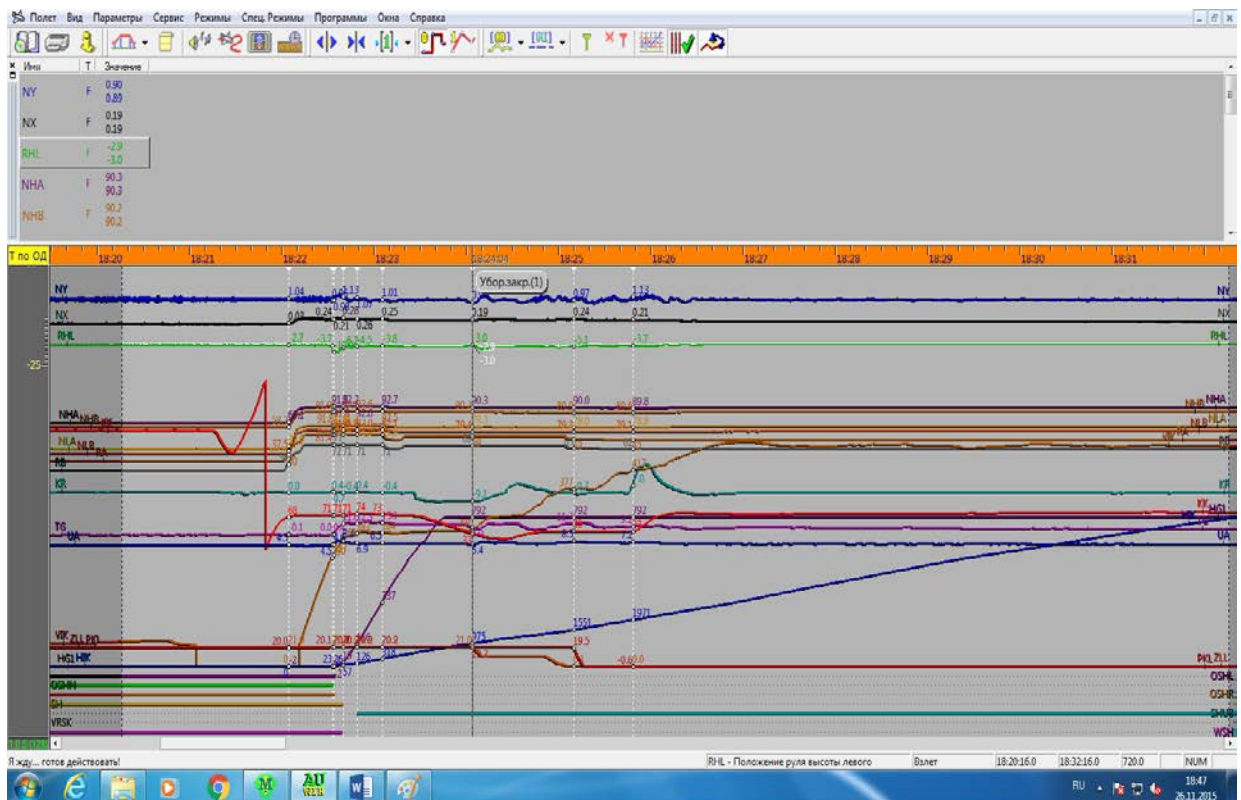

Рисунок 2 – Сигналлограмма с выводом характерных точек и значений выбранных параметров в них

Однако, в настоящее время является проблематичной задача распознавания элементов пилотажа в процессе обучения курсантов летных училищ на маневренных самолетах.

Прежде чем будет решена задача балльного оценивания качества техники пилотирования лётчиком летательного аппарата, необходимо решить задачу распознавания манёвров и фигур пилотажа.

На данный момент существует несколько подходов к решению задачи распознавания манёвров и фигур пилотажа.

Метод характерных точек

Основными операциями, которые применяются при экспресс-обработке полётных данных, являются операции сравнения замеряемых текущих значений параметров с их заданными допусками.

Данная методика распознавания маневров фигур пилотажа основана на выявлении элементов пилотажа и дальнейшем их «склеивании» [Кибардин и др., 1991]. На основании этого принципа, каждому маневру ставится в однозначное соответствие выражение типа логической функции, которое характеризует отдельные элементы данного маневра, условие и ограничение при их выполнении [Горелик и др., 1989].

Метод разделяющей гиперплоскости

Случайные векторы X_i , чьи реализации принадлежат классу S_e , распределены по p -мерному нормальному закону [Алгоритмы..., 1984]. Зная

эти законы распределения, мы можем определить к какому классу Se относится то или иное пространственное движение ЛА, определяемое его векторами – состояниями X_i . Иными словами, мы можем распознать фигуру пилотажа или маневр, выполненный летчиком. Но основная трудность использования описанного выше метода заключается в том, что законы распределения векторов X_i , описывающих разные классы Se , имеют области пересечения, которые обуславливают в процессе распознавания возникновение ошибок первого и второго рода, что может привести к ошибке в распознаваемом образе [Кибардин и др., 1987].

Использование предложенных алгоритмов для решения конкретной задачи анализа качества техники пилотирования вызывают ряд трудностей:

1) алгоритм на основе метода характерных точек частично использует аппарат алгебры логики. При его использовании приходится решать две задачи: задачу распознавания элементов полета и отдельно задачу распознавания характерных точек на траектории, так как распознавание фигур основано на использовании эталонов отдельных элементов их выполнения;

2) алгоритм на основе метода разделяющей гиперплоскости основан на использовании статистической информации о выполненных элементах полета. Для его реализации трудно построить эталонные портреты выполненных фигур.

Кроме того, трудность согласования известных алгоритмов распознавания с алгоритмом поэлементного балльного оценивания техники пилотирования приводит к необходимости разработки дополнительных алгоритмов и программ, что ведет к увеличению вычислительных операций и памяти ЭВМ.

Одним из приемлемых и простых для целей распознавания на малых ЭВМ методов является метод, основанный на использовании аппарата алгебры логики [Сень и др., 1991].

Для выбора параметров оценки техники пилотирования и безопасности полётов использованы требования «Руководства по летной эксплуатации», результаты ряда работ, а также проведённый экспертный опрос лётчиков.

Для распознавания фигур пилотажа самым простым с точки зрения машинного метода обработки записей бортовых регистраторов является выбор характерных точек с наличием экстремумов (максимальное значение перегрузки или угла атаки, минимальное значение скорости на этапе выполнения фигуры). Простейший пример выбора точек на траектории выполнения фигуры «Боевой разворот» или «Разворот с набором высоты» показан на рис. 3 и таблицы 1.

Таблица 1 – Пример распознавания характерных точек

№ точки	Условное наименование	Характерные признаки
1	$n_y > 1$	Начало возрастания перегрузки
2	$n_y = n_{ymax}$	Мах значение перегрузки

№ точки	Условное наименование	Характерные признаки
3	$v = v_{max}$	Мах значение тангажа
4	$\gamma = \gamma_{max}$	Мах значение крена
5	$\gamma = 0$	Нулевое значение крена

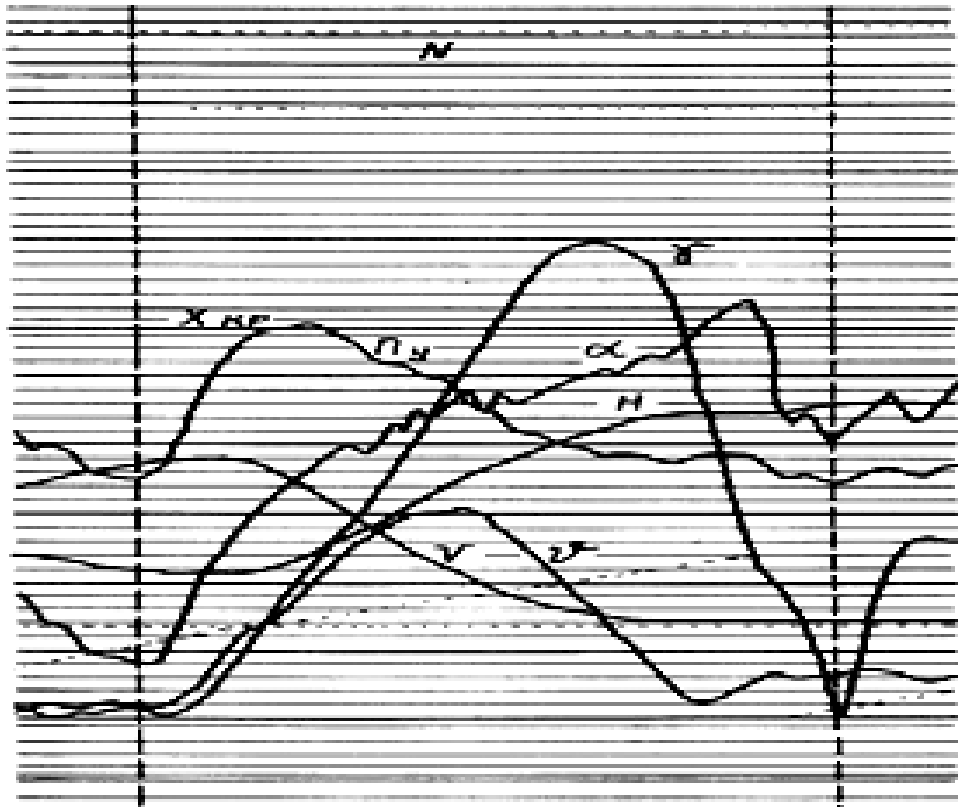

Рисунок 3 – Пример сигналограммы выполнения фигуры

После выбора и оптимизации параметров распознавания необходимо получить сигналограмму значений этих параметров. Для большей наглядности изменения этих параметров во времени построим их тренды. Для этой цели воспользуемся методом наименьших квадратов.

Тренд описывает усреднённую тенденцию развития во времени и применяется только в случаях, если наблюдаются скачкообразные изменения параметров, что может привести к ошибкам при распознавании. Примеры построения тренда приведены на рис. 4.

Как было сказано ранее, наиболее простым и приемлемым для целей распознавания на малых ЭВМ методов является метод, основанный на использовании аппарата алгебры – логики.

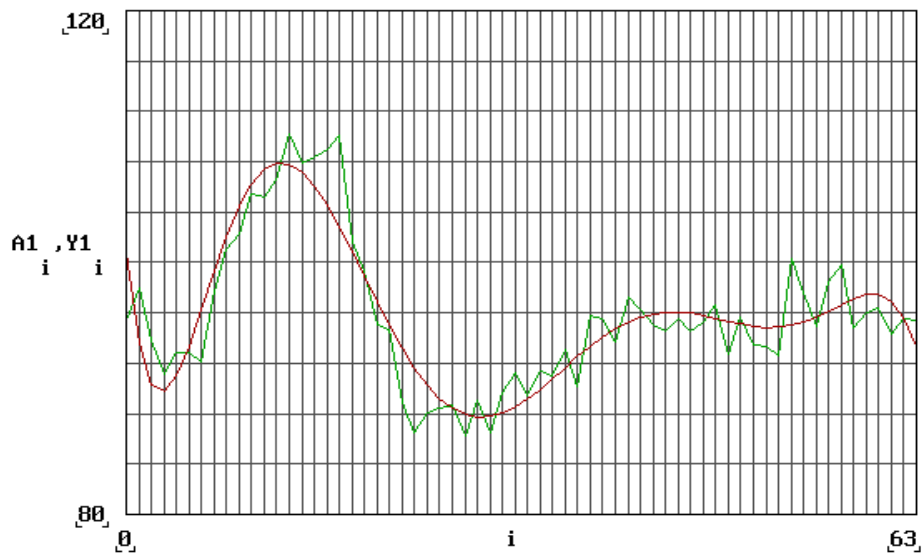

Рисунок 4 – Пример построения тренда параметра

В качестве априорных показателей признакового пространства выбираются относительные значения параметров по трем последовательным кадрам записи системы объективного контроля:

$$b_i^1 = A_j - A_{j-1}$$

$$b_i^2 = A_{j+1} - A_j;$$

где A_j – значение i -го параметра ($i=1,n$) в кадре записи ($j=1,m-1$).

Таким образом, получаем две матрицы исходных данных, которые имеют значение логических переменных "0" или "1". Общая размерность векторов B_i^1 и B_i^2 составляет $3n$, так как при:

$B_i^1 < 0$, $i=1,n$ – значение «1» ставится в i -ую позицию вектора параметров;

$B_i = 0$, $i=1,n$ – значение «1» ставится в $i+n$ позицию, где n – период – общее число параметров распознавания;

$B_i > 0$, $i=1,n$ – значение «1» ставится в $i+2n$ позицию.

Аналогичным образом формируется вектор B_i^2 . Значения этих векторов сравниваются со значениями эталонов, представленными в виде матриц.

T_{ik1} и T_{ik2} , где $i=1,n$ – определяет тип параметра СОК.

$k=1, K$ – определяет номер характерной точки на траектории соответствующего маневра или фигуры пилотажа;

$l=1, L$ – определяет вид фигуры или маневра.

При выполнении отношения

$$X_{kl} = \{B_i \wedge T_{ik1}\} \wedge \{B_i \wedge T_{ik2}\} = 1;$$

запоминается значение параметров $i = 1$, определённых в j -ом кадре записи, соответствующих той или иной характерной точке. Таким образом будем иметь:

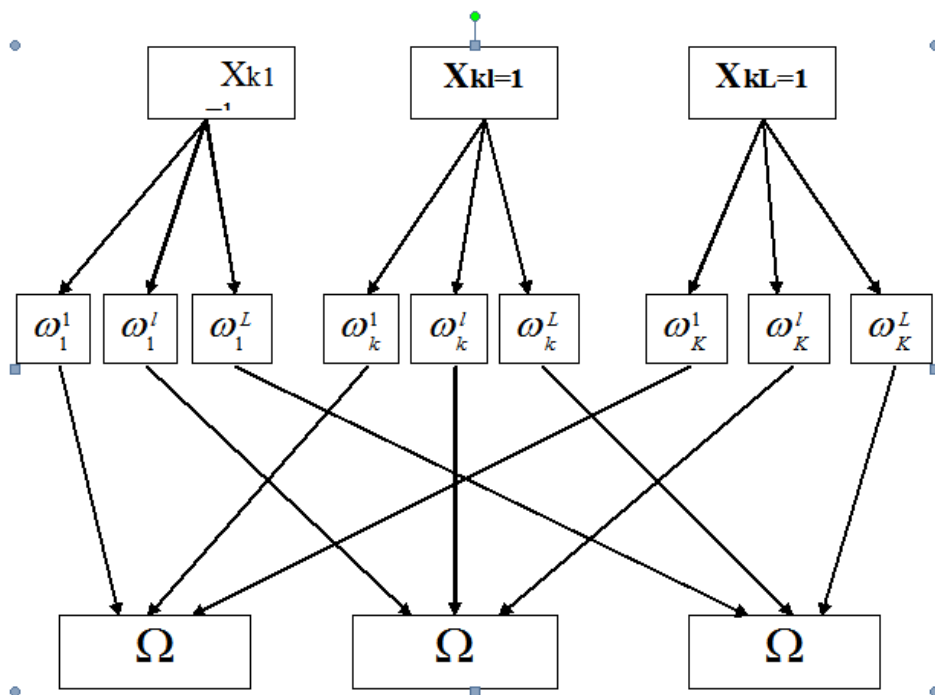

Рисунок 5 – Алгоритм распознавания

Предложенный алгоритм апробирован при распознавании двух фигур. Исходные данные СОК вводились в ЭВМ по кадрам записи через интервал времени $t = 2с$.

Разработка эталонных таблиц производилась по множеству сигналограмм реализации полетных заданий (по трендам изменения параметров, входящих в критерий распознавания). По характеру изменения текущих значений параметров в данных точках (по закону приращения, получаемого в этих точках относительно соседних точек, кадров записи) были составлены эталонные логические таблицы, две из которых для фигур «горка» и «разворот с набором высоты» приведены в табл. 2 и 3.

Построение таких таблиц упрощается тем, что курсанты летных училищ проходят обучение по строго определенным программам при заданной последовательности выполняемых упражнений, причем каждое упражнение содержит наперед заданную последовательность выполнения элементов полета, маневров или фигур пилотажа.

Первая часть таблицы показывает эталонные для распознавания признаки между первым и вторым кадрами записи бортового регистратора с условиями соответствия значений больше или меньше (да или нет, 0 или 1).

Вторая часть таблицы сравнивает показания между 3 и вторым кадрами записи. Таким образом, вся последовательность работы алгоритма сводится к последовательному сравнению 3-х кадров записи, следующих один за другим за время регистрации, определенное в упражнении элемента полета.

Таблица 2 – Эталонные таблицы для фигуры пилотажа «Разворот с набором ВЫСОТЫ»

№ точ-ки	Δt_i^1													Δt_i^2				
	$n_y >$ 0	$V >$ 0	$H >$ 0	$\psi >$ 0	$g >$ 0	$\gamma >$ 0	$n_y =$ 0	$V =$ 0	$H =$ 0	$\psi =$ 0	$g =$ 0	$\gamma =$ 0	$n_y <$ 0	$V <$ 0	$H <$ 0	$\psi <$ 0	$g <$ 0	$\gamma <$ 0
1	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0
2	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1
3	0	0	1	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0
4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	0	0
5	0	0	1	0	0	1	0	1	0	0	0	0	1	0	0	1	1	0
1	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1
2	0	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1
3	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1	0	1	0	0
4	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	1	1	0
5	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	1	1	0	0	0	1	0	0

Таким образом, при оценке качества техники пилотирования [Кашковский и др., 2013] и планирования программ подготовки курсантов летных училищ на маневренных самолетах [Назаров и др., 2016], выполняющих множество различных маневров и фигур пилотажа, применение программного метода распознавания образов полета является значительной задачей.

Таблица 3 – Эталонные таблицы для фигуры пилотажа «Горка»

№ точ-ки	Δt_i^1													Δt_i^2				
	$n_y >$ 0	$V >$ 0	$H >$ 0	$\psi >$ 0	$g >$ 0	$\gamma >$ 0	$n_y =$ 0	$V =$ 0	$H =$ 0	$\psi =$ 0	$g =$ 0	$\gamma =$ 0	$n_y <$ 0	$V <$ 0	$H <$ 0	$\psi <$ 0	$g <$ 0	$\gamma <$ 0
1	0	0	1	0	0	0	1	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0
2	1	0	1	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1
3	1	0	1	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1
4	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	1	0	0	0	1
5	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1	0	1	0	1
6	0	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	1	0
1	1	0	0	0	1	0	0	0	1	1	0	0	0	1	1	0	0	1
2	1	0	1	0	1	0	0	0	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1
3	0	0	1	0	1	0	0	0	0	1	0	1	1	1	0	0	0	0
4	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	0	0	1
5	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	1	0
6	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0

Библиографический список

Алгоритмы и программы восстановления зависимостей / под ред. В. Н. Вапника. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1984. С. 108-160.
 Горелик А. Л. Методика распознавания: учеб. пособие для ВУЗов / А. Л. Горелик, Б. А. Скрипкин. 3-е издание. М.: Высшая школа, 1989. 232 с.
 Кашковский В. В. Методика объективной оценки профессиональной подготовленности летного состава маневренных самолетов / В. В. Кашковский, В. В. Устинов // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2013. № 187. С. 161-163.

- Кибардин Ю. А.* Задачи распознавания событий в интересах повышения уровня безопасности полетов / Ю. А. Кибардин, Ю. И. Лукин, В. Д. Жмеренецкий; под ред. Ю. А. Кибардин. М.: ВВИА, 1987. С. 38-44.
- Кибардин Ю. А.* Методика и алгоритм распознавания маневров и фигур пилотажа по данным СОК / Ю. А. Кибардин, В. В. Устинов // Научно-методические материалы по проблемам обеспечения безопасности полетов. М.: ВВИА, 1991. С. 1–18.
- Назаров С. П.* Один из подходов к оцениванию уровня подготовки курсантов летных училищ с учетом качества выполнения полетного задания / С. П. Назаров, В. В. Устинов // Сборник трудов III Всероссийской научно-технической конференции преподавателей, научных работников и аспирантов с международным участием «Актуальные проблемы и перспективы развития гражданской авиации». ИФ МГТУ ГА, Иркутск, 2016. С. 84-91.
- Полуэктов С. П.* Методика и алгоритм объективного оценивания уровня натренированности летного состава (депонированная рукопись) / С. П. Полуэктов, В. В. Устинов, Ю. Н. Шишкин // Сборник рефератов деп. рукописей, вып. 82, серия Б, инф. Б, М.: ЦВНИ МО РФ, 2008.
- Сень Л. В.* Один из подходов к решению задачи распознавания этапов полета на АТ / Л. В. Сень, В. В. Устинов // Материалы IV Всесоюзной научно-технической конференции. Пенза: ППО «Эра», 1991. С. 38-44.
- Шишкин Ю. Н.* Методика объективного оценивания уровня обученности курсантов летных училищ и планирования их летной подготовки / Ю. Н. Шишкин, В. В. Устинов, А. С. Желтухин // Межвузовский сборник «Актуальные проблемы вузов ВВС», вып.23. М.: МО РФ, ВВС, 2007. С. 15-18.

References

- Algorithms and programs of dependence recovery (1984) / ed. by V. N. Vapnik. M.: Nauka, Chief editorial board of physic-mathematical literature, 1984. Pp. 108-160. (In Russian).
- Gorelik A. L.* (1989) Identification methodology: textbook for higher schools / A. L. Gorelik, B. A. Skripkin. 3rd edition. M.: Vysshaya shkola, 1989. 232 p. (In Russian).
- Kashkovsky V. V.* (2013) Method of objective assessment of the professional training of the flight crew of maneuverable aircraft / V. V. Kashkovsky, V. V. Ustinov // Scientific Bulletin of MSTUCA, 2013. No. 187 (1). Pp. 161-163. (In Russian).
- Kibardin Y. A.* (1987) Tasks of identifying events in the interests of increasing the flight safety level / Y. A. Kibardin, Y. I. Lukin, V. D. Zhmerenetskiy; ed. by Y. A. Kibardin. M.: AFEA, 1987. Pp. 38-44. (In Russian).
- Kibardin Y. A.* (1991) Method and algorithm for recognition maneuvers and maneuvers according to SDC / Y. A. Kibardin, V. V. Ustinov // Scientific and methodological materials on safety. M.: VVIA, 1991. Pp. 1-18. (In Russian).
- Nazarov S. P.* (2016) One of the approaches to assessing the level of training of flight students taking into account the quality of flight tasks / S. P. Nazarov, V. V. Ustinov // Collected papers of the 3d all-Russian scientific and technical conference of teachers, researchers and postgraduates with international participation "Current problems and prospects of civil aviation development". MSTU CA, Irkutsk, 2016. Pp. 84-91. (In Russian).
- Poluektov S. P.* (2008) Methodology and algorithm of objective assessment of flight crew's proficiency level (deposited manuscript) / S. P. Poluektov, V. V. Ustinov, Y. N. Shishkin // Collected abstracts of dep. Manuscripts, issue 82, series B, inf. B, M.: SFLMRD of RMoD, 2008. (In Russian).
- Sen' L. V.* (1991) One of approaches to solving the problem of identifying flight stages on AT / L. V. Sen', V. V. Ustinov // Materials of 4th All-Russian science and technical conference. Penza: «Era», 1991. Pp. 38-44. (In Russian).
- Shishkin Y. N.* (2007) Method of objective assessment of the level of training of flight students and planning their flight training / Y. N. Shishkin, V. V. Ustinov, A. S. Zheltukhin // Intercollegiate collection "Actual problems of air force universities", vol.23. M.: MD RF, AF, 2007. Pp. 15-18. (In Russian).

УДК 81'42

ББК 81

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_55

МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Ольга Андреевна Кострова,
orcid.org/0000-0002-2044-6048,
доктор филологических наук, профессор
Самарский государственный социально-педагогический университет,
ул. Максима Горького, 65/67
Самара, 443099, Россия
olga_kostrova@pgsga.ru*

Аннотация. Междисциплинарность признается основным продуктивным методом современных гуманитарных исследований. В зарубежной лингвистике акцент делается на изучение внутриязыкового взаимодействия категорий, межъязыковой интерференции, определения личностной идентичности. Последние изыскания отечественных лингвистов посвящены анализу методов, принципов и технологий трансфера в лингвистику категорий из смежных наук. В когнитивной лингвистике поднимается проблема пересмотра определения языка и его функций. В настоящей статье продолжается разработка проблемы межкатегориального взаимодействия на материале анализа вербальной коммуникации в монографиях зарубежных и отечественных лингвистов. Автор исходит из методологического принципа цельносистемности языка, определяющей его тип, и цельносистемности соответствующей культуры, основанной на отношении к контексту. Анализ проводится методом интерпретации терминологии и исследуемого языкового материала. Выявляются особенности взаимодействия категорий в повседневной, политической и текстовой коммуникации. Подтверждается тезис Э. Холла о фундаментальном характере культурного контекста, определяющего функционирование языковых средств. Уточняется значимость системности этих средств в вербальной коммуникации.

Исследование открывает перспективу обобщения междисциплинарных методов лингвистического анализа, востребованных при руководстве научными работами, экспертной оценке научных изысканий в диссертационных советах и редакционных советах журналов, участии в научных конференциях и подготовке рукописей к публикации.

Ключевые слова: взаимодействие категорий, система языка, культурные концепты, вербальная коммуникация, повседневное общение, политическая речь, текст.

INTERCATEGORIAL INTERACTION IN RESEARCHES OF VERBAL COMMUNICATION

Olga A. Kostrova
orcid.org/0000-0002-2044-6048,
doctor of philology, professor,
Samara State University of Social Sciences and Education,
65/67, M.Gorkogo
Samara, 443099, Russia
olga_kostrova@pgsga.ru

Abstract. Interdisciplinary approach is a basic research method of contemporary human sciences. Abroad, they reveal intralingual categorial interaction as well as interlingual interference and personal identification. In the last studies of Russian linguists, there are methods, principles and technologies of categorial transfer revealed. In cognitive linguistics, the problem of new definition of language and their functions is discussed. In this paper, the author continues the study of categorial interaction that was started in her previous work. Now, the study is devoted to analysis of verbal communication in monographs by domestic and foreign linguists. The author proceeds from the methodological principle of system holism that defines language type and cultural system based on context relation. In her analyses, the author uses the method of interpretation to explain the terminology and language units. She has revealed some specific features of categorial interaction in everyday, political and textual communication. Also, she has confirmed the thesis by Edward Hall about the fundamental meaning of the cultural context that defines language functioning. She precises the value of language system in verbal communication.

The research opens the perspectives for further studies which can generalize the interdisciplinary methods of linguistic analyses. These methods are high demand in a lot of spheres: by supervision of research, by expert supervision of theses and scientific papers as well as by participating on scientific symposiums and preparing the papers for publication.

Key words: categorial interaction, language system, cultural concepts, verbal communication, everyday communication, political speech, text

Введение

На заре изучения радиоактивности Э. Резерфорд, отмечая исключительную сложность явлений, наблюдаемых у радиоактивных тел, писал о необходимости какой-то формы теории, с одной стороны, «для того, чтобы разумным образом связать накопленную в настоящее время массу экспериментальных фактов», «но также и для предсказания новых направлений исследования» [Резерфорд, 1904, с. 517]. Аналогичная ситуация сложилась в настоящее время с изучением «невидимых», подобных радиоактивному, излучений, влияющих на функционирование языка. Стремление обнаружить эти влияния повлекло за собой обращение к междисциплинарным исследованиям.

Современные лингвистические исследования имеют, как правило, междисциплинарный характер. В них сфера языка соотносится с областями, составляющими объект исследования смежных наук, «внешних» по отношению к лингвистике: культурологии, психологии, когнитивистики, литературоведения, антропологии и др. Включение перечисленных смежных областей в лингвистические исследования влечет за собой новую

методологию, имеющую междисциплинарный характер, а также новый взгляд на язык и его функции. Этим вызовом современной науке о языке отвечает активно развивающееся направление междисциплинарных лингвистических исследований – когнитивная лингвистика. Язык рассматривается в рамках когнитивного подхода **«как когнитивная способность человека, обеспечивающая его существование, адаптацию, ориентацию и развитие в окружающей физической и социальной среде»** (выделено в оригинале: [Болдырев, 2020, с. 6]). Принимая это определение, зададимся вопросом: как или в чем проявляется когнитивная способность языка? В каких категориях она может проявиться и как это влияет на функционирование языка? В ответах на эти вопросы видится **цель** настоящей статьи. Мы пытаемся выявить общие черты в междисциплинарных лингвистических исследованиях, в которых каждый автор, по сути дела, разрабатывает свою методологию. *Гипотеза* статьи формулируется следующим образом: межкатегориальное взаимодействие в исследованиях вербальной коммуникации может интерпретироваться как взаимная обусловленность языкового типа и соответствующей культуры.

Проблемы, возникающие при исследовании межкатегориальных взаимодействий, нельзя назвать новыми, скорее они относятся к разряду вечных, требующих постоянного к ним обращения. Вспомним проблему взаимодействия языка и мышления, занимавшую умы выдающихся ученых от А. А. Потебни [Потебня, 1926] до Н. Хомского [Chomsky, 1965; Chomsky, 2006] и не утратившую актуальности до настоящего времени. Скорее можно говорить о возрастании её актуальности в связи с исследованиями искусственного интеллекта. Если сначала проблема описывалась на вербальном уровне, то Хомский вводит математические методы, применяя графический способ представления порождения высказывания. В теории ментальных пространств используются графы, в которых отражается сочетание категорий собственно лингвистики, теории фреймов, ментальных моделей, культурологии, социологии и других смежных областей. Интеграция категорий передается понятием *blending* [Fauconnier, 1997; Fauconnier et al., 1998].

Другая проблема, к которой постоянно обращаются исследователи, начиная с В. Гумбольдта, – взаимодействие языка и культуры. О ее актуальности свидетельствуют многочисленные конференции в России и за рубежом, а также новое направление лингвистических исследований – лингвокультурология, в которой используется особая система понятий и особая методология [Красных, 2003].

Теория межкатегориального взаимодействия успешно развивалась на внутриязыковом уровне. В отечественной германистике она проявилась в теории лексико-грамматических полей [Гулыга и др., 1969], а также в теории партитурного строения речевой цепи и батизматических наслоений [Адмони, 1961]. В зарубежной германистике акцент делался на изучении взаимодействия аспектуальности, темпоральности и модальности [Abraham, 2011; Kątny et al., 2010], а также на установлении аналогичности

детерминирующих функций в сфере глагола и имени [Leiss, 2000]. В цитируемом диахроническом исследовании Э. Лайс устанавливается специфика проявления взаимосвязи глагольно-именных групп в зависимости от перспективы говорящего: артикль и аспект глагола считаются именным и глагольным фенотипами, кодирующими внутреннюю или внешнюю перспективу («Artikel und Aspekt lassen sich als nominale bzw. verbal Phänotypen der Kodierung von Innen vs. Außenperspektive bezeichnen» [Leiss, 2000, S. 250]). Фактически речь идет о взаимосвязи языковых категорий с речеактовой категорией говорящего или субъекта речи. Цельносистемные закономерности немецкого языка описываются в сопоставлении с цельносистемностью русского. Автор не ставит своей задачей установление прямых культурных и языковых взаимосвязей. Однако уже спустя три года эти взаимосвязи попадают в центр лингвистических исследований.

В связи с массовой иммиграцией для немецких лингвистов актуальной проблемой становится межъязыковая интерференция и определение идентичности [Sprachidentität..., 2003], которая изучается на междисциплинарном уровне. При этом интегрируется языковая и культурная идентичность.

Методологическим проблемам междисциплинарных исследований посвящены труды отечественных авторов: коллективная монография [Лингвистика ..., 2016] и сборник [Образы языка..., 2018], в которых освещается технология использования в лингвистике научных понятий из смежных областей знания. Например, в статье [Постовалова, 2016] вводятся понятия «опредмечивание» и «распредмечивание» категорий, заимствованных лингвистикой из смежных областей. Взаимодействие категорий как самостоятельная проблема когнитивно-прагматических исследований описано в [Кострова, 2020].

Краткий обзор приводит к выводу о том, что исследования межкатегориального взаимодействия построены на сходных методологических предпосылках, однако проблемы системности языка и культуры в них скорее имплицитно. Настоящая статья продолжает начатое изучение межкатегориального взаимодействия на материале вербальной коммуникации в плане соотношения цельносистемных характеристик языка и культуры.

Материал и методы

Материалом исследования служат научные тексты, опубликованные в жанрах монографии. Проанализировано четыре монографии: две зарубежных [Gladrow et al., 2018] и [Schwarz, 2000] и две отечественных авторов [Антонова, 2011] и [Гришаева, 2020]. Выбор материала обусловлен тем, что все четыре источника посвящены исследованию вербальной коммуникации в разных ее проявлениях: в устной и письменных формах. Среди устных форм исследуется обыденная речь и речи политиков; письменная форма представлена текстовыми вариациями самого разного характера. Учитывалось и направление анализа: в двух монографиях описывается

преимущественно порождение высказывания или текста, в двух других имеет место ориентация на реципиента.

Важной методологической составляющей нашего исследования является понятие цельносистемности, которое мы относим к языку как системе и средству вербальной коммуникации, а также к культуре, в которой язык функционирует. Термин «цельносистемный» используется при характеристике типа языка, при которой учитывается степень спаянности уровней в его системе. Спаянность уровней отражают такие понятия, как морфонология (использование фонологических средств для построения словоформ) и синтоморфология (использование средств словоизменения для выражения синтаксических отношений) [Ермолаева, 1987, с. 12]. Внутрисистемное взаимодействие уровней рассматривается как признак цельности системы языка. В нашем исследовании цельносистемность интерпретируется как зонтичное понятие более высокого уровня абстракции, перекрывающее цельную подсистему языка (языковой тип), взаимодействующую с цельными подсистемами других наук в процессе вербальной коммуникации. В то же время понятие относится и к культуре, цельносистемность которой проявляется в совокупности базовых культурных концептов. С этой точки зрения понятие получает расширительный смысл, открывающий доступ к пониманию языка как когнитивной способности. Однако результатом такого взаимодействия является комплексная цельносистемная характеристика языкового феномена как частного случая реализации подсистемы языка, что переводит понятие цельносистемности на более низкий уровень абстракции, не умаляя при этом его значимости, поскольку взаимодействие с «внешними» подсистемами получает конкретную реализацию.

В качестве основного метода исследования используется интерпретативный анализ указанного жанра, включающий интерпретацию методологии авторов и анализ некоторых приводимых в исследуемых источниках языковых примеров, предполагающий их соотнесение с соответствующей областью научного знания. При этом основное внимание уделяется выявлению цельносистемных характеристик языковых феноменов и их соотношению с соответствующими культурными концептами.

Анализ и результаты

Интерпретация повседневной коммуникации

В монографии В. Гладрова и Е. Которовой выявляются модели речевого поведения (Sprachhandlungsmuster) в немецкой и русской повседневной коммуникации. Авторы показывают многоаспектную зависимость иллокуций говорящего от социальных, культурных и ситуативных факторов [Gladrow et al., 2018, S. 30]. Акцент делается на социальных факторах, влияющих на выбор модели поведения; учитываются социальный статус партнеров, их биофизиологические характеристики, национальная и региональная принадлежность, языковая компетентность, психотип и степень знакомства [там же]. Из культурных факторов авторы

принимают во внимание нормы этикета и вежливости и социальные стереотипы, из ситуативных – время и место события, связь с последующим дискурсом и психофизическое состояние коммуникантов [ebd., S. 31]. Монография получила в отечественной лингвистике достойную оценку, поскольку вносит неоценимый вклад в теорию и практику межкультурной коммуникации [Кострова, 2019].

Не в упрек авторам, а исходя из наших целей, посмотрим, насколько методология, применяемая в работе, способствует осознанию цельносистемности языков, на которых формируются модели речевого поведения. В качестве структуры, организующей взаимодействие категорий в рамках речевых актов, авторы рассматривают поле [Gladrow et al., 2018, S. 33], что представляется вполне оправданным. Однако приводимый авторами языковой материал открывает и другие возможности интерпретации. Например, для иллюстрации варьирования языковых средств, используемых при извинении, приводятся типичные в немецкой и русской культурах глаголы *entschuldigen Sie / verzeihen Sie – простите, извините*, а также типичное в немецкой лингвокультуре существительное *Entschuldigung* и типичный русский глагол *извиняюсь* [ebd., S. 99]. По поводу типичности русского глагола позволим себе не согласиться, поскольку он содержит оттенок сниженного разговорного стиля, однако в целом заключение авторов можно интерпретировать как проявление цельносистемности немецкого и русского языков, поскольку первый характеризуется как *Substantivsprache*, то есть язык, в лексиконе которого более половины слов представлены существительными, тогда как в лексике русского языка численно преобладают глаголы.

При выражении соболезнования говорящий в соответствии с нормами и узусом русского языка часто имплицитован, тогда как языковой тип немецкого языка требует его эксплицитного выражения, ср.:

Соболезную всем родственникам погибших.

Ich spreche den Familien und Hinterbliebenen der deutschen Soldaten mein Beileid aus [ebd., S. 165].

Приведенное сопоставление общеизвестно, однако его необходимо отметить в плане цельносистемных характеристик немецкого и русского языков. Не столь тривиальное различие, на которое обращают внимание авторы, состоит в том, что в русском языке используется перформативный глагол, а в немецком в соответствии с узусом употребляется глагольно-именное сочетание *sein Beileid aussprechen*. В немецкой низкоконтекстной культуре [Hall, 1981, p. 39] используется более прямой стиль выражения [там же; Schroll-Machl, 2005], допускающий для обозначения повода соболезнования такие сочетания как *zum Tode, zum Ableben, für den schmerzlichen Verlust*, тогда как в русской лингвокультуре возможны только описательные выражения, постепенно вводящие в контекст: *по поводу авиакатастрофы, в связи с...* (примеры авторов: [Gladrow et al., 2018, S. 166].

Таким образом, к многоаспектному описанию взаимодействия категорий в рассмотренной монографии можно добавить учет внутренней

цельносистемности языков и влияние базовых культурных концептов (низкоконтекстность и прямота в противовес высококонтекстности русской культуры). Разумеется, приведенные факторы влияния на формирование моделей речевого поведения не являются абсолютными, о чем свидетельствует пример с перформативным глаголом в русском и словосочетанием в немецком языке. Тем не менее можно, на наш взгляд, говорить о тенденциях, проявляющихся в рамках базовых культурных концептов.

Интерпретация политической коммуникации

В монографии [Антонова, 2011] рассматривается реципиентоцентрический подход к изучению политической речи. Результатом такого подхода является выделение особого цельносистемного текстотипа «предвыборная агитационная речь», реализуемого в культуре Великобритании [там же, с. 329-335]. Первичная функция электорального текста рассматривается как персуазивная [Речевая коммуникация..., 2007, с. 159]; А. В. Антонова уточняет эту функцию, определяя доминирующую интенцию политика, произносящего агитационную речь, как *манипулирование*. Манипулирование понимается как система средств, отражающая систему свойств и характеристик коллективного реципиента, релевантных для манипуляции [там же, с. 54]. Такими характеристиками автор считает этофизиологические свойства, восходящие к глубинному инстинктивно-эмоциональному уровню (например, инстинкт страха или смеха), свойства массового сознания, подчиняющие индивида влиянию массы, а также стереотипы поведения в заданной ситуации [там же, с. 56].

Проследим, насколько выделяемые автором характеристики соотносятся с базовыми концептами британской культуры. Первые два свойства коллективного реципиента можно, по-видимому, считать универсальными, однако их использование в манипулятивных целях может быть и культурно зависимым. Особого внимания заслуживает в этом аспекте учет стереотипов поведения в заданной ситуации.

Одна из базовых ценностей британской культуры, определяющая особенности национального характера, – **приверженность традициям** [Павловская, 2007, с. 35; Кулинич, 2004, с. 46, 71]. Эта особенность определяет жанрово обусловленную мишень манипуляции, цель которой – склонить реципиента к ритуальному действию голосования. Политик добивается перлокутивного эффекта, используя методы низкоконтекстной культуры, в которой ценятся изменения (change) [Hall, 1981, с. 101]. Это в известной степени противоречит британскому традиционализму, характеризуя британскую культуру как сочетающую разные формы отношения к контексту: традиционализм жанра (свидетельство исторического опыта) допускает методы культуры, не привязанной к традициям. В качестве воздействующего средства используется обещание перемен – открытая манипуляция [Антонова, 2011, с. 331], что характерно для низкоконтекстной культуры [Hall, 1981, р. 94]. В примере автора оратор

сочетает методы прямого воздействия (например, через употребление глаголов *vote, choose*) с воздействием на этофизиологические свойства реципиентов через многократные повторы [Антонова, 2011, с. 184].

Политики используют и известные британские ценности: вежливость и юмор. Структура агитационной речи соответствует категориям вежливости и уважения достоинства человека. Обрамление агитационной части составляет приветствие в начале и благодарность аудитории в заключение речи [Антонова, 2011, с. 329-385]. В основную часть оратор может включить комический речевой акт, используя идиоэтническую языковую игру – паронимическую аттракцию. Ср. приводимый автором пример, реализующий этофизиологическую мишень манипуляции «смех». Рассчитывая на понимание юмора, оратор ищет эмоциональной поддержки – доверия – реципиентов, опираясь на утилитарный эгоизм и практицизм британцев. Особенности британского индивидуализма характеризуются в [Lukes]; о практицизме англичан с позиций русского путешественника писал Н. М. Карамзин [1982]. Не удивительно поэтому, что для британца важнее талончик к дантисту, чем рассуждения о чьей-то судьбе:

People don't want a date with destiny. They just want a date with a dentist [Антонова, 2011, с. 289].

Таким образом, цельносистемность британской политической речи с позиций ориентации на реципиента проявляется в том, что в ней английский языковой стандарт используется в опоре на традиции, этнокультуру, национальный характер и универсальные этофизиологические свойства поведения.

Интерпретация понимания связности текста

В монографии М. Шварц [Schwarz, 2000] представлены модели понимания связности текста реципиентом. Модели созданы на основе интерпретации понятия «непрямая анафора» (*indirekte Anapher*). Для понимания текстовых связей реципиент обращается к знанию связей, существующих во внешнем мире, которые помогают ему опосредованно, через непрямую анафору, выйти на объект внешнего мира, референциализировать (*Referenzialisierung* – термин автора). Ср.:

«Bei der indirekten Anaphorik handelt es sich um domänengebundene Textreferenz. Kognitive Domänen habe ich als komplexe Repräsentationseinheiten definiert, die semantische und konzeptuelle Informationen im LZG (Langzeitgedächtnis – O.K.) miteinander verknüpfen» [Schwarz, 2000, S. 159].

Создавая текст, автор рассчитывает на то, что реципиент знает концептуальную систему внешнего мира, что позволяет редуцировать текстовую информацию. Например, если за предложением, в котором говорится о сверлении зуба, последует существительное, называющее зубного врача (по-немецки это сложное слово), то автору не надо специально вводить это существительное; реципиент поймет ситуативную связь: существительное '*Zahnarzt*' выполнит функцию не прямой анафоры. Ср.:

Der Zahn wurde aufgebohrt. Der Zahnarzt... [Schwarz, 2000, S. 102].

Автор показывает взаимодействие языковых категорий (анафора, детерминированное существительное, местоимение, существительное с неопределенным артиклем и др.) с категориями психологии (долговременная и кратковременная память, процессы активации, реактивации и деактивации в памяти) и с когнитивными категориями, отражающими структурированное знание о внешнем мире (фреймы, схемы, концепты). С помощью языковых категорий устанавливается референциальная связь с предтекстом, в котором находится «якорь» (Anker) – опосредованная привязка к концептуальным связям внешнего мира. Связь устанавливается разными способами, например, через семантические роли: агенс, пациенс, объект, инструмент и др. Глагол *schließen* ‘закрывать’ предполагает инструмент *Schlüssel* ‘ключ’ [Schwarz, 2000, S. 100]. Другой способ соотношения категорий – метонимические связи, например, объект – материал, масса – часть, событие – эпизод и др. [ebd., S. 106].

В монографии, написанной по материалам докторской диссертации, защищенной в 1998 году, проблема установления зависимости с социокультурными категориями, например, с типом текста (Textsorte) намечается как перспектива исследования [ebd., S. 161].

Анализ этой работы позволяет отметить еще одну методологическую особенность. Автор употребляет понятие интерпретации в интуитивном смысле как аксиому общенаучного описания. Н.Н. Болдырев обосновывает терминологическое значение интерпретации как одного из ведущих методов когнитивного исследования языка [Болдырев 2020].

Интерпретация коммуникативного варьирования текстов

В монографии [Гришаева, 2020] исследуются механизмы вербализации сведений о мире при варьировании текста. Автор исходит из комплексного методологического посыла, рассматривая язык как культурный код, с помощью которого осуществляется познание мира и передача знаний в процессе коммуникации. Текст понимается автором как продукт «речемыслительной деятельности носителей языка и культуры в определенной коммуникативной ситуации, как решение коммуникативной и когнитивной задачи с помощью гетерогенных языковых средств» [там же, с. 7]. Многоаспектность подхода позволяет автору успешно объяснять многие феномены языка совокупностью сведений о мире, известных в той или иной культуре. Например, высказывание «*Надо, Федя, надо!*» применяется в русской культуре как средство убеждения [там же, с. 37], но вряд ли будет понято так представителями других культур. Знание лексической системы немецкого языка побуждает носителей имени *Людмила* использовать в Германии сокращенный вариант *Мила*, а не *Люда*, поскольку последнее было бы неблагоприятно созвучно с немецким словом *Luder* [там же, с. 29]. Автор приводит убедительные примеры грамматических механизмов вербализации, основанных на знаниях системы языка, начиная с *глокой куздры*. О том, насколько глубоко укореняются эти механизмы в сознании человека, свидетельствуют факты их применения в другом языке. Так

русские эмигранты в США используют английские глагольные корни с русскими суффиксами инфинитива: *вокать* от *work*, *спидить* от *speed* и др. [там же, с. 30]. Заметим, что при этом произвольно используется характерный для русского языка сингармонизм гласных: в первом глаголе суффикс *-ать*, а во втором – суффикс *-ить*. В системном плане это согласуется с твердым и мягким склонением прилагательных, ср.: *красный* и *синий*.

Л.И. Гришаева убедительно показывает, что высшую ступень иерархии в механизмах вербализации занимают текстограмматические механизмы, подчиняющие себе все остальные [там же, с. 55]. Заслуживает внимания вывод, к которому автор приходит в более ранних работах, а именно вывод о том, что глагол организует текст не только в силу своих грамматических свойств, прежде всего валентности, но и в силу своей семантики [там же, с. 49]. Таким свойством обладают, согласно данным автора, глаголы с семантикой поведения.

Эрудиция автора, комплексность подхода, убедительность аргументации, несомненно, делают монографию выдающимся событием отечественной германистики. Л.И. Гришаева блестяще демонстрирует на материале текстов разных жанров взаимодействие категорий языка и культуры. Вместе с тем, в работе наблюдается некоторый перевес в сторону когнитивной функции языка в механизмах вербализации. Недооценка коммуникативной функции в этом процессе проявляется, на наш взгляд в том, что автор соотносит категорию текста с категорией предложения [там же, с. 47]. Представляется, что было бы логичнее использовать здесь понятие высказывания, поскольку речь идет о речемыслительной деятельности человека в процессах кодирования и декодирования информации. Обращение к речеактовым категориям присутствует, но остается на имплицитном уровне. Так кодирование предполагает в процессе коммуникации иницирующее речевое действие, а декодирование – рецептивное. При этом первое направлено, как пишет автор, на то, чтобы со-активировать реципиента в процессе декодирования, то есть оказать на него воздействие. Экспликация теории речевых актов может использоваться в качестве аргументации взаимодействия системных и функциональных категорий.

Резюме

Сложность объекта вербальной коммуникации ограничивает возможности его всестороннего описания в одном исследовании. Попытка применить в таком исследовании междисциплинарный подход наталкивается на известные трудности. Исследователь выбирает определенный аспект, показывая межкатегориальное взаимодействие, иллюстрирующее зависимость функционирования системы языка от «внешних» факторов.

Изложенные выше результаты анализа разных видов вербальной коммуникации подтверждают вывод Э. Холла о фундаментальном характере контекста культуры, определяющего функционирование языка.

При исследовании бытовой коммуникации акцент делается на взаимодействие языкового узуса и социокультурных категорий. В политической коммуникации выявляется взаимодействие применяемых адресантом языковых средств с психо-физиологическими категориями, национальным характером реципиента и его принадлежностью к определенной культуре, что позволяет описать агитационную речь как особый текстотип. Исследование варьирования текстов разной коммуникативной направленности открывает широкие возможности для показа языка как культурного кода, выполняющего функции познания. Однако взаимодействие системы языка как типа с базовыми культурными концептами остается во всех четырех случаях на латентном уровне, что приводит к мысли о необходимости совершенствования методов лингвистического анализа. О том же свидетельствует опыт преподавания языка, общение с коллегами, в том числе зарубежными, на конференциях разного уровня, руководство аспирантами и магистрантами, экспертная работа в диссертационном совете и в редакционных советах журналов. Все вместе взятое говорит о назревшей необходимости обобщения и развития методологических основ междисциплинарного лингвистического анализа.

Библиографический список

- Адмони, В. Г.* Партиктурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении. // Научные доклады высшей школы. Сер. Филол. науки. 1961. № 3. С. 3-16.
- Антонова, А. В.* Речевая манипуляция в предвыборном агитационном дискурсе Великобритании. М.: Маска, 2011. 368 с.
- Болдырев, Н. Н.* Концептуальное взаимодействие как основа речевого общения // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.: мат-лы XIII конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2015. Т. 6. С. 66-71.
- Болдырев, Н. Н.* Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 5-25.
- Гришаева, Л. И.* Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. 291 с.
- Гулыга, Е. В.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. М.: Просвещение, 1969. 182 с.
- Ермолаева, Л. С.* Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М.: Высшая школа, 1987. 128 с.
- Карамзин, Н. М.* Письма русского путешественника // Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1982. С. 25-528.
- Кострова, О. А.* Принципы и практика контрастивного анализа жанров речевой коммуникации: Рецензия на монографию В. Гладрова и Е. Которовой «Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung (Berlin: Peter Lang, 2018. 404 S.)» // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 154-159.
- Кострова, О. А.* Исследование межкатегориального взаимодействия в Самарской лингвистической школе: когнитивно-прагматический аспект // Современная германистика и западноевропейская литература: кол. монография. Вып 2. М.: Флинта, 2020. С. 23-37.
- Красных, В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- Кулинич, М. А.* Лингвокультурология юмора (на материале английского языка): монография. Самара: СГПУ, 2004. 264 с.

- Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: колл. монография / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. 500 с.
- Образы языка и зигзаги дискурса: сб. науч. ст. к 70-летию В. З. Демьянкова / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2018. 564 с.
- Павловская, А. В. Особенности национального характера... итальянцев, ...англичан, ...немцев, ...норвежцев и финнов, ...американцев, ...исландцев. М.: МГУ, 2007. 172 с.
- Постовалова, В. И. Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016. С. 36-60.
- Потебня, А. А. Мысль и язык // Полное собрание сочинений. Т. 1. Одесса: Гос. изд.во Украины, 1926. С. 1-171.
- Резерфорд, Э. Радиоактивность. Предисловие // Жизнь науки: Антология вступлений к классике естествознания / Сост. и автор биограф. очерков проф. С. П. Капица. М.: Наука, 1973. С. 517.
- Речевая коммуникация в политике / Под общ. ред. Л. В. Минаевой. М.: Флинта. Наука, 2007. 248 с.
- Abraham, W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Gabriele Diewald, Elena Smirnova (Hg.). Modalität und Evidentialität. Modality and Evidentiality. Trier: Wissenschaftlicher Verl., 2011. S. 125-147.
- Chomsky, N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1965. 261 p.
- Chomsky, N. Language and Mind. Cambridge University Press, 2006. 206 p.
- Fauconnier, G. Mappings in Thought and Language. Cambridge: University Press, 1997. 219 p.
- Fauconnier, G. Conceptual Integration Networks // Gilles Fauconnier, Mark Turner. Cognitive Science. 1998. 22 (2). 1998. P. 133-187. (Reprint with revisions, PDF. P. 1-72.).
- Fix, U. Identität durch Sprache – eine nachträgliche Konstruktion? // Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds.) *Sprachidentität – Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. S. 107-124.
- Gladrow, W. Sprachhandlungsmuster im Russischen und im Deutschen. Eine kontrastive Darstellung / W. Gladrow, E. Kotorova. Berlin: Peter Lang, 2018. 401 S.
- Hall, E. Beyond culture. Garden City, N. Y.: Anchor Press/Doubleday, 1981. 298 p.
- Kątny, A. (Hrg.). Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht / A. Kątny, A. Socka (Hrg.). Frankfurt am Main, Peter Lang, 2010. 264 S.
- Leiss, E. Artikel und Aspekt: die grammatischen Muster der Definitheit. Berlin: Walter de Gruyter, 2000. 309 S.
- Lukes, S. M. "Individualism". Encyclopedia Britannica, 2020 [Электронный ресурс] URL: <https://www.britannica.com/topic/individualism> (дата обращения: 12.02.2021).
- Schroll-Machl, S. Kulturunterschiede: Ergebnisse der Kulturstandardforschung. 2.3. Deutschland // A. Thomas, S. Kammhuber, S. Schroll-Machl (Hg.). Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. S. 72-89.
- Schwarz, M. Indirekte Anaphern in Texten: Studien zur domänengebundenen Referenz und Kohärenz im Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 2000. 175 S.

References

- Abraham, W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Gabriele Diewald, Elena Smirnova (Hg.). Modalität und Evidentialität. Modality and Evidentiality. Trier: Wissenschaftlicher Verl., 2011. S. 125-147. (In German).
- Admoni, V. G. Speech chain construction as a score and system of grammatical meanings in the sentence // Nauchnyje doklady vysshey shkoly. Series Filologicheskoye nauki 1961. № 3. P. 3-16. (In Russian).

- Antonova, A. V. Manipulation in election speech discourse of Great Britain. Moscow: Maska, 2011. 368 p. (In Russian).
- Boldyrev, N. N. Cognitive approach in linguistics and related areas of research // *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2020. № 2. P. 5-25. (In Russian).
- Boldyrev, N. N. Conceptual interaction as basis of speech communication // *Russian language and literature in the space of world culture*. Granada, Spain, September, the 13th–20th 2015: Papers of the 13th MAPRYAL congress. Sant Petersburg, 2015. V. 6. P. 66-71. (In Russian).
- Chomsky, N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1965. 261 p. (In English).
- Chomsky, N. *Language and Mind*. Cambridge University Press, 2006. 206 p. (In English).
- Ermolayeva, L. S. Issues on contrastive grammar of Germanic languages. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. 128 p. (In Russian).
- Fauconnier, G. Conceptual Integration Networks // Gilles Fauconnier, Mark Turner. *Cognitive Science*. 1998. 22 (2). 1998. P. 133-187. (Reprint with revisions, PDF. P. 1-72.). (In English).
- Fauconnier, G. *Mappings in Thought and Language*. Cambridge: University Press, 1997. 219 p. (In English).
- Fix, U. Identität durch Sprache – eine nachträgliche Konstruktion? // Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds.) *Sprachidentität – Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. S. 107-124. (In German).
- Gladrow, W. Sprachhandlungsmuster im Russischen und im Deutschen. Eine kontrastive Darstellung / W. Gladrow, E. Kotorova. Berlin: Peter Lang, 2018. 401 S. (In German).
- Grishayeva, L. I. *Text Variation in Communication*. Voronezh: Nauka-Yunipress, 2020. 291 p. (In Russian).
- Gulyga, E. V. Grammatical and lexical fields in contemporary German. / E. V. Gulyga, E. I. Shendels. Moscow: Prosveshcheniye, 1969. 182 p. (In Russian).
- Hall, E. *Beyond culture*. Garden City, N. Y.: Anchor Press/Doubleday, 1981. 298 p.
- Images of language and zigzags of discourse: collected papers to 70th anniversary of V. Z. Demyankov / V. V. Feshchenko (ed.). Moscow: Kulturnaya revoluciya, 2018. 564 p. (In Russian).
- Karamsin, N. M. Letters of Russian traveler / N. M. Karamsin. Letters of Russian traveler. Novels. Moscow: Pravda, 1982. P. 25-528. (In Russian).
- Kątny, A. (Hrg.). Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht / A. Kątny, A. Socka (Hrg.). Frankfurt am Main, Peter Lang, 2010. 264 S. (In German).
- Kostrova, O. A. Contrastive analysis of speech communication genres: Principles and praxis book review: W. Gladrow, E. Kotorova «Sprachhandlungsmuster im Russischen und im Deutschen. Eine kontrastive Darstellung (Berlin: Peter Lang, 2018. 404 S.)» // *Zhanry rechi*. 2019. № 2 (22). P. 154-159. (In Russian).
- Kostrova, O. A. Research of categorial interaction in Samara linguistic school: cognitive and pragmatical aspects // *Sovremennaya germanistika i zapadnoyevropejskaya literatura: Coll. Monograph*. V. 2. Moscow: Flinta, 2020. P. 23-37. (In Russian).
- Krasnykh, V. V. «Himself» among «foreigners»: mythos or reality? Moscow: Gnozis, 2003. 375 p. (In Russian).
- Kulinich, M. A. Linguistic culturology of humor: monograph. монография. Samara: SGPU, 2004. 264 p. (In Russian).
- Leiss, E. *Artikel und Aspekt: die grammatischen Muster der Definitheit*. Berlin: Walter de Gruyter, 2000. 309 S. (In German).
- Linguistics and semiotics of cultural transfer: methods, principles, technologies: coll. Monograph / V. V. Feshchenko (ed.). Moscow: Kulturnaya revoluciya, 2016. 500 p. (In Russian).
- Lukes, S. M. "Individualism". *Encyclopedia Britannica*, 2020 [Электронный ресурс] URL: <https://www.britannica.com/topic/individualism>. (дата обращения :12.02.2021). (In English).
- Pavlovskaya, A. V. Nature specifics ...of Italians, Englishmen, Germans, Norwegians and Finns, Americans, Icelanders. Moscow: MGU, 2007. 172 p. (In Russian).

- Postovalova, V. I.* Ways and principles of knowledge transfer in human sciences // Linguistics and semiotics of cultural transfer: methods, principles, technologies: coll. monograph. / V. V. Feshchenko (ed.). Moscow: Kulturnaya revoliuciya, 2016. P. 36-60. (In Russian).
- Potebnya, A. A.* Thought and language. // A. A. Potebnya. Full collection of papers. Vol. 1. Odessa: Gos. izd-vo Ukrainy, 1926. P. 1-171. (In Russian).
- Reserford, E.* Radioactivity. Preface //Life of science: Anthology of prefaces to classical papers of natural history / S.P. Kapica (ed.). Moscow: Nauka, 1973. P. 517. (In Russian).
- Schroll-Machl, S.* Kulturunterschiede: Ergebnisse der Kulturstandardforschung. 2.3. Deutschland // A. Thomas, S. Kammhuber, S. Schroll-Machl (Hg.). Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. S. 72-89. (In German).
- Schwarz, M.* Indirekte Anaphern in Texten: Studien zur domänen gebundenen Referenz und Kohärenz im Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 2000. 175 S. (In German).
- Speech communication in politics / L. V. Minayeva (ed.). Moscow: Flinta. Nauka, 2007. 248 p. (In Russian).

УДК 81'42

ББК 81.2Нем

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_69

**ФЕМИННЫЕ ТИПАЖИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ СМЕХОВОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: НОМИНАЦИИ ЖЕНЩИН В АНЕКДОТАХ**

*Раиса Ивановна Бабаева,
orcid.org/0000-0002-4501-0881,
доктор филологических наук, доцент
Ивановский государственный университет,
ул. Ермака, 39
Иваново, 153025, Россия
babaevari@ivanovo.ac.ru*

*Анна Сергеевна Яценко,
orcid.org/0000-0001-7743-8797,
аспирант кафедры зарубежной филологии
Ивановский государственный университет,
ул. Ермака, 39
Иваново, 153025, Россия
anit-94@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваемые в статье вопросы взаимосвязаны с проблемой гендерных взаимоотношений в современном немецкоязычном мире. В статье описываются наиболее распространенные способы номинации женских персонажей в современных немецкоязычных анекдотах, на основе выявленных феминитивов выделяются пять основных феминных типажей, характерных для немецкоязычной смеховой фольклорной лингвокультуры: лингвокультурные типажы, соотносимые с именами собственными; лингвокультурные типажы, соотносимые с реальными людьми; лингвокультурные типажы, соотносимые с профессиями и родом занятий; лингвокультурные типажы, соотносимые с родственными и социальными отношениями; лингвокультурные типажы, соотносимые с внешностью женщин. Теоретической основой анализа материала послужили теория лингвокультурных типажей, разрабатываемая в отечественной лингвистике, теория дискурсивного анализа, теоретические положения, разрабатываемые в рамках исследования юмористического дискурса, положения гендерной лингвистики. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что выявленные типажы являются значимой частью немецкоязычной смеховой фольклорной лингвокультуры, негативные качества феминных персонажей, обыгранные определенным образом, составляют пуанту анекдота, в то время как проявляющиеся в анекдоте положительные качества женских персонажей создают лишь контекст, на фоне которого реализуется пуанта.

Ключевые слова: юмористический дискурс, немецкий язык, анекдот, феминитив, лингвокультурологический типаж, имя собственное.

FEMALE TYPES OF GERMAN LAUGHTER LINGUOCULTURAL: NOMINATION OF WOMEN IN JOKES

Raisa I. Babaeva
orcid.org/0000-0002-4501-0881,
Doctor of Philology, Full professor
Ivanovo State University
39, Ermaka street
Ivanovo, 153025 Russia
babaevari@ivanovo.ac.ru

Anna S. Iatsenko
orcid.org/0000-0001-7743-8797
post-graduate student of Department of foreign philology
Ivanovo State University
39, Ermaka street
Ivanovo, 153025 Russia
anit-94@yandex.ru

Abstract. The issues considered in the article are interconnected with the problem of gender relations in the modern German-speaking world. The article describes the most common ways of nominating female characters in modern German-language jokes, on the basis of the identified feminities, five main feminine types are distinguished, characteristic of the German-language laughing folk linguistic culture: linguocultural types correlated with proper names; linguocultural types correlated with real people, linguocultural types correlated with professions and occupation; linguocultural types correlated with kinship and social relations; linguocultural types correlated with appearance of a woman. The theoretical basis for the analysis of the material was the theory of linguocultural types, developed in domestic linguistics, the theory of discourse analysis, theoretical provisions developed in the framework of the study of humorous discourse, the position of gender linguistics. As a result of the analysis, it is concluded that the identified types are a significant part of the German-speaking laughable folk linguistic culture, the negative qualities of feminine characters, played in a certain way, constitute the point of the anecdote, while the positive qualities of female characters manifested in the joke create only a context against which realized point.

Key words: humorous discourse, German, joke, femininity, cultural linguistic type, proper name.

Проблемы гендерной симметрии и асимметрии в современном обществе рассматриваются представителями разных наук, в том числе и лингвистики. Вклад языковедов в выяснение взаимоотношений мужчин и женщин в современном обществе обусловлен тем, что язык отражает и фиксирует то, что происходит в жизни человека. Как известно, человек стремится всему, что его окружает, дать имя, в котором при этом находят отражение не только характеристики обозначаемого явления или предмета, но и отношение человека к объекту номинации. В этой связи можно сказать, что, изучая языковые явления, в том числе и номинации, а также различные типы текстов, можно обнаружить то, что часто «не лежит на поверхности». Взаимоотношения мужчин и женщин являются одной из центральных тем такого типа текста как анекдот, поэтому, вероятно, обращение к данному

эмпирическому материалу позволит лучше понять гендерные процессы, происходящие в современном обществе.

Материалом проведенного исследования послужили немецкоязычные анекдоты, представленные в сети интернет, поэтому в рамках данной статьи они рассматриваются как медиатексты. Основной целью анализа эмпирического материала являлось выяснение основных феминных типажей, представленных в современной немецкоязычной фольклорной смеховой лингвокультуре. Для достижения данной цели были выявлены и систематизированы феминитивы-номинации женских образов, имеющих место в современных анекдотах-медиатекстах на немецком языке. При исследовании использовались метод статистических подсчетов и метод дискурсивного анализа.

В основе проведенного исследования лежит понятие «лингвокультурный типаж», которое введено в научный оборот В. И. Карасиком и О. А. Дмитриевой. Под этим термином понимаются «обобщенные образы личностей, чье поведение и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на лингвокультуру в целом и являются показателями этнического и социального своеобразия общества» [Дмитриева и др., 2018]. В рамках теории лингвокультурных типажей, которая сложилась в отечественной лингвистике лишь в начале 21-го века, рассматриваются вопросы типологии лингвокультурных типажей, дается описание отдельных типов лингвокультурных типажей (учителя, хакера и др.), проводится идиоэтническое сравнение лингвокультурных типажей (например, русских и английских), выявляются и описываются лингвокультурные типажи в рамках определенного дискурсивного пространства (например, в интернет-дискурсе) [Назарова и др., 2020; Еркович, 2018].

В нашем исследовании внимание уделяется выявлению лингвокультурных типажей в конкретном дискурсивном пространстве – немецкоязычном юмористическом дискурсе. В качестве объекта исследования выбран жанр анекдота, так как, на наш взгляд, это тип текста, в котором чаще всего представлены обобщенные образы. Анекдот рассматривается нами как речевой жанр юмористического дискурса, при этом необходимо отметить, что термину отечественной лингвистики «анекдот» в зарубежном языкознании соответствуют термины «joke» (в англоязычной научной литературе), «Witz» (в немецкоязычной), о чем могут свидетельствовать следующие дефиниции: «анекдот – короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям русского языка» [Шмелёва и др., 2002, с. 20]; «Der Witz wird als die wichtigste Gattung im Rahmen der Volkserzählung verstanden ... und ist somit eine kurze Erzählung aufzufassen, für die ein überraschendes Ende charakteristisch ist, nämlich die Pointe, die den Rezipienten erstens überraschen und zweitens noch zum Lachen provozieren soll» [Sikorska-Bujnowicz, 2015, p. 222].

Изучению немецкого анекдота посвящены работы многих отечественных лингвистов, например, Н. Д. Миловской, В. А. Собяниной, В. Б. Меркурьевой, С. В. Буренковой, О. А. Сосой [Миловская, 2013; Собянина, 2018; Куприянова и др., 2012; Буренкова, 2017; Сосой, 2018]. Внимание отечественных языковедов акцентируется преимущественно на лингвистических средствах создания комического, поэтому в центр их внимания попадают прежде всего языковые анекдоты. В публикациях иностранных лингвистов, базирующихся на основных теориях изучения юмора, внимание чаще всего уделяется отражению стереотипов, связанных с гендерными аспектами, поэтому объектом их исследования являются разнообразные анекдоты [Sikorska-Bujnowicz, 2015; Cendra et al., 2019; Kotthoff, 2006; Nilsen et al., 2018; Tosun et al., 2018]. При рассмотрении стереотипов внимание исследователей акцентируется, как правило, на тех персонажах, которые высмеиваются в анекдоте. В нашей же работе внимание уделяется всем феминитивным персонажам, при этом во внимание принимаются и неосновные действующие лица анекдота.

Задачи исследования имеют междисциплинарный характер, поэтому анализу подвергаются как языковые, так и ситуативные анекдоты. Рассмотрение анекдота, на наш взгляд, не может происходить без учета такого понятия, как «национальная смеховая лингвокультура», потому что анекдот отражает национальную картину мира и реалии определенного временного промежутка [Маслова, 2010]. Обращаясь к анекдотам, вероятно, можно выявить особенности национального характера, ведь смех, вызванный анекдотом, определенным образом связан с миром бессознательного. Зигмунд Фрейд в своей работе об анекдотах «*Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten*», которая впервые была опубликована в 1905 г., отмечал, что в анекдотах в шуточной форме порой озвучивается то, что является в обществе табуированным, а рассказывание анекдота может быть средством снятия психического напряжения [Freud, 2012].

В нашей работе анекдоты рассматриваются как часть национальной смеховой лингвокультуры, которая соотносится с фольклором и обиходным дискурсом, ведь это тексты, автор которых неизвестен, данные тексты воспроизводятся в условиях неформального общения.

На первом этапе проведенного исследования практическим материалом послужили 411 анекдотов, собранных методом сплошной выборки из разных немецкоязычных источников в сети Интернет. В каждом анекдоте имеется женский персонаж, который обозначается лексической единицей-феминитивом. В нашем практическом материале было выявлено 72 феминные номинации. Наиболее употребительными являются следующие феминитивы: *Blondine/n* (встретилось 79 раз), *Frau / Frauen* (63), *deine Mutter* (52), *sie* (36), *Lehrerin* (30), *Nachbarin* (29), *Frau Merkel* (24), *Prostituierte* (20), *Sekretärin* (14), *Lisa/Lieschen* (13), *Anne/Anja* (13), *Frau Müller* (13), *Freundin* (11), *Eva* (11). Эти рекуррентные слова обозначают в анекдотах наиболее популярные женские образы немецкоязычной фольклорной смеховой лингвокультуры, соотносимой с неформальным общением.

Все феминитивы, представленные в проанализированных немецкоязычных анекдотах, были систематизированы и распределены на основе способа номинации в следующие группы: 1) лингвокультурные типажи, соотносимые с именами собственными, 2) лингвокультурные типажи, соотносимые с реальными людьми, 3) лингвокультурные типажи, соотносимые с профессиями и родом занятия, 4) лингвокультурные типажи, соотносимые с родственными отношениями, 5) лингвокультурные типажи, соотносимые с внешними характеристиками. При описании типажей использовались наряду с основными текстами, собранными на первом этапе, дополнительные анекдоты, размещенные в сети Интернет [Deine Mutter...; Lisa...; Pinterest; Spitzenwitze...; Teilenswert...; Witze-paradies; Witze.tv; Woxikon].

Наиболее многочисленной оказалась группа, в которой номинации женских образов осуществлялись на основе имени собственного, в нее вошел 21 феминитив. В анекдотах имена собственные обозначают не конкретных людей, а типизированные образы, знакомые представителям немецкоязычной лингвокультуры. Наиболее употребительным в данной группе является оним *Lise/Lisa, Lieschen*, который может обозначать либо маленькую девочку, либо девушку. Место действия анекдота с участием данного персонажа – детский сад, школа, домашняя обстановка или «места развлечения». Собеседниками Лизы могут быть учитель, близкие родственники, друзья. Все анекдоты объединяет то, что Лиза – всегда наивная, имеет скромный интеллект и является олицетворением глупости, поэтому независимо от возраста она всегда вызывает смех, она не понимает, что от нее хотят другие. У маленькой Лизы всегда своя логика, которая отличается от общепринятой: "*Was ist weiter weg, Amerika oder der Mond?*", *fragt die Lehrerin. "Ganz einfach, Amerika!"*, *antwortet Lieschen. "Wie kommst du darauf?" "In der Nacht kann ich den Mond sehen, aber Amerika nicht!"* [Woxikon].

Молодая девушка Лиза остается всегда верна своему наивному детскому восприятию жизни. Например, есть серия анекдотов о молодой девушке Лизе, которой 19, порой указывается иной близкий к этому возраст, но самое главное – она была в Австралии. То, как Лиза демонстрирует полученные знания, составляет пуанту анекдотов, пользующихся популярностью в интернете [Lisa...].

Анекдоты о Лизе в гиперболизированном виде передают то, что происходит в современном немецкоязычном коммуникативном пространстве, которое изобилует английскими словами и выражениями в различных сферах: в сфере общественного питания – Lisa: „*Ich hatte gern mit ohne Salat. "Bedienung: „Was den nun? Mit oder ohne? Lisa: „Haha sorry. I'm so confused. In Englisch heißt es halt without und und das ist mit ohne. Wissen Sie, ich war gerade in Australien.* [Lisa...]; в повседневной жизни – „*Can I have a train?" Lisa, 19, seit zwei Wochen in Australien und möchte einen Zug von der Zigarette* [Lisa...].

У персонажа анекдота – Лизы из Австралии – даже есть своя страница на немецком языке в социальной сети Facebook, имеется огромное

количество подписчиков. Комический эффект в большинстве случаев создается неуместным вкраплением английских слов в немецкий текст.

Вторым по частотности в рассматриваемой группе является феминитив *Anna/ Anne/ Annika/ Anni*. С этим именем соотносятся такие характеристики, как неудачница, потому что у нее все не так, как у всех, она не отличается и умом. Многие анекдоты с этим именем начинаются словом *alle*: «*Alle Kinder waren Wunschkind, nur nicht Anne, die war eine Panne*» [Witze-paradies]. О том, что это имя собственное может рассматриваться как характеризующее, свидетельствует следующий пример: «*Alle Kinder heißen Susanne, nur nicht Petra, die heißt Anne*» [Witze-paradies].

Взрослая женщина *Anna / Анна* тоже всегда является объектом смеха, потому что она – глупая, и ее поступки вызывают насмешки и пренебрежительное к ней отношение. Она из-за своего расточительства и глупости не может удержать жениха – *Sigrid zu Anna*: «*Wann ist denn jetzt Eure Verlobung?*» *Anna*: «*Wir sind leider seit kurzem getrennt!*» «*Ja, aber warum denn?*» *Anna*: «*Als er gehört hat, wieviel ich für meine Kleidung bei meiner Schneiderin ausbe, hat er sich mit ihr verlobt.*» [Spitzenwitze]; искренне радуется возможности не платить за проезд детей в автобусе, воспринимая ситуацию в соответствии со своей уникальной логикой – *Anja macht mit ihren Sprösslingen einen Ausflug mit dem Bus. Fragt sie den Busfahrer*: „*Muss ich für die Kinder denn auch zahlen?*“ *Meint dieser*: „*Unter sechs nicht!*“ *Anja erleichtert*: „*Gut, ich habe nur zwei!*“ [Pinterest].

Другие наиболее употребительные имена в немецкоязычных анекдотах также соотносятся с определенными качествами. *Eva / Ева* – распутная и хитрая, что восходит к библейскому сюжету с яблоком. Даже если речь идет о маленькой девочке по имени Ева, она уже смекалистая и знает, как извлечь для себя пользу из сложившихся обстоятельств. Например, сюжет следующего анекдота раскрывает расчетливость маленькой Евы, которая, уронив одно из трех мороженых в песок, без тени сомнения, расчетливо определяет, что это упало мороженое отца – *Die kleine Eva ist mit ihren Eltern am Strand. Sie bekommt Geld und darf drei große Tüten Eis kaufen. Vorsichtig trägt sie die Leckereien, doch auf dem Weg zu ihren Eltern rutscht ihr ein Eis aus der Hand und fällt in den Sand. „Wie schade“, sagt Eva traurig, „jetzt habe ich doch glatt dein Eis fallen lassen, Vati!“* [Witze-paradies].

Еще одной популярной номинацией женских персонажей в немецких анекдотах выступает имя *Frau Müller* (13 примеров). На основе фактического материала данный персонаж можно охарактеризовать следующим образом: обывательница, взрослая семейная женщина, глупая, любопытная, плохо справляющаяся со своими домашними обязанностями. Например, глупая и не умеющая готовить женщина пытается накормить своего супруга кормом для кошек, при этом она гордится полученным результатом и своими кулинарными способностями – *Fragt Herr Müller seine Frau*: “*Schatzi, hast du unser Mittagessen wieder einmal aus der Dose gekocht?*“ – „*Ja Liebling*“, *antwortete sie stolz*. „*Und was gibt es diesmal?*“ – „*Das weiß ich nicht so genau.*“

Auf der Dose stand – für meinen kleinen Liebling – und daneben war so eine kleine süße Katze abgebildet....“ [Witze.tv].

Анализ немецкоязычных медиатекстов-анекдотов, содержащих частотные женские имена собственные, позволяет сделать вывод о том, что под данными номинациями «коллективный автор» не подразумевает конкретного человека, а представляет типаж, то есть феминный образ, обладающий определенными, как правило, негативными характеристиками, этот типаж хорошо знаком носителям немецкоязычной лингвокультуры и переносится вместе с именем из анекдота в анекдот.

Ко второй группе отнесены феминитивы, соотносимые с реальными женщинами, которые становятся объектом высмеивания в современных немецкоязычных медиа-анекдотах. Здесь особняком стоят анекдоты с феминитивом *Angela Merkel* / Ангела Меркель, в которых высмеивается не лингвокультурологический типаж, а конкретный политический лидер. Объектом смеха становятся, с одной стороны, ее непопулярные действия как политика, а с другой стороны, ее негативные характеристики как женщины.

От Ангелы Меркель как представительницы «слабого» пола ожидается, что она должна хорошо выглядеть, ведь женщина-политик как публичное лицо должна быть ухоженной. Несоответствие ожиданиям становится темой для анекдотов. Неумение красиво одеваться – *Was macht Angela Merkel mit alten Klamotten? Anziehen [Deine Mutter...]*, малопривлекательная прическа – *Spendenskandal: Bereits zu DM Zeiten wurden Frau Merkel 100 Mark für den Frisör gespendet, bis heute weiß keiner, wo das Geld abgeblieben ist [Deine Mutter...]* – высмеиваются в немецкоязычных медиа-анекдотах.

Многие анекдоты об Ангеле Меркель не являются гендерно-маркированными, а акцентируют внимание на политических моментах, таких как непопулярность, неразумность политических решений.

Номинациями-феминитивами рассматриваемой группы являются также имена собственные реальных персонажей, таких как *Helene Fischer, Melania Trump, Anne Will, Anna Veith, Hillary Clinton, Ariel / Arielle*, которые хорошо известны представителям немецкоязычной лингвокультуры и могут быть в силу определенных индивидуальных особенностей объектом высмеивания. Большинство из этих номинаций относятся к серии анекдотов «*Egal wie Witze*» (шутки серии «Неважно какой»). В этих анекдотах проявляется креативный характер пользователей интернета, так как все эти тексты построены на языковой игре и сравнениях. В немецкой лингвокультуре они являются довольно новой, специфической категорией [Witze-paradies].

Так, в следующем примере – *Egal wie viele nicht wollen, Anne will [Witze-paradies]* – с помощью приёма языковой игры обыгрываются фамилия немецкой телеведущей Анне Виль (*Will*) и словоформа глагола *wollen* в третьем лице единственного числа (*will*), внося тем самым неожиданный каламбур в конец шутки. Объектом высмеивания, вероятно, является частый показ шоу с данной телеведущей или ее стиль модерирования.

В другом примере – *Egal wie fisch Du bist, Helene ist Fischer [Witze-paradies]* – имеет место еще больший абсурд: коллективный автор образует от

существительного *Fisch* (рыба) прилагательное *fisch*, не зафиксированное ни в одном словаре, своего рода неологизм, а в конце шутки еще и дает его сравнительную форму (*fischer*), являющуюся омонимом к фамилии известной немецкой певицы Хелены Фишер (*Fischer*). Данная языковая игра вносит в такого рода шутки особый, новый юмор, основанный на абсурде. Понять пуанту не всегда удается, так как для этого необходимы фоновые знания, которые порой известны только носителям языка.

Третья выделенная нами группа содержит феминитивы, соотносимые с названиями профессий и видов занятий женщин, в нее было включено 18 номинаций. Наиболее частотный феминитив-профессия/занятие – это слово *Lehrerin*. В немецкоязычных медиа-анекдотах учительница часто лишь собеседница персонажей-школьников, к ней они обращаются, чтобы получить ответ на вопрос, или наоборот, отвечают на ее вопросы. Пуантой анекдота являются, как правило, неожиданные ответы учеников, связанные с какими-либо ситуациями школьной или повседневной жизни. Например, традиционный вопрос учительницы, о том, что ребенок нового узнал на уроке, провоцирует остроумный ответ ученика – *"Was habe ich denn heute gelernt?" fragt Fritzchen die Lehrerin. "Das ist aber eine dumme Frage." "Tja, zu Hause werde ich das jeden Tag gefragt."* [Woxikon]. Учительница, задающая домашние задания, транслирует знания в семейный круг, что вызывает разнообразные реакции у родственников ученика – *Vater ganz stolz zum Sohn: "Du Kind, warum klebst du eigentlich mein Bild in dein Schulheft." Das Kind: "Weil die Lehrerin sehen wollte, welcher Dummkopf mir bei den Hausaufgaben hilft."* [Woxikon].

В некоторых анекдотах феминитив *Lehrerin* соотносится с определенными характеристиками, из них вырисовывается лингвокультурологический типаж учительницы, который можно рассматривать как часть немецкоязычной фольклорной смеховой культуры. Персонаж немецкого анекдота учительница – с точки зрения учеников она не очень молодая, некрасивая, что вызывает определенные реакции детей – *Deutschstunde. Lehrerin: Ich bin schön! Welche Zeitform ist das? Schüler: Vergangenheit.* [Woxikon]; они считают, что только некрасивые становятся учителями, а красавицы идут в модели – *Fragt die Lehrerin Lisa. "Was möchtest du später werden?" Lisa: "Na, wenn ich hübsch werde, Model und wenn ich hässlich werde, Lehrerin"* [Deine Mutter...].

В немецких анекдотах о школе и школьниках действующим персонажем может быть и учитель, поэтому гендерная маркированность этой профессии в немецкой смеховой лингвокультуре не является ярко выраженной. В то время, как русскоязычный лингвокультурный типаж «учитель» – гендерно-маркирован [Еркович, 2018].

Другой феминитив, широко употребляемый в немецких анекдотах, – это слово *Sekretärin*, он соотносится с ярко выраженными характеристиками, образующими типаж секретарши: глупенькая – *Chef zur Sekretärin: "Was steht diese Woche auf meinem Terminplan?" Antwortet sie: "Montag, Dienstag, Mittwoch."* [Pinterest], болтливая, любовница начальника – *"Wer hat Ihnen*

eigentlich gesagt," tobt der Chef zu seiner Sekretärin, "dass Sie hier den ganzen Tag faulenzten können, nur weil ich sie ein paar Mal geküsst habe?" Lächelnd erwidert die Sekretärin: "Mein Anwalt." [Deine Mutter...].

Четвертую группу образуют феминитивы, соотносимые с внешними качествами женщин. Всего здесь было выделено 9 номинаций – *Blondine* (79), *Brünette* (1), *Hellblonde*, *Dunkelblonde*, *blonde Mutter*, *blonde Tochter*, *Braunhaarige/Brünette*, *Rothaarige*. Номинация *Blondine* характеризуется наибольшей рекуррентностью в немецкоязычных анекдотах. Этот лингвокультурный типаж обладает следующими характеристиками – низкий интеллектуальный уровень, легкомысленная, нелогичная, интересуется гламуром и мужчинами. По наблюдениям, анекдоты о блондинках начинают рассказывать немецкие дети еще в детском саду. Это анекдоты, в которых нелепость и комичность ситуации понятны всем – *Wie heisst "Blondine" auf Chinesisch: DUMM-DING; Warum sind Blondinen wie Cornflakes? Sie sind leicht, einfach und schmecken gut; Warum lieben Blondinen Gewitter? Weil Sie denken, jemand macht ein Foto von ihnen [Deine Mutter...].*

В русском фольклоре анекдоты о блондинках стали популярны в начале 2000-х лет, они пришли из англоязычных источников [Бессонов, 2013, с. 288-298].

Пятая группа феминитивов в немецкоязычных анекдотах соотносится с семейными и социальными отношениями.

Персонаж «жена» (*Frau, sie, Schatz*) в немецкоязычных анекдотах появляется, когда ее собеседником является муж, либо в диалоге образ жены обсуждается ее мужем с другим действующим лицом анекдота. Образ жены в немецких анекдотах дается с позиции мужа/мужчины: властная, изменяет мужу, плохо готовит, не очень красивая, слишком толстая, является зависимой от мужчины, поэтому для нее свадьба – это победа, а для мужчины – поражение, он теряет свободу и вынужден мириться с пребыванием рядом женщины, которая не является идеалом и не всегда охотно выполняет свои супружеские обязанности, но проявляет большой интерес к материальным ценностям. Приведем лишь несколько примеров, иллюстрирующих эти качества и характеристики: внешний вид, полнота – *Wie macht man aus einer Maus eine Kuh? – Heiraten! [Spitzenwitze]*; алчность – *Meiner Frau genügt zum Valentinstag nur eine Karte. Ob Visa oder MasterCard ist ihr völlig egal [Spitzenwitze]*.

Персонаж «мама» (*Mutter, Mutti, Mami*) в большинстве случаев не используется в качестве центрального объекта высмеивания, она лишь собеседник. Феминитив *Mutter / Mami* встречается, как правило, в анекдотах, где одним из персонажей является ребенок. Мама в немецкоязычных анекдотах имеет положительную оценку, она является для ребенка источником знаний, она заботится о нем и о семье. Она утешает ребенка в трудную минуту – *Fritzchen hat sich die Hand aufgerissen. Seine Mutter tröstet ihn: "Der liebe Gott heilt das ganz, ganz schnell." Da meint Fritzchen: "Muss ich rauf, oder kommt er runter?" [Spitzenwitze]*; заботится о папе – *Mami packt die Tasche für die Geschäftsreise von Papi: "Ein Wurstbrot, damit Papi nicht*

verhungert, eine Flasche Bier, damit er uns nicht verdurstet”, erklärt sie dem kleinen Fritzchen. Geht dieser ins Bad und holt das Parfum der Mutter: “Und das hier, damit Papi nicht verduftet.” [Spitzenwitze]. Пуантой в данных анекдотах, как правило, является реплика ребенка, который еще недостаточно хорошо ориентируется в мире взрослых – “Mami, Mami, wann krieg ich denn endlich mein Brüderchen?” – “Ach Fritzchen, darf’s denn auch ein Schwesterchen sein?” – “Was geht denn schneller?» [Woxikon].

Противоположностью рассмотренных анекдотов с феминитивом *Mutter* является серия анекдотов «*Deine Mutter Witze*», которая была заимствована из англоязычного фольклора и получила распространение в немецкоязычном пространстве лишь в последние годы. В анекдотах этой серии образ матери используется для того, чтобы унижить собеседника путем оскорбления его матери; вероятно, предполагается, что больнее всего можно обидеть, коснувшись самого дорогого для человека. В этих анекдотах используется гиперболизация, чем нелепее ситуация, тем должно быть смешнее: *Deine Mutter ist so dumm, sie denkt Elektroautos fahren mit dem Golfstrom; Deine Mutter ist so dumm, sie öffnet Windows für frische Luft* [Deine Mutter...].

В рамках данной статьи мы остановились лишь на наиболее частотных феминных лингвокультурных типажах, которые составляют значимую часть современной немецкоязычной фольклорной смеховой лингвокультуры. Подобный подход даёт представление об основных чертах немецкоязычной смеховой фольклорной лингвокультуры и позволяет понять роль женщин и отношение к ним в немецкоязычном обществе в цифровую эпоху.

Анализ номинаций феминных образов, поведения женских персонажей в немецкоязычных анекдотах и рассмотрение их как лингвокультурных типажей позволяют сделать вывод о том, что высмеиваются черты, традиционно считающиеся негативными, – глупость (например, *Lieschen, Blondine*), неумение вести домашнее хозяйство (*Frau*), хитрость и алчность (*Eva, Sekretärin*), неумение красиво выглядеть (*Frau*), именно эти аспекты, обыгранные в определенной форме, и составляют суть/пуанту анекдота. В анекдотах о реальных женских персонажах также высмеиваются негативные качества, которые рассматриваются как нарушение неких общих представлений о норме.

В то же время положительные качества и поступки обобщенных женских образов в анекдотах присутствуют в качестве контекста: мама и бабушка заботятся о маленьких детях; учительница, мама, бабушка являются источником знаний для детей, к ним они обращаются с вопросами; жена заботится о муже.

Исключением из сделанных наблюдений являются заимствованные из англоязычного коммуникативного пространства в немецкий смеховой дискурс анекдоты серии «*Deine Mutter*», которые не следует считать отражением немецкой лингвокультуры, а феминитив «*deine Mutter*» не является частью лингвокультурного типажа «*Mutter*» и воспринимается как чужеродный элемент в немецкоязычной смеховой картине мира.

Библиографический список

- Бессонов, И.* Блондинка как персонаж современного анекдота // Фольклор XXI века: Герои нашего времени: сборник статей. М., 2013. С. 288-298.
- Буренкова, С. В.* Жанровые особенности немецких анекдотов // ОНВ. ОИС. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-nemetskih-anekdotov> (дата обращения: 13.02.2021).
- Дмитриева, О. А.* Теория лингвокультурных типажей: учеб. пособие / О. А. Дмитриева, И. А. Мурзина. [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://www.litres.ru/i-amurzinova/teoriya-lingvokulturnyh-tipazhey-uchebnoe-posobie/> (дата обращения: 13.02.2021).
- Еркович, П. С.* Лингвокультурные типажи «учитель» и «teacher» в русской и американской лингвокультурах // Электронное научное издание «Ученые записки ТОГУ». 2018. Т. 9. № 1. С. 116-122. URL: https://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2018/TGU_9_20_1.pdf (дата обращения: 12.02.2021).
- Куприянова, Н. В.* Реализация комического эффекта в немецких этноанекдотах с использованием диалекта / Н. В. Куприянова, В. Б. Меркурьева // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-komicheskogo-effekta-v-nemetskih-etnoanekdotah-s-ispolzovaniem-dialekta> (дата обращения: 13.02.2021).
- Маслова, В. А.* Русская смеховая лингвокультура // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XV (62) регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, посвященной 100-летию со дня основания УО "ВГУ им. П. М. Машерова", Витебск, 3-5 марта 2010. Витебск, 2010. С. 172-174. URL: <https://lib.vsu.by/jspui/handle/123456789/15704> (дата обращения: 12.02.2021).
- Миловская, Н. Д.* Немецкий языковой бытовой анекдот о блондинках (к вопросу о текстовых разновидностях) // Приволжский научный вестник. 2013. №6 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-yazykovoy-bytovoy-anekdot-o-blondinkah-k-voprosu-o-tekstovyh-raznovidnostyah> (дата обращения: 13.02.2021).
- Назарова, Р. З.* Классификация лингвокультурологических типажей участников и жанровых языковых особенностей персонального интернет-дискурса / Р. З. Назарова, Г. Н. Соколова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2020. № XII. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-lingvokulturologicheskikh-tipazhey-uchastnikov-i-zhanrovyyh-yazykovyyh-osobennostey-personalnogo-internet-diskursa> (дата обращения: 13.02.2021).
- Собянина, В. А.* Языковая репрезентация этностереотипов в немецких анекдотах и шутках (на примере интернет-сайтов) // Известия ВГПУ. 2018. №1 (124). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-etnostereotipov-v-nemetskih-anekdotah-i-shutkah-na-primere-internet-saytov> (дата обращения: 13.02.2021).
- Сосой, О. А.* Средства языковой объективации комического эффекта в немецких анекдотах // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-yazykovoy-obektivatsii-komicheskogo-effekta-v-nemetskih-anekdotah> (дата обращения: 13.02.2021).
- Шмелева, Е. А.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр / Е. А. Шмелева, А. Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
- Freud, Sigmund.* Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten 3. Auflage. – Frankfurt am Main, 2012. 266 p.
- Cendra, Anastasia N.; Triutami, Teresia D.; Bram, Barli.* Gender stereotypes depicted in online sexist jokes // The European Journal of Humour Research. 2019. Vol 7, No 2. P.44-66. URL: (дата обращения 10.02.2021).
- Kotthoff, Helga.* Gender and humor: The state of the art. // Journal of Pragmatics. 2006. № 38. P. 4-25.

Nilsen, Alleen Pace & Nilsen, Don L.F. The language of humour: an introduction. – Cambridge: Cambridge university press, 2018. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/language-of-humor/B37E80D6A21DB3A2E344A4061D996D9C> (дата обращения: 10.02.2021).

Sikorska-Bujnowicz, Katarzyna. Worüber lachen die Deutschen? Einige Bemerkungen zum deutschen Witz // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, 2015. T. LXI. P. 221-237.

Tosun, Sümevra; Faghihi, Nafiseh; Vaid, Jyotsna. Is an Ideal Sense of Humor Gendered? A Cross-National Study // Frontiers in Psychology. 2018. 27-02. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00199/full> (дата обращения: 10.02.2021).

Deine Mutter Witze. URL: <https://www.deinemutterwitze.com> (дата обращения: 10.02.2021).

Lisa aus Australien: Die 15 besten Sprüche von Jodel und Co. URL: <https://www.giga.de/apps/jodel/gallery/lisa-aus-australien-die-15-besten-sprueche-von-jodel-und-co/> (дата обращения: 10.02.2021).

Pinterest. URL: <https://www.pinterest.de> (дата обращения: 10.02.2021).

Spitzenwitze. Die besten Witze im Netz. URL: <https://www.spitzenwitze.de/> (дата обращения: 10.02.2021).

Teilenswert.de Online-Portal für Unterhaltung. URL: <https://www.teilenswert.de/> (дата обращения: 10.02.2021).

Witze-paradies. URL: <https://witze-paradies.de/egal-wie-witze/> (дата обращения: 10.02.2021).

Witze.tv. URL: <https://www.witze.tv/lustige-witze> (дата обращения: 10.02.2021).

Woxikon. URL: <https://witze.woxikon.de> (дата обращения: 10.02.2021).

References

Bessonov I. A blonde as a character of a modern joke // Folklore in the 21st century: Heroes of our times: collection of articles. M., 2013. P. 288-298. (in Russian)

Burenkova S. V. Genre specifics of German jokes // ONW. OIS. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-nemetskih-anekdotov> (date of the request: 13.02.2021). (in Russian)

Cendra, Anastasia N.; Triutami, Teresia D.; Bram, Barli. Gender stereotypes depicted in online sexist jokes // The European Journal of Humour Research. 2019. Vol 7, No 2. P.44-66. URL: (date of the request: 10.02.2021). (in English)

Deine Mutter Witze. URL: <https://www.deinemutterwitze.com> (date of the request: 10.02.2021). (in German)

Dmitrieva O. A., Murzina I. A. Theory of linguocultural types. Training manual. [Electronic resource]. 2018. URL: <https://www.litres.ru/i-a-murzinova/teoriya-lingvokulturnyh-tipazhey-uchebnoe-posobie/> (date of the request: 13.02.2021). (in Russian)

Erkovich P. S. Linguocultural types «учитель» и «teacher» in Russian and American linguocultures // Electronic science publication «Studies of Pacific National University». 2018. T. 9. № 1. P. 116-122. URL: https://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2018/TGU_9_20_1.pdf (date of the request: 12.02.2021). (in Russian)

Freud, Sigmund. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten 3. Auflage. – Frankfurt am Main, 2012. 266 p. (in German)

Kotthoff, Helga. Gender and humor: The state of the art. // Journal of Pragmatics. 2006. № 38. P. 4-25. (in English)

Kupriyanova N. V., Merkuryeva V. B. Realization of a humorous effect in German ethnic jokes using dialect // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistic and intercultural communication. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-komicheskogo-effekta-v-nemetskih-etnoanekdotah-s-ispolzovaniem-dialekta> (date of the request: 13.02.2021). (in Russian)

Lisa aus Australien: Die 15 besten Sprüche von Jodel und Co. URL: <https://www.giga.de/apps/jodel/gallery/lisa-aus-australien-die-15-besten-sprueche-von-jodel-und-co/> (date of the request: 10.02.2021). (in German)

Maslova V. A. Russian humorous linguoculture // Science to education, industry, economics: materials XV (62) region. Scientific-practical conference of professors, academics and post-graduate students, dedicated to 100th anniversary from the day of the foundation UO "Vitebsk State University named after P. M. Masherov", Vitebsk, 3-5 March 2010. Vitebsk, 2010. P. 172-174. URL: <https://lib.vsu.by/jspui/handle/123456789/15704> (date of the request: 12.02.2021). (in Russian)

Milovskaya N. D. German linguistic joke about blondes (to the question about textual varieties) // Privolzhskiy scientific bulletin. 2013. №6 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-yazykovoy-bytovoy-anekdot-o-blondinkah-k-voprosu-o-tekstovyh-raznovidnostyah> (date of the request: 13.02.2021). (in Russian)

Nazarova R. Z., Sokolova G. N. Classification of linguocultural types of participants and genre linguistic specifics in the personal internet-discourse // Foreign languages in a context of intercultural communication. 2020. № XII. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-lingvokulturologicheskikh-tipazhey-uchastnikov-i-zhanrovyyh-yazykovyyh-osobennostey-personalnogo-internet-diskursa> (date of the request: 13.02.2021). (in Russian)

Nilsen, Alleen Pace & Nilsen, Don L.F. The language of humour: an introduction. – Cambridge: Cambridge university press, 2018. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/language-of-humor/B37E80D6A21DB3A2E344A4061D996D9C> (date of the request: 10.02.2021). (in English)

Pinterest. URL: <https://www.pinterest.de> (date of the request: 10.02.2021). (in German)

Shmeleva E. A., Shmelev A. D. Russian joke: text and speech genre. M.: Languages of Slavic culture, 2002. 144 p. (in Russian)

Sikorska-Bujnowicz, Katarzyna. Worüber lachen die Deutschen? Einige Bemerkungen zum deutschen Witz // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, 2015. T. LXI. P. 221-237. (in German)

Sobyanina V. A. Linguistic representation of ethnic stereotypes in German anecdotes and jokes (on the example of internet sites) // News of Voronezh State University. 2018. № 1 (124). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-etnostereotipov-v-nemetskih-anekdotah-i-shutkah-na-primere-internet-saytov> (date of the request: 13.02.2021). (in Russian)

Sosoy O. A. Means of linguistic objectivation of a humorous effect in German jokes // Verhnevolzhskiy philological bulletin. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-yazykovoy-obektivatsii-komicheskogo-effekta-v-nemetskih-anekdotah> (date of the request: 13.02.2021). (in Russian)

Spitzenwitze. Die besten Witze im Netz. URL: <https://www.spitzenwitze.de/> (date of the request: 10.02.2021). (in German)

Teilenswert.de Online-Portal für Unterhaltung. URL: <https://www.teilenswert.de/> (date of the request: 10.02.2021). (in German)

Tosun, Sümeýra; Faghihi, Nafiseh; Vaid, Jyotsna. Is an Ideal Sense of Humor Gendered? A Cross-National Study // Frontiers in Psychology. 2018. 27-02. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00199/full> (date of the request: 10.02.2021). (in English)

Witze.tv. URL: <https://www.witze.tv/lustige-witze> (date of the request: 10.02.2021). (in German)

Witze-paradies. URL: <https://witze-paradies.de/egal-wie-witze/> (date of the request: 10.02.2021). (in German)

Woxikon. URL: <https://witze.woxikon.de> (date of the request: 10.02.2021). (in German)

УДК 811.112.2'373(=112.2)
ББК 81.432.4
DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_82

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В НОМИНАЦИЯХ ПОНЯТИЯ «HEIMAT» (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ)

*Мария Андреевна Салтымакова,
orcid.org/0000-0001-6781-5114,
аспирант¹, заочное отделение, 3 курс, Германские языки,
специалист по учебно-методической работе Управления международной*

*деятельности²
¹Иркутский государственный университет,
²Байкальский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1
Иркутск, 664003, Россия
maria-islu@yandex.ru*

Аннотация. В статье дается характеристика российских немцев, их языка, культуры и менталитета в рамках лингвистики языковых контактов, раскрывается сущность определения «дискурсивное сообщество» в целом, а также «дискурсивное сообщество российских немцев» в частном. Поскольку настоящее исследование выполнено на материале художественного дискурса российских немцев, в статье дается краткое определение понятиям «дискурс» и «художественный дискурс». Работа выполнена в рамках исследования номинативной теории, в ее рамках раскрывается сущность понятий «номинация» и «вторичная номинация», посредством которой реализует себя эмоциональный компонент в номинациях понятия «Heimat».

В практической части работы исследуются эмоционально окрашенные номинации понятия «Heimat» в художественном дискурсе российских немцев. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ словарных дефиниций лексем «эмоция» и «Emotion», выявляются ключевые составляющие понятия «эмоция» в русском и немецком языках. Далее проводится компонентный анализ окружения лексемы «Heimat» как на вербальном, так и на невербальном уровнях, а также с позиций лексического, стилистического и грамматического анализа.

Ключевые слова: лингвистика языковых контактов, российские немцы, номинация, родина, Heimat, эмоция, Emotion.

EMOTIONAL ASPECT IN THE NOMINATIONS OF THE NOTION OF «HEIMAT» (BASED ON ARTISTIC DISCOURSE OF RUSSIAN GERMANS)

Mariya A. Saltymakova
<https://orcid.org/0000-0001-6781-5114>,
3rd year postgraduate student,
International Department officer²,
¹Irkutsk State University;
²Baikal State University
1, Karl Marx St.,
Irkutsk, 664003, Russia
maria-islu@yandex.ru

Abstract. The article characterizes Russian Germans, their language, culture and mentality within the framework of contact linguistics, reveals the essence of the definition of «discourse community» in general, as well as «discourse community of Russian Germans» in particular. Considering that the present research is carried out on the material of the artistic discourse of Russian Germans, the article gives a brief definition of the notions of «discourse» and «artistic discourse». The work was carried out within the framework of the study of the nominative theory, therefore, it reveals the essence of the notions of «nomination» and «secondary nomination», by means of which the emotional component in the nominations of the notion of «Heimat» realizes.

The practical part of the work studies the emotionally colored nominations of the notion of «Heimat» in the artistic discourse of Russian Germans. A comparative-contrastive analysis of the dictionary definitions of the lexemes «emotion» and «Emotion» is carried out, the key components of the notion of «emotion» in Russian and German languages are revealed. Further, a component analysis of the surroundings of the lexeme «Heimat» is carried out both at the verbal and non-verbal levels, as well as from the standpoint of lexical, stylistic and grammatical analysis.

Keywords: contact linguistics, Russian Germans, nomination, homeland, Heimat, emotion, Emotion.

Введение

Лингвистика языковых контактов (лингвоконтактология, контактная лингвистика) является одной из отраслей лингвистической науки, в центре которой находится многоязычный индивид: устройство его языковой компетенции, его социолингвистические характеристики, а также языковой материал, порождаемый им [Багана, 2010, с. 5]. Научной аксиомой является тот факт, что культурные и языковые контакты могут возникать в любое время и в любом месте, где встречаются люди. Эти контакты существуют не между языками, а между носителями языков или дискурсивными сообществами [Földes, 2005, S. 7].

Под дискурсивным сообществом следует понимать группу говорящих, обладающих своей собственной языковой системой и характерной для нее речевой культурой со свойственной ей коммуникативной или дискурсивной программой, которая отличает это сообщество носителей языка от других [Földes, 2005, S. 30]. Дискурсивное сообщество российских немцев составляют немцы, населявшие и населяющие территории бывшей

Российской империи, СССР и ныне РФ. Под это собирательное понятие попадают все этнические немцы следующих территорий: Украина, Молдавия, Белоруссия, страны Балтики, республики Кавказа, страны центральной Азии. При идентификации российских немцев следует учитывать не только государства, в которых российские немцы массово проживали, но и места и государства, в которые их депортировали [Siebel, 2014, S. 283].

Объектом исследования данной статьи является дискурсивное сообщество российских немцев как представителей одновременно немецкой и российской лингвокультур, и вместе с тем носителей немецкого и русского языков.

Предметом исследования выступают эмоционально окрашенные номинации понятия «Heimat».

Поскольку настоящая статья посвящена изучению российских немцев с позиций двух языков и культур (т. е. билингвизма и бикультурализма), которые являются одними из основных категорий изучения контактной лингвистики, то ее можно считать *актуальной* для современной лингвистической науки.

Цель работы – исследование эмоционального компонента в номинациях понятия «Heimat» в художественном дискурсе российских немцев. Базой исследования служит произведение Эрики Нойфельд (рожденной на Урале в 1987 г. и ныне проживающей в Германии) «Der fremde Fluss» («Чужая река») из Альманаха «Fremde Heimat Deutschland?» («Чужая родина Германия?»).

В соответствии с поставленной целью в рамках данной статьи реализуются следующие *задачи*:

- 1) характеристика российских немцев в рамках теории лингвистики языковых контактов;
- 2) анализ словарных дефиниций понятий «эмоция» и «Heimat»;
- 3) анализ эмоционального компонента в номинациях понятия «Heimat» в произведении Эрики Нойфельд «Der fremde Fluss» на вербальном и невербальном уровнях;
- 4) анализ эмоционального компонента в номинациях понятия «Heimat» в произведении Эрики Нойфельд «Der fremde Fluss» на лексическом, стилистическом и грамматическом уровнях.

Материал и методы

Материалом нашего исследования в широком смысле служит художественный дискурс российских немцев, в узком смысле – произведение Эрики Нойфельд «Der fremde Fluss». Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие [Дейк, 1998]. Под художественным дискурсом понимается

коммуникативный акт, который не обязательно и не в первую очередь преследует цели (такие, как вопрос, утверждение, угроза, обещание), характерные, например, для межличностной коммуникации, или любой другой набор целей, характерный для других типов дискурса. Художественный дискурс, обладая некоторыми признаками других дискурсов, преследует принципиально отличную от них цель. Писатель через своё произведение осуществляет попытку воздействия непосредственно на «духовное пространство» читателя как с целью воздействовать на него, внести в него некоторые изменения [Dijk, 1979].

Поскольку наше исследование посвящено изучению языка, культуры и ментальности российских немцев, комбинирующих в себе черты как российской, так и немецкой лингвокультур, то ключевым методом анализа как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях нашей работы выступает сравнительно-сопоставительный метод.

Помимо сравнительно-сопоставительного метода исследования, в качестве основных методов, используемых в статье, выступают:

- интерпретативный метод;
- метод контекстуального анализа;
- метод анализа словарных дефиниций;
- метод компонентного анализа;
- оппозиционный метод.

Анализ и результаты

Анализ словарных дефиниций лексем «эмоция» и «Emotion»

Исходя из того, что настоящее исследование посвящено эмоциональной составляющей номинаций понятия «Heimat», мы считаем необходимым обратиться к толковым словарям как русского, так и немецкого языков с целью определения сущности русского понятия «эмоция» и немецкого «Emotion».

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, эмоция – это «душевное переживание, чувство» [Ожегов, 2008-2017]. Ушаков Д. Н. дает следующее определение понятию «эмоция»: «Душевное переживание, волнение, чувство (часто сопровождаемое какими-нибудь инстинктивными выразительными движениями)» [Ушаков, 2005-2021].

Так, в определении обоих авторов обнаруживаются ключевые (общие, совпадающие) компоненты значения понятия «эмоция», а именно – душевное переживание и чувство. Ушаков Д. Н., однако, уточняет, что это еще и волнение, а также не просто чувство, а чувство, «часто сопровождаемое какими-нибудь инстинктивными выразительными движениями»).

Исходя из компонента определения «инстинктивные выразительные движения» следует, что, переживая те или иные эмоции, человек находится не в спокойном состоянии, а в возбужденном, при этом данные «выразительные движения» и, как следствие, переживание тех или иных эмоций тяжело поддаются контролю, т. к. являются «инстинктивными», а значит, выходят за область сознательного поведения. Иными словами,

«инстинктивные выразительные движения» представляют собой невербальный компонент эмоций, преимуществом которого является способность передавать большой объем информации. Главная его роль заключается в получении разнообразной информации о человеке. Подобную информацию можно получить через жесты, мимику и интонации, поскольку данные элементы невербального общения способны выразить и корректно интерпретировать душевную энергию человека, его симптомы и движения [Меркурьева и др., 2019, с. 4].

Поскольку российские немцы являются представителями не только российской, но и немецкой лингвокультуры, мы считаем целесообразным также обращение к толковым словарям немецкого языка для выявления компонентов значения немецкого понятия «Emotion». В толковых словарях немецкоязычных изданий мы находим подтверждение вышеизложенной мысли о том, что, испытывая эмоции, человек находится в возбужденном состоянии, а также, что эмоции находятся за пределами сферы разума, т. к. относятся к сфере душевных переживаний и чувств.

Толковый словарь издательства Duden дефинирует понятие «Emotion» следующим образом: «Emotion ist eine psychische Erregung, Gemütsbewegung; Gefühl, Gefühlsregung» («Эмоция – это психическое возбуждение, душевное переживание, чувства, возбуждение чувств (эмоциональные всплески)») [Duden, 2021].

«Gemütsbewegung, Gefühl» («возбуждение чувств, психическое возбуждение») – так определяется понятие «Emotion» в электронном словаре немецкого языка dwds.de [Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache].

В. Б. Меркурьева в статье «Мир эмоций российских немцев в художественном и публицистическом дискурсе в контексте ВОСН «Возрождение» отмечает: «Обычно первая реакция на событие – эмоциональная. Эмоции вызываются писателями в художественном и публицистами в публицистическом дискурсе при помощи различных языковых средств... Эмоциональное слово сохраняет свой заряд долгие годы» [Меркурьева, 2020, с. 157].

Анализируемые примеры в нашей статье (из художественного дискурса) подтверждают вышеупомянутый тезис о первой эмоциональной реакции на то или иное событие. Родина является особо значимым понятием для российских немцев как представителей двух стран, культур, традиций, менталитета, языка. В связи с этим, идентификация России или Германии как своей родины, либо идентификация себя гражданином одной из этих двух стран не оставляет российских немцев спокойными и равнодушными. Данный процесс не является легким и нейтральным, а, напротив, представляется волнительным, т. е. затрагивает сферу душевных переживаний и чувств.

Перед тем, как приступить к практической части нашей статьи, мы считаем целесообразным дать дефиниции понятию «номинация» и актуальному для данной работы понятию – «вторичная номинация».

Ахманова О. С. понимает под номинацией «называние как процесс, конкретное соотнесение слова с данным референтом» [Ахманова, 2021].

Вторичная номинация – это использование фонетического облика первообразной языковой единицы для нового обозначаемого, т. е. появление нового значения в данной языковой единице [Вардзелашвили, 2000, с. 64]. Понятие «Heimat» встречается практически во всех сферах жизни российских немцев, а именно, в художественном, публицистическом, научно-популярном, а также мемуарном дискурсах [Меркурьева, 2013, с. 31]. В научно-популярном, мемуарном и публицистическом дискурсах, как замечает В.Б. Меркурьева уже в другой статье, преобладает первичная номинация понятия «Heimat». Случаи вторичной номинации, особенно широко представлены в художественном дискурсе [Меркурьева, 2012, с. 575].

Эрика Нойфельд в своем рассказе «Der fremde Fluss» затрагивает в метафоричной форме проблему интеграции российских немцев, проживающих в Германии. На протяжении всего рассказа наблюдается острая оппозиция концептов «свой-чужой» в восприятии главным героем окружающей действительности. Данное противостояние дается ему нелегко, он возбужден и испытывает много различных эмоций, от разочарования и гнева до восторга. Эмоции героя связаны напрямую с попытками прочувствовать, что такое для него родина, а также с идентификацией того, какие из современных окружающих его реалий соотносятся с концептом «свой», а какие с противопоставляемым ему концептом «чужой».

«Der fremde Fluss» начинается с разговора двух молодых людей (Влада и Тони), проводящих вечер в баре. Влад делится с приятелем своими переживаниями о том, что он не может почувствовать, что такое родина.

Интерпретация лексемы «Heimat» в рассказе Эрики Нойфельд «Der fremde Fluss»

Анализ примера (1)

(1) «Ich kann es buchstabieren», sagt er.

«Was meinst du?»

«Heimat!», sagt er und zupft sich am linken Ohrläppchen. Das tut Wlad immer, wenn ihn innerlich etwas trifft.

Das Gesicht seines Gegenübers bleibt fragend.

Wlad ist genervt. «Kannst du nicht mal nachdenken? Mal mitdenken, verflucht?!»

Wie konnte er nur mit Leuten abhängen, denen er jeden seiner Sätze, seiner Gedanke erklären musste? Zum Teufel mit der Dummheit.

«H E I M A T ist ein Wort, das ich buchstabieren, aber nicht fühlen kann», sagt er langsam, im gereizten Ton [Neufeld, 2014, S.69].

(«Я могу произнести его по буквам», – говорит он.

«Что ты имеешь в виду?»

«Родина!» – говорит он, теребя левую мочку уха. Влад всегда так делает, когда что-то внутри его тревожит.

Лицо его собеседника остается вопрошающим.

Влад раздражен. «Ты не можешь хоть раз подумать? Подумай хоть раз, черт возьми?!»

Как он только мог тусоваться с людьми, которым приходилось объяснять каждое его предложение, каждую его мысль? К черту глупость.

«Р О Д И Н А – это слово, которое я могу произнести по буквам, но не могу почувствовать», – говорит он медленно, раздраженным тоном). (Здесь и далее перевод наш. – М. С.)

В данном примере главный герой, говоря о родине, о том, что он не может ее прочувствовать, встречает непонимание со стороны своего собеседника, не задающегося в отличие от него такими вопросами. Это обстоятельство его нервирует и раздражает, что выражено как вербально, так и невербально. Невербальное выражение эмоций проявляется в «тереблении левой мочки уха» («*zupft sich am linken Ohrläppchen*»). Так, данная деталь является наглядным подтверждением компонента словарной дефиниции – «чувство, часто сопровождаемое какими-нибудь инстинктивными выразительными движениями». Влад нервничает и это отражается в языке его тела, подтверждая то, что эмоции находятся за пределами сознательного и разума.

Вербально эмоциональное отношение к родине выражается в данном примере в использовании эмоционально-окрашенной лексики: «*Wlad ist genervt*» («Влад раздражен»), «*Mal mitdenken, verflucht?!*» («Подумай хоть раз, черт возьми?!»), «*Zum Teufel mit der Dummheit*» («К черту глупость»), «*im gereizten Ton*» («раздраженным тоном»). Так, в данном примере дважды говорится о том, что герой раздражен, в первом случае на это указывает лексема «*genervt*» в предложении «*Wlad ist genervt*», во втором случае – синонимичная ей лексема «*gereizt*» («*im gereizten Ton*»). Данный повтор подчеркивает значимость наличия родины для Влада. Его собеседник, Тони, напротив, не осознает этой важности и значимости, что, соответственно, и раздражает героя рассказа. Он полностью не понят своим приятелем, вследствие чего эмоционально реагирует и нервничает. Подтверждением тому служит употребление Владом восклицательных предложений: «*Heimat!*» («Родина!»), «*Mal mitdenken, verflucht?!*» («Подумай хоть раз, черт возьми?!»)

В анализируемом примере помимо синонимичного ряда «*genervt – gereizt*» встречается еще один – «*verflucht – zum Teufel*» («черт возьми – к черту»), что еще больше усиливает эмоционально-возбужденное состояние героя во время рассуждения о родине. Лексема «*Heimat*» также употреблена здесь дважды, причем в первом случае с восклицательным знаком «*Heimat!*», а во втором полностью прописана строчными буквами «*H E I M A T ist ein Wort, das ich buchstabieren, aber nicht fühlen kann*». Молодой человек говорит о том, что он не может почувствовать свою родину – «*aber nicht fühlen kann*», поэтому при помощи восклицаний, строчных букв, синонимов и повторов он латентно заостряет эту проблему и пытается найти понимание в разговоре со своим собеседником.

Далее по тексту Влад покидает бар, т. к. чувствует себя одиноким и непонятым, и отправляется на прогулку вдоль пристани. Сначала он просто бродит, а далее находит скамейку и садится, пытаясь привести свои мысли в порядок:

Анализ примера (2)

(2) Wenn ihm seine Eltern wenigstens das hätten geben können, was er braucht, um glücklich zu sein. «Eine Heimat!» Wlad seufzt. Er stiert auf das braune Wasser, das immer wieder in schweren Wellen gegen den Kai schlägt. Das Wasser der Donau. Das Wasser des Rheins. Das Wasser der Wolga. Immer dieselbe Verbindung. Immer eine Liaison der Elemente Sauerstoff und Wasserstoff. Eigentlich ist es doch egal, wo ich bin, denkt Wlad. [Neufeld, 2014, S.70].

(Если бы его родители могли бы дать ему то, что ему нужно, чтобы быть счастливым. «Родина!» Влад вздыхает. Он смотрит неподвижным взглядом на коричневую воду, которая продолжает биться о набережную тяжелыми волнами. Вода Дуная. Вода Рейна. Вода Волги. Всегда одна и та же связь. Всегда тесная связь между элементами кислорода и водорода. Вообще-то, все же не важно, где я нахожусь, думает Влад.)

Пример начинается с размышлений автора о том, что если бы родители могли дать в свое время Владу то, что ему нужно, то он был бы счастливым («Wenn ihm seine Eltern wenigstens das hätten geben können, was er braucht, um glücklich zu sein»). Не случайно использование формы Konjunktiv 2 в данном предложении, что выражает желаемое, но не осуществимое действие. Далее Влад снова восклицает: «Eine Heimat!» И тем самым дает ответ на вопрос о том, что ему нужно для того, чтобы быть счастливым, а именно, иметь родину. Влад вздыхает («Wlad seufzt»), что, как и в предыдущем примере, невербально выражает его горестные эмоции, а также переживания Влада по поводу отсутствия у него родины. Далее эта мысль усиливается за счет использования приема парцелляции и ряда повторов (анафоры и лексических повторов).

Поскольку парцелляция является приемом экспрессивного синтаксиса, то с ее помощью автор делает еще больший акцент на эмоциональных переживаниях главного героя («Das Wasser der Donau. Das Wasser des Rheins. Das Wasser der Wolga»). Так, в данном отрывке встречаются 3 дробных предложения, которые, к тому же, начинаются одинаково, а значит, помимо парцелляции представляют собой еще и пример анафоры. Влад смотрит на волны реки, пытается понять и осознать что-то важное для себя. Далее следует еще пример комбинации употребления приема парцелляции с анафорой («Immer dieselbe Verbindung. Immer eine Liaison der Elemente Sauerstoff und Wasserstoff»). Следует обратить внимание на то, что автор снова употребляет синонимичный повтор, выбирая в первом случае лексему «Verbindung» («связь»), а во втором еще более конкретизирующую ее французскую лексему «Liaison» («тесная связь»).

Именно в этом примере автор начинает вводить метафору (лексемы «Donau» и «Wolga» в отношении России и Германии), прослеживающуюся

вплоть до конца произведения. Упомянув воды Дуная, Рейна и Волги, Влад думает не только о реках, но и о странах, в которых эти реки протекают. Так, выражая свое отношение к рекам, находящимся в Германии и России, автор выражает свое отношение непосредственно к самим этим странам.

Лексемы «Donau» и «Wolga», употребляемые далее по тексту, являются ярким экспрессивным примером вторичной номинации понятия «Heimat» в художественном дискурсе российских немцев. Обратимся к примеру (3) и посмотрим, как нарастает эмоциональное напряжение главного героя:

Анализ примера (3)

(3) «Du klingst anders, Donau!», sagt Wlad. «Ganz anders!» Und schon hat er wieder einen Kloß im Hals [Neufeld, 2014, S. 71].

(«Ты звучишь по-другому, Дунай», – говорит Влад. «Совсем по-другому!» И у него снова появляется ком в горле.)

Влад обращается к Дунаю, разговаривает с ним, тем самым наделяет его свойствами живого организма, что еще более усиливает его эмоциональное возбуждение. Достигается этот эффект за счет использования приема олицетворения («Du klingst anders, Donau!», sagt Wlad. «Ganz anders!»). В этом предложении мы так же, как и в предыдущих наблюдаем использование приема парцелляции и использование восклицательных предложений (оба предложения являются восклицательными). Повтор лексемы «anders» также не является случайным. Влад не чувствует единения с Дунаем, поэтому употребляя дважды эту лексему он подчеркивает тот факт, что Дунай является для него чужим, а значит, находясь, в Германии он не чувствует себя, как дома.

Эмоции героя отражены также в данном примере не только с помощью языковых средств выразительности, но и с помощью невербальных средств, а именно, кома в горле, подкатывающего во время обращения Влада к Дунаю («hat er wieder einen Kloß im Hals»).

В последующих примерах мы наблюдаем еще большее усиление эмоций главного героя, с каждым предложением буря нарастает, чувства и эмоции закипают, что позволяет говорить об использовании автором приема градации. Обратимся к примеру (4) и посмотрим, как и с помощью каких средств Влад далее выражает свои чувства и эмоции:

Анализ примера (4)

(4) Enttäuscht verzieht Wlad das Gesicht. «Du klingst anders! Du bist anders! Du bist mir fremd, du verdammter Fluss!» Wütend wirft er einen Stein nach dem anderen ins Wasser. Als wolle er die Donau verprügeln. Verprügeln dafür, dass sie eine andere ist. Dafür, dass sie anders riecht, anders klingt, sich anders bettet [Neufeld, 2014, S. 71].

(От разочарования лицо Влада меняется. «Ты звучишь по-другому! Ты другая! Ты чужая, ты, чертова река!» В ярости он бросает камни в воду один за другим. Как будто, он хочет поколотить Дунай. Поколотить за то, что он другой. За то, что он пахнет по-другому, звучит по-другому, расстилается по-другому).

В представленном отрывке вновь наблюдается как невербальное, так и вербальное выражение эмоций и чувств у главного героя. Невербальными признаками проявления злости Влада служит изменение его лица от разочарования «*enttäuscht verzieht Wlad das Gesicht*», помимо этого, он бросает один за другим камни в реку, причем не просто бросает, а бросает в ярости («*wütend wirft er einen Stein nach dem anderen...*»). Так, в данном примере также присутствует эмоционально-окрашенная лексика (с негативной коннотацией): *enttäuscht* (разочарованно), *wütend* (в ярости), *verdammter Fluss* (чертова река).

Главный герой продолжает употреблять в своей речи восклицательные предложения, параллельно используя приемы анафоры и олицетворения («*Du klingst anders! Du bist anders! Du bist mir fremd, du verdammter Fluss!*»). Он говорит Дунаю, что тот для него чужой («*du bist mir fremd*»). Таким образом, метафора «чужая река» выражает противостояние «свой – чужой» в мыслях главного героя. Он не находит себе места в Германии (хотя в рассказе не упоминаются названия стран, но мы понимаем, о какой из стран идет речь, благодаря отсылке к географическим реалиям), не находит единомышленников (о чем свидетельствует разговор с приятелем в баре), не чувствует себя на своем месте. Таким образом, «чужая река» является символом чужой обстановки в целом.

При описании автором отношения главного героя к реке в данном отрывке в очередной раз употребляются повторы не только на грамматическом уровне, но и на лексическом. Рассказчиком дважды употреблена лексема «*vergrügeln*» («поколотить»), лексема «*andere/ anders*» (другой, по-другому) употреблена 6 раз, что акцентирует неприятие Владом той местности, в которой он находится.

Подобно реке и бурлящим волнам, закипают его эмоции и чувства, гнев и злость достигают своего апогея, высшей точки градации:

Анализ примера (5):

(5) *Er sieht nicht, wie schön, kraftvoll und stark sie ist. «Ein Nichts bist du im Vergleich zur Wolga!», schreit Wlad. Schluchzend geht er in die Knie. Gräbt seine Hände in die Kiesel. Feucht und kalt sind sie, klein und glatt – ganz fremd fühlen sie sich an. Ganz fremd. So fremd, wie die Donau klingt [Neufeld, 2014, S. 71].*

(Он не видит, какая она красивая, мощная и сильная. «Ты ничто по сравнению с Волгой!», – кричит Влад. Рыдая, он опускается на колени. Копают руками в гальке. Они – мокрые и холодные, маленькие и гладкие – по ощущениям они совсем чужие. Совсем чужие. Такие же чужие, как звуки Дуная.)

Градация в данном примере реализуется, как на языковом уровне, так и в языке тела главного героя. Влад, рыдая, опускается на колени («*Schluchzend geht er in die Knie*»), копает руками в гальке («*Gräbt seine Hände in die Kiesel*»), что является невербальным выражением кульминационной точки эмоционального напряжения главного героя.

На языковом уровне это выражается, как и в предыдущих примерах, в употреблении главным героем восклицания: «Ein Nichts bist du im Vergleich zur Wolga!» («Ты ничто по сравнению с Волгой!»). В данном предложении, используя прием метафорического сравнения, автор противопоставляет Волгу Дунаю, и тем самым иносказательно противопоставляет Россию Германии. Это противопоставление усиливается еще больше за счет трехкратного употребления главным героем лексемы «fremd» («чужой»): ganz fremd fühlen sie sich an (по ощущениям они совсем чужие), ganz fremd (совсем чужие), so fremd, wie die Donau klingt (такие же чужие, как звуки Дуная). Следует отметить, что лексема «fremd» употребляется здесь не обособленно, а вместе с усилительными частицами «ganz» и «so».

Так, в представленном примере эмоции главного героя достигают своей высшей точки, он более не в силах сдерживать их и контролировать себя, он кричит, падает на колени, плачет. Подобно водам и волнам, бурлящим и выходящим из берегов, вырываются наружу все чувства и переживания Влада. Через слезы наступает очищение от накопившейся бури злости, ярости, недовольства и неприятия сложившихся условий. Далее герой начинает успокаиваться, его гнев отступает:

Анализ примера (6)

(6) Tränen fließen über Wlads Wangen. Er setzt sich hin, winkelt seine Beine an, schaut auf die Wellen und lauscht dem Rauschen des Wassers. Das Wasser plätschert, Wellen schlagen gegen den Kai. Munter zieht die Donau von Ost nach West, dreht und wendet sich in ihrem Bett. Ohne nach einem Ziel zu fragen, nach Heimat, nach Zeit. So wie der Zeiger der Uhr. Er dreht seine Kreise auf dem Ziffernblatt. Fragt nicht, wie oft noch, wie lange, wann komme ich an, wo komme ich her [Neufeld, 2014, S. 71].

(Слезы бегут по щекам Влада. Он садится, стгибает в коленях ноги, смотрит на волны и слушает шум воды. Вода журчит, волны бьются о набережную. Дунай бодро движется с востока на запад, крутятся и поворачиваясь в своем русле. Не спрашивая о цели, о родине, о времени. Прямо как стрелка часов. Он вращает круги на циферблате. Не спрашивает, сколько еще, как долго, когда я доберусь, откуда я).

Влад плачет, и как уже было упомянуто выше, он успокаивается. Он больше не делает резких движений, он садится, смотрит на волны и слушает шум Дуная («Er setzt sich hin, winkelt seine Beine an, schaut auf die Wellen und lauscht dem Rauschen des Wassers»). Далее автор описывает «поведение» Дуная, которое оказывает умиротворяющее воздействие на главного героя. Его воды журчат, а волны бьются о набережную («Das Wasser plätschert, Wellen schlagen gegen den Kai»). Автор сравнивает движения Дуная с движением стрелки часов («So wie der Zeiger der Uhr. Er dreht seine Kreise auf dem Ziffernblatt»). Как известно, часовой механизм представляет собой монотонно-повторяющиеся действия, а значит, обладает успокаивающим и даже убаюкивающим эффектом. Подобно часам, успокаивающее воздействие на главного героя оказывает шум волн Дуная. Он перестает терзаться мыслями о том, где его родина, где он чувствует себя своим, а где чужим.

Все вокруг теряет значимость, есть только настоящий момент. Для того чтобы подчеркнуть эту мысль, автор употребляет отрицательную частицу «nicht» и предлог со значением отрицания «ohne nach» («Ohne nach einem Ziel zu fragen, nach Heimat, nach Zeit», «Fragt nicht, wie oft noch, wie lange, wann komme ich an, wo komme ich her»). Таким образом, все волнующие глобальные вопросы уходят на второй план, остается только настоящее, только «здесь и сейчас».

Далее после «очищения» и успокоения к главному герою возвращается способность трезво мыслить и рассуждать, приходит понимание и принятие ситуации:

Анализ примера (7)

(7) Wlad versteht. Auf manche Fragen gibt es keine Antworten. Er weiß zwar, wo er geboren wurde, wo er groß wurde, wo er das Leben lebte und wo er eines Tages sterben könnte. Wo seine Heimat ist, kann er nicht sagen. Ein Stück ist an der Wolga, ein Stück hier – das größte aber in seinem Herzen [Neufeld, 2014, S. 72].

(Влад понимает. На некоторые вопросы не существует ответов. И хотя он знает, где он родился, где вырос, где прожил свою жизнь и где однажды мог бы умереть. Он не может сказать, где его родина. Часть ее находится на Волге, часть – здесь, однако, самая большая – в его сердце.)

Влад успокаивается. Предложения в данном текстовом фрагменте становятся повествовательными, больше нет восклицаний. Он больше не чувствует себя чужим. И хотя, по словам автора, он не может сказать, где его родина («Wo seine Heimat ist, kann er nicht sagen»), он уже не чувствует себя лишенным родины, а чувствует себя принадлежащим параллельно нескольким местам и странам. «Ein Stück ist an der Wolga» – указывает на то, что часть родины главного героя находится на Волге, а значит, в России; другая ее часть находится «здесь», в Германии: «ein Stück hier». Таким образом, Влад относится к категории российских немцев, считающих одновременно и Россию, и Германию своей родиной.

В заключение, Влад окончательно успокаивается, собирается с мыслями и приходит в себя. Он снова обращается к Дунаю, однако, на этот раз без бури гнева, ярости и злости, а в стабильном, спокойном состоянии:

Анализ примера (8)

(8) «Du singst meinen Ton, Donau!», sagt Wlad. Er lächelt, kniet sich an das Flussufer. Er schöpft Wasser in seine Hand und wäscht sich die Tränen fort. Tränen, die er weinte, als er allein zu sein meinte. Tränen, die er weinte, als er begriff, dass doch nichts ist, wie es zu sein scheint. Und seine Tränen verbinden sich mit den Elementen des Flusses, der einst fremd scheint und ihm doch näher ist, als er je zu hoffen glaubte [Neufeld, 2014, S. 72 – 73].

(«Ты поешь мои ноты, Дунай!» – говорит Влад. Он улыбается, встает на колени на берегу реки. Он зачерпывает воду в руку и смывает слезы. Слезы, которые он выплакал, когда думал, что он один. Слезы, которые он выплакал, когда понял, что все не так, как кажется. И его слезы соединяются

с элементами реки, которая когда-то казалась ему чужой, но все же, оказалась, ближе к нему, чем он когда-либо мог надеяться.)

Итак, главный герой в очередной раз прибегает к приему олицетворения, обращаясь к реке: «Du singst meinen Ton, Donau!» («Ты поешь мои ноты, Дунай!»). Он больше не противопоставляет себя Дунаю, а напротив, чувствует единение и близость с ним, поэтому смывает свои слезы его водой («Er schöpft Wasser in seine Hand und wäscht sich die Tränen fort»). Его слезы соединяются с водами реки («Und seine Tränen verbinden sich mit den Elementen des Flusses»), что указывает на то, что они становятся единым целым, Влад больше не считает Дунай чужим, а значит и не считает Германию чужой. Теперь он становится ее полноценной частью и, как отмечает автор, он оказался ближе к Дунаю (следовательно, и к Германии), чем он мог когда-либо надеяться. На смену негативным эмоциям окончательно приходят положительные, такие как радость и умиротворение.

Выводы

1) Понятие «Heimat» является особо значимым и ценным для российских немцев при их идентификации себя представителями российской и/или немецкой лингвокультуры. Рассуждая и размышляя о родине, российские немцы не могут оставаться спокойными и равнодушными. Мысли о родине тесно сопряжены с переживанием широкого спектра эмоций (гнев, ярость, отчаяние, грусть, тоска, умиротворение, радость). Эмоции, испытываемые российскими немцами в процессе размышлений о родине, способны меняться. Так, на смену гневу, ярости и злости приходят умиротворение и радость.

Наличие родины и признание страны настоящего проживания своей родиной позволяет российским немцам отнести себя к категории «своих», в свою очередь отсутствие родины или неприятие места своего пребывания означает включение того или иного представителя российских немцев к рангу «чужих».

2) Эмоции в номинациях понятия «Heimat» в художественном дискурсе российских немцев проявляются как на вербальном, так и на невербальном уровнях. Невербальное выражение эмоций находит свое отражение в языке тела («Tränen fließen über Wlads Wangen»; «Er zupft sich am linken Ohrläppchen»; «Er hat wieder einen Kloß im Hals»; «Wütend wirft er einen Stein»; «Schluchzend geht er in die Knie»).

3) Вербально эмоции выражаются на лексическом (лексические повторы, эмоционально окрашенная лексика), грамматическом (использование форм конъюнктива, обилие восклицательных предложений, частые парцелляции и разного рода грамматические повторы) и стилистическом уровнях (использование эпитетов, метафор, анафор, эпифор, приемов олицетворения, сравнения, градации).

Библиографический список

- Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. URL: <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/h.htm>. – 2021. (дата обращения: 11.02.2021).
- Багана, Ж.* Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм / Багана Ж., Хапилина Е. В. М.: Флинта, Наука, 2010. 66 с.
- Вардзелашвили, Ж. А.* К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях // Славистика в Грузии: сб. науч. ст. Тбилиси. 2000. № 1. С. 62-68.
- Дейк, Т. А. ван.* К определению дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 26.02.2021).
- Меркурьева, В. Б.* Номинация понятия «Heimat» российскими немцами // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. М.: МСНК-пресс, 2012. С. 563-575.
- Меркурьева, В. Б.* Bezeichnungsmöglichkeiten des Begriffes «HEIMAT» von Russlanddeutschen // «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2013. №1 (03). С. 24-33.
- Меркурьева, В. Б.* Компоненты невербальной коммуникации в художественном дискурсе российских немецких писателей / В. Б. Меркурьева, В. А. Антипова // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». 2019. № 1 (20). С. 1-17.
- Меркурьева, В. Б.* Мир эмоций российских немцев в художественном и публицистическом дискурсе в контексте ВОСН «Возрождение» // Ежегодник МАИИКРН Научный журнал. 2020. № 2 (8). С. 157-168.
- Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2008-2017. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36268>, (дата обращения: 24.12.2020).
- Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2005—2021. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/%D1%8D%D0%BC%D0%BE%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 24.12.2020).
- Dejk T. A. van.* Cognitive processing of literary discourse [Electronic resource] URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Cognitive%20processing%20of%20literary%20discourse.pdf> (дата обращения: 26.02.2021)
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Quelle].* URL: <https://www.dwds.de/wb/Emotion> (дата обращения: 24.12.2020).
- DUDEN Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Quelle].* URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Emotion> (дата обращения: 24.12.2020).
- Földes C.* Kontaktdeutsch. Zur Theorie eines Varietätentyps unter transkulturellen Bedingungen von Mehrsprachigkeit. – Tübingen: Gunter Narr Verlag Tübingen, 2005. 399 S.
- Neufeld E.* Der fremde Fluss // Fremde Heimat Deutschland? Literaturblätter der Deutschen aus Russland. Almanach 2014. Hrsg. von Artur Böpplé und dem Literaturkreis der Deutschen aus Russland e.V. S. 69 – 73.
- Seibel E.* Der abtrünnige Russlanddeutsche und seine ... Verbündeten // Fremde Heimat Deutschland? Literaturblätter der Deutschen aus Russland. Almanach 2014. Hrsg. von Artur Böpplé und dem Literaturkreis der Deutschen aus Russland e.V. S. 271-286.

References

- Akhmanova O. S.* Dictionary of linguistic terms [Electronic resource]. URL: <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/h.htm> (access date: 11.02.2021). (in Russian)
- Baghana J.* Cognitive linguistics. Languages interaction and bilingualism / Baghana J., Khapilina E. V. M.: Flinta, Nauka, 2010. 66 p. (in Russian)
- Dejk T. A. van.* Cognitive processing of literary discourse [Electronic resource] URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Cognitive%20processing%20of%20literary%20discourse.pdf> (дата обращения: 26.02.2021) (in English)

- Dejk T. A. To the definition of discourse [Electronic resource]. URL: <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (access date: 26.02.2021). (in Russian)
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Quelle]. URL: <https://www.dwds.de/wb/Emotion> (access date: 24.12.2020). (in German)
- DUDEN Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Quelle]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Emotion> (access date: 24.12.2020). (in German)
- Földes C.* Kontaktdeutsch. Zur Theorie eines Varietätentyps unter transkulturellen Bedingungen von Mehrsprachigkeit. – Tübingen: Gunter Narr Verlag Tübingen, 2005. 399 S. (in German)
- Merkuryeva V. B.* Nomination of the concept of «Heimat» by Russian Germans // Two and a half centuries with Russia (on the 250th anniversary of the beginning of the mass resettlement of Germans to Russia). Moscow: MSNK-press Publ., 2012, P. 563-575. (in Russian).
- Merkuryeva V. B.* Bezeichnungsmöglichkeiten des Begriffes «HEIMAT» von Russlanddeutschen // «Magister Dixit» – academic journal of Eastern Siberia. 2013. №1 (03). P. 24-33. (in German)
- Merkuryeva V. B., Antipova V. A.* Components of non-verbal communication in the artistic discourse of Russian German writers // International information and analytical journal «Crede Experto: transport, society, education, language». 2019. № 1 (20). P. 1-17. (in Russian)
- Merkuryeva V. B.* The world of emotions of Russian Germans in artistic and publicistic discourse in the context of VOSN «Revival» // MAIKRN Annual. 2020. No. 8 (2). P. 157-169. (in Russian)
- Neufeld E.* Der fremde Fluss // Fremde Heimat Deutschland? Literaturblätter der Deutschen aus Russland. Almanach 2014. Hrsg. von Artur Böpple und dem Literaturkreis der Deutschen aus Russland e.V. S. 69-73. (in German)
- Ozhegov S. I.* Definition dictionary of Russian language [Electronic resource]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36268>, (access date: 24.12.2020). (in Russian)
- Seibel E.* Der abtrünnige Russlanddeutsche und seine ... Verbündeten // Fremde Heimat Deutschland? Literaturblätter der Deutschen aus Russland. Almanach 2014. Hrsg. von Artur Böpple und dem Literaturkreis der Deutschen aus Russland e.V. S. 271 – 286. (in German)
- Sharifian F.* Cultural linguistics. Cultural conceptualizations and language. – Pennsylvania State University / Monash University. John Benjamins B.V., 2017. 171 p. (in German)
- Ushakov D. N.* Definition dictionary of Russian language [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/%D1%8D%D0%BC%D0%BE%D1%86%D0%B8%D1%8F> (access date: 24.12.2020). (in Russian)
- Vardzelashvili J. A.* On the interpretation of the term of «Nomination» in linguistic studies // Slavistics in Georgia: collection of scientific articles. Tbilisi, 2000. № 1. P. 62-68. (in Russian)

УДК 811.133.1

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_97

**ФРАНСИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ И ФРАНСИЙСКИЕ СКРИПТЫ:
КОНТУРЫ ФРАНСИЙСКОЙ СКРИПТУРАЛЬНОЙ ЗОНЫ***

*Лидия Анатольевна Становая,
доктор филологических наук, профессор
заведующая кафедрой романской филологии
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена,
наб. реки Мойки, д.48
Санкт-Петербург, 191186, Россия
lida_stan@mail.ru*

Аннотация. Франсийская скриптуральная зона включает скрипты Парижа, Орлеанэ, Суассона, Санлиса и Компьени. Бургундские скрипты являются самостоятельными скриптами. Статус скрипт Берри и Турени требует отдельного исследования. Франсийская средневековая скриптуральная зона соответствует в общих чертах, но не полностью, франсийской современной диалектной зоне. Территория франсийской зоны – ни скриптуральной, ни диалектной – не соответствует территории современного региона Иль-де-Франс.

Ключевые слова: история французского языка, историческая диалектология, скриптология, диалект, скрипта.

*Статья написана в рамках исследования при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект №19-012-00297 «Французские скрипты (региональные письменные традиции) IX-XIV вв.: имя и глагол», выполняемый в Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена. Руководитель проекта – Л. А. Становая.

**LE DIALECTE ET LES SCRIPTA FRANCIENS:
CONTOURS DE LA ZONE SCRIPTURALE FRANCIENNE***

*Lydia A. Stanovaïa
Docteur d'Etat ès Lettres, Professeur
Professeur, Directeur du Département de Philologie Romane
Université d'Etat Pédagogique de Russie Herzen
48, quai Moïka
St-Pétersbourg, 191186, Russie
lida_stan@mail.ru*

Résumé. La zone scripturale francienne comprend les scripta de Paris, de l'Orléanais, de Soissons, de Senlis et de Compiègne. Les scripta de la Bourgogne constituent des scripta particulières. Le statut de scripta du Berry et de la Tourraine demande une étude spécialisée. La zone francienne scripturale, médiévale, correspond en grandes lignes, mais pas totalement, à celle dialectale, actuelle. Le territoire de la zone francienne ni scripturale, ni dialectale ne correspond pas à celui de la région actuelle de l'Île-de-France.

Mots-clés: histoire de la langue française, dialectologie historique, scriptologie, dialecte, scripta.

* Cet article est préparé dans le cadre du projet scientifique № 19-012-00297 soutenu par le Fonds Russe de Recherches Fondamentales

FRANCIEN DIALECT AND SCRIPTA: CONTOURS OF THE FRANCIEN SCRIPTURAL ZONE

Lydia A. Stanovaïa
Doctor of Philology, professor
Head of the department of Romance philology
Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moïka embankment
St-Pétersbourg, 191186, Russie
lida_stan@mail.ru

Abstract. The francien scriptural zone includes the scripta of Paris, Orléanais, Soissons, Senlis and Compiègne. The scripta of Burgundy constitute particular scripta. The status of scripta of Berry and Turraine requires a specialized study. The francien scriptural zone, medieval, corresponds in broad lines, but not totally, to the dialectal zone, current. The territory of the francien scriptural and dialectal zones does not correspond to that of the current Region of Île-de-France.

Keywords: history of the French language, historical dialectology, scriptology, dialect, scripta.

A mes parents

1. Introduction

Bien que la variation régionale, ou diatopique de l'ancien français intéresse des linguistes depuis le XIXe siècle, tout y est sujet de discussion incessable jusqu'à nos jours. La plus violente discussion, semble-t-il, porte sur le francien - terme bien connu, adopté par plusieurs chercheurs et critiqué par d'autres, surtout ces dernières décennies.

1.1. Histoire du terme 'francien'

L'histoire traditionnelle dès sa naissance comme science, s'est formée comme l'histoire des dialectes français. La variation régionale de la langue française, aussi bien que d'autres langues, a été conçue comme «une loi générale de langage» [Brunot, 1966, p. 296]. Pour compléter et affiner le 'paysage dialectal', on a introduit, à la fin du XIXe siècle, le terme 'francien'.

Il est généralement admis [Bergounioux, 1989, p. 23; Lodge, 2002, p. 150; Glessgen, 2017, p. 314; et al.) que le terme 'francien' a été créé par G. Paris en 1888 (ou en 1889), lors sa conférence «Les parlers de France» [Paris, 1888], fait indiqué dans la «Chronique» de la revue *Romania* (1888, p. 475).

En réalité, G. Paris, lui-même, dans ses ouvrages, y compris la conférence susmentionnée (lecture), employait normalement le terme 'français', parfois 'dialecte central', afin de désigner le dialecte parlé en Île-de-France et dans les provinces voisines (la Champagne, la Brie, l'Orléanais, le Perche, le Bas-Maine),

lequel, à partir du XIIe siècle, serait prédominant sur les autres parlers pour devenir ensuite la langue française [Paris, 1909, p. 156]. Précisons que G. Paris a distingué cinq groupes dialectaux (est, nord-est, nord-ouest, sud-est, centre-nord) et cinq dialectes correspondants (bourguignon, picard, normand, poitevin, français, ou central).

G. Paris [1909, p. 177ss] a employé pour la première fois le terme 'francien' en 1897, dans le compte rendu volumineux de l'ouvrage de F. Brunot *Histoire de la langue française*, publié en 1896. Ayant remarqué que pour des philologues, le mot «français» signifie «tantôt le groupe de ces parlers qui occupe le nord de la France», «tantôt le parler spécial de l'Île-de-France, qui est devenu la langue littéraire et même usuelle de la France entière», G. Paris a utilisé le mot «'francien', qu'on commence à dire pour éviter l'équivoque» entre «l'histoire de la langue française» en tant que «l'histoire du groupe des parlers de la France septentrionale» et «l'histoire du français propre, du 'francien'», afin de formuler ses reproches à F. Brunot qui s'est borné juste à «l'histoire du francien».

Il s'ensuit que G. Paris a seulement repris le terme 'francien' déjà existant. Ensuite, dans un de ses ouvrages ultérieurs, il a remarqué que ce «néologisme <...> exprime plus exactement le caractère de ce qui appartient en propre à l'Île-de-France» [Paris, 1909, p. 377].

Apparemment, c'est à P. Monnet qui a traduit de l'allemand en français le texte de H. Suchier, publié en 1891 sous le titre *Le français et le provençal*, qu'on doit l'apparition du terme 'francien'. Le mot «Francien» est employé dans la version allemande dans l'expression «die Mundart der Herzogtums Francien», ensuite ce dialecte est appelé «francische Mundart» [Suchier, 1906, p. 17]. P. Monnet a traduit la première expression comme «le dialecte du duché de France» et la deuxième – comme «le dialecte francien» [Suchier, 1891, p. 23-24].

Quoi qu'il en soit, l'introduction du nouveau terme a été nécessaire, comme on le voit, pour distinguer des notions différentes, c'est-à-dire, le 'français' comme la langue française vs le 'francien' comme un des dialectes de la langue française, car, historiquement, ces deux concepts ont été désignés par le terme unique *français* < *francois* < *franceis*.

D'autre part, il était nécessaire de coordonner les termes employés dans les recherches de la dialectologie historique et de l'histoire de la langue française, où le dialecte de l'Île-de-France était désigné différemment par différents auteurs: le français, le français central, le français du centre, le dialecte (parler, patois) de l'Île-de-France, le dialecte (parler, patois) de Paris, le français de Paris, le français parisien, etc.

Cette confusion de concepts et de termes qui les recouvrent, est conditionnée par les faits historiques bien connus: à l'origine, l'Île-de-France est appelée tout simplement 'France' (Gallia, Francia), mais, à mesure de l'extension du pouvoir royal, surtout au cours des XIIe-XIIIe siècles, le territoire de la France en tant que royaume s'est élargi. La nécessité de distinguer l'une des régions historiques et géographiques de la France de toute la France comme royaume a conduit à l'émergence de la nouvelle dénomination, celle de l'Île-de-France, qui apparaît dans les textes français à partir du XVe siècle. La dénomination «l'Île-de-France» est

due, selon A. Lognon [1875, p. 1], à l'image d'une «presqu'île formée par la Marne, la Seine, l'Oise, la Thève et la Beuvronne», ou selon L. G. Védénina [2008], par la Marne, l'Epte, l'Aisne, l'Yonne, l'Eure.

Étant donné que le territoire de la région actuelle de l'Île-de-France comprend huit départements (Paris, Essonne, Hauts-de-Seine, Seine-et-Marne, Seine-Saint-Denis, Val-d'Oise, Yvelines, Val-de-Marne), occupe plus de 12.000 kilomètres carrés et constitue la région la plus peuplée de la France, l'introduction d'un terme spécial pour désigner le dialecte parlé par les habitants de cette région au Moyen Âge, semble tout à fait logique et justifiée.

1.2. Critiques du francien

Des linguistes éminents des XIXe-XXe siècles (F. Diez, G. Paris, P. Meyer, F. Brunot, Ch. Bruneau, W. Meyer-Lübke, J. Bédier, E. Bourcier, W. von Wartburg, et al.) considéraient le francien comme base dialectale du français moderne. Ils liaient la formation du français commun à la création du royaume uni et au rôle croissant du pouvoir royal aux XIIe-XIVe siècles.

L'introduction par L. Rémacle [1948] de la nouvelle notion de 'scripta' a contribué à réviser plusieurs idées et méthodes de recherches diachroniques, ce qui, en définitive, a conditionné l'émergence de la 'nouvelle' histoire de la langue française. La critique de l'histoire traditionnelle a été toujours accompagnée par celle de la conception répandue de la formation de la langue française à la base du francien, ce qui, par suite, a abouti à l'opinion, selon laquelle le dialecte francien n'a jamais existé.

Bien que des chercheurs expliquent différemment leur refus de distinguer le dialecte francien, tous leurs arguments visent, en premier lieu, à contester le rôle du francien dans l'histoire du français.

Par exemple, J. Chaurand [1969, p. 31-32] a déclaré que l'emploi du terme 'francien' présuppose que le français est «le résultat de l'expansion d'un dialecte particulier», ce qui est faux. Le francien n'a jamais existé comme dialecte, car il ne provient «ni du parler paysan, ni de ceux qui étaient en usage dans les milieux incultes». Tôt devenu le parler de Paris, il servait «aux échanges entre gens cultivés du domaine d'oïl» et s'élaborait sous l'influence d'«emprunts de provenances diverses». Ce que des linguistes ont déterminé comme le dialecte francien, est en réalité le résultat de la formation précoce du français standard à la base de plusieurs dialectes d'oïl. En plus, il n'existe aucun texte écrit avant le XIIIe siècle qui puisse donner des renseignements sur les traits particuliers de ce dialecte francien - «variété hybride et peu distincte, dont nous ne savons rien de sûr avant le XIIIe siècle» [Chaurand, 1983, p. 91].

Cependant, il serait impossible de saisir le lien établi entre la distinction d'un dialecte (patois, parler) et son rôle dans l'élaboration de la langue standard, ni de comprendre la façon de distinguer les traits particuliers du francien des IXe-XIIe siècles en absence de textes franciens écrits avant le XIIIe siècle, afin de déclarer sa différence par rapport au parisien rudimentaire et au français standard de formation précoce. D'autre part, il serait étrange de croire que, contrairement à d'autres régions de la France médiévale où l'on parlait picard, normand, lorrain, etc., les

originaires de l'Île-de-France soient privés de moyen de communication, orale bien sûr.

Quoi qu'il en soit, les arguments susmentionnés, aussi bien que leur contradiction interne, seraient répétés dans différents ouvrages ultérieurs sous formulations variées [Delbouille, 1970; Cerquiglini, 1993; Bergounioux, 1989; Trotter, 2006; et al.]. Par suite, K. Grübl a conclu catégoriquement: «Il est établi <...> que le 'francien', supposé comme base dialectale de la langue nationale par les philologues de la fin du 19e siècle, n'a jamais existé en tant que variété autochtone, ni en Île-de-France ni ailleurs» [Grübl, 2013, p. 345].

1.3. *Etudes du dialecte et des scripta de l'Île-de-France*

Il faudrait constater, avec un grand regret, l'absence presque totale d'études approfondies du dialecte et des scripta de l'Île-de-France, malgré l'importance évidente des problèmes en question. Il n'existe pas de description systématisée du francien ni en tant que dialecte, ni en tant que scripta, bien que son rôle dans l'histoire du français reste toujours, explicitement ou implicitement, examiné et débattu.

Dans le cadre de la dialectologie historique, il n'y a qu'une seule thèse, celle d'E. Metzke *Der Dialekt von Ile de France im XIII und XIV Jahrhundert* [1880], qui comporte deux parties: la première (Lautlehre) présente l'examen de la notation graphique de voyelles et de consonnes françaises, accompagné de l'analyse des rimes de poètes des XIIIe-XVe siècles (Rutebeuf, E. Deschamps, Chr. de Pisan, Fr. Villon, et al.); la deuxième partie (Flexionslehre) décrit la morphologie verbale, nominale et pronominale. Le volume total de la thèse est de 68 pages.

Dans le cadre de la scriptologie, il n'y a qu'une seule thèse, celle de M.S. Vorobéï (en russe) *Les particularités de scripta françaises centrales* [2015], qui comporte l'examen de particularités grapho-phonétiques de chartes du XIIIe siècle, exécutées à Paris, Orléan, Soissons et Senlis.

Au cours des dernières décennies, on voit apparaître des ouvrages consacrés à l'étude de chartes parisiennes et des auteurs parisiens Rutebeuf et Geoffroy de Paris [de Jong, 2006; Grübl, 2013; Videsott, 2013; Glessgen, 2017]. On peut trouver des descriptions du dialecte et des scripta franciens dans certaines études consacrées à l'histoire de la langue française et aux scripta françaises.

Prenant en considération une quantité aussi restreinte d'études du dialecte et des scripta franciens, la raison de discussions violentes 'autour du francien' devient tout à fait claire. D'autre part, il devient clair pourquoi des linguistes ont caractérisé le francien comme une «variété hybride et peu distincte», «chimère», «ectoplasme» [cf.: Stanovaïa, 2019]. Cependant, cette opinion ne paraîtrait nullement fondée, si l'on examinait, avec plus d'attention et sans aucun préjugé, les données des recherches différentes.

2. **Acquis théoriques et méthodologiques**

2.1. *Distinction du dialecte francien*

La variation régionale de la langue française, aussi bien que d'autres langues, est conçue comme «une loi générale de langage». Les originaires de

chaque région, y compris l'Île-de-France, avaient leurs dialectes particuliers. De même qu'en Picardie (Wallonie, Normandie, Lorraine, etc.), on parlait picard (wallon, normand, lorrain, etc.), en Île-de-France, on parlait 'francien'. De ce point de vue, la distinction du dialecte francien, aussi bien que l'emploi du terme 'francien' (ou 'françois', ou 'francilien', ou un autre terme aussi artificiel), sont absolument nécessaires pour une analyse objective et une description adéquate de la variation diatopique de l'ancien français et de la situation linguistique en France médiévale.

2.2. *Distinction francien vs parisien*

Dans l'histoire traditionnelle de la langue française, les termes 'francien' et 'parisien' sont constamment confondus lorsqu'il s'agit du processus de formation de la langue française. Dans l'histoire 'nouvelle' de la langue française, par suite des critiques acharnées, le terme 'francien' a été remplacé par d'autres termes, notamment par celui de 'parisien'.

Cependant, il faudrait distinguer le 'francien' et le 'parisien' pour les raisons suivantes: (1) le terme 'parisien' désigne un concept plus étroit que le 'francien', étant limité par Paris et ses banlieues; (2) le terme 'parisien' *a priori* est lié à Paris, à sa situation linguistique particulière en tant qu'une grande ville, centre «permanent», «naturel», «lieu de rencontre quasi obligé» de la France [Gossen, 1957; Picoche, Marchello-Nizia, 1996; Lodge, 1997; et al.], ce qui n'est pas applicable à d'autres endroits de l'Île-de-France, sans parler de la 'France' médiévale en entier; (3) la différence entre le 'francien' en tant que parler de l'Île-de-France vs le 'parisien' en tant que parler de Paris existe même actuellement, ce qui est confirmé par les données de M.-R. Simoni-Aurembou, créatrice de l'*Atlas linguistique et ethnographique de l'Île-de-France et de l'Orléanais* [Simoni-Aurembou, 1973-1978], qui a remarqué à cet égard: «Il est certain que l'importance de Paris est immense, mais il ne faut pas se laisser aveugler. Certes, il est tard, et de même que Paris aura bientôt englouti le dernier maraîcher de Colombes, le dernier paysan de Roissy-en-France, de même pourra-t-on bientôt croire que le français de Paris a toujours été parlé à Pontoise et à Montlhéry. Nous ne désespérons cependant pas de faire apparaître, avec beaucoup de patience, le vrai visage d'un langage qui, s'il est proche de Paris, n'en est pas pour autant parisien» [Simoni-Aurembou, 1973, p. 136].

2.3. *Distinction texte d'oeuvre vs texte manuscrit*

Compte tenu de la distance importante, chronologique et linguistique, entre une œuvre littéraire, administrative, ou autre, et sa fixation écrite sous forme d'un manuscrit conservé, il faudrait distinguer le 'texte d'une œuvre' (le contenu d'une œuvre médiévale, son original présumé, composé par un ou plusieurs auteurs, connus ou anonymes) et le 'texte manuscrit' (le contenant d'une œuvre médiévale, sa fixation textuelle concrète, texte réel d'un manuscrit conservé, exécuté par un ou plusieurs copistes).

Les textes archétypiques, ou originaux, des œuvres littéraires, reconstruits par des philologues quelques siècles plus tard, sont plutôt hypothétiques que témoins de l'époque. Au contraire, les textes manuscrits réels, existants, conservés,

exécutés par les sujets parlants et écrivains de l'époque étudiée, constituent l'unique matière d'étude objectivement donnée.

Sans accès direct aux textes d'œuvres, ni à leurs premières fixations écrites, chaque manuscrit présente son propre texte, lequel a ses particularités linguistiques et lequel, en aucun cas, ne peut être considéré comme une fixation exacte du texte original d'une œuvre littéraire, administrative ou autre. Toutes les formes, fixées dans le texte manuscrit examiné, appartiennent, en premier lieu, à ce dernier et caractérisent, par conséquent, la scripta de l'époque et de la région où ce texte manuscrit a été exécuté.

2.4. *Dialecte et scripta*

La dichotomie saussurienne 'langue' – 'discours (parole)', ou dans la conception guillaumienne 'langage puissanciel' → 'langage en effectation' → 'langage effectif' acceptée, la langue (langage puissanciel) serait un «système où les éléments s'organisent selon leur position et selon leurs oppositions avec d'autres éléments», tandis que le discours (parole, langage effectif) serait la réalisation des éléments du système linguistique [Skréline, 1972, p.14-15].

La compréhension de la langue comme système ne présuppose pas son intégrité ni indivisibilité: cela signifie uniquement que toute langue, aussi bien que chacune de ses variétés (diachroniques, diatopiques, diastratiques, diaphasiques et diamésiques), constitue un système organisé, où (1) chaque élément a sa position et sa fonction, sinon il y serait inutile, et où (2) chaque élément est en corrélation et en opposition avec d'autres éléments, sinon ce ne serait pas un système organisé.

Par suite, la 'langue écrite' et la 'langue parlée' seraient des variétés diasystémiques de la langue (langage puissanciel) située toute entière dans le mental, tandis que le discours (parole, langage effectif) serait le résultat (de l'acte de langage) matérialisé sous ses deux formes: sonore, parlée et graphique, écrite.

A l'époque de l'ancien français, vu l'absence de la norme codifiée, d'une part, et de l'accès direct au discours parlé de l'époque, de l'autre, il est *a priori* impossible d'établir, de la façon sûre et fiable, la correspondance exacte des éléments parlés et écrits, et par suite, celle des formes parlée et écrite du discours. Autrement dit, toute théorisation sur la corrélation entre la 'langue parlée' et la 'langue écrite', ou le 'discours parlé' et le 'discours écrit', serait subjective et mal fondée. Pour éviter des conclusions abusives, il serait nécessaire de distinguer la langue et l'écriture comme deux phénomènes particuliers.

Par suite, les dialectes (patois, parlers) seraient des variétés régionales de la langue, les scripta en tant que traditions régionales écrites – des variétés régionales de l'écriture. La corrélation entre un dialecte et une scripta serait pareille à celle qui existe entre la langue et l'écriture. Certes, ce sont deux phénomènes génétiquement apparentés et intimement liés. Cependant, la langue se transforme principalement sous l'influence de facteurs internes, tandis que l'écriture subit l'influence de facteurs internes et externes. Cela signifie que les caractéristiques d'une ou de plusieurs scripta ne correspondent pas directement à celles des dialectes, ou à celles du français oral ou écrit: tout d'abord, ce sont les caractéristiques d'une ou des scripta dont l'interprétation pourrait être tant linguistique qu'extralinguistique.

Toute scripta comprend plusieurs constituants, y compris objectifs, conditionnés par les particularités du dialecte de base, et subjectifs, conditionnés par la réglementation admise de l'usage écrit. À l'époque de l'ancien français, l'absence de la norme française commune codifiée a été compensée par l'existence de normes scripturales, multiples et variées. Les scribes, ou copistes en tant que sujets parlants et écrivains, se rendaient parfaitement compte de la pluralité et de la variété de normes scripturales françaises. Choissant des graphies à bon escient, ils suivaient les normes propres à telle ou telle scripta.

Nous employons le terme 'scripta' comme un féminin invariable (scripta, sg, f < SCRIPTA, pl < SCRIPTUM, n).

3. Contours géographiques de la zone francienne dialectale et scripturale

3.1. Données dialectologiques et scriptologiques

Le nombre de dialectes et de scripta de l'ancien français, aussi bien que leurs traits essentiels, ne sont pas déterminés jusqu'à nos jours: on a distingué de trois dialectes (le normand, le picard, le bourguignon [Fallot, 1839; Burguy, 1853]) jusqu'à douze (le picard, le wallon, le lorrain, le francien, le franc-comtois, le bourguignon, le champenois, le normand, l'anglo-normand, l'angevin, le poitevin, le saintongeais [Bec, 1971]), et de deux scripta (picarde et interrégionale [Robson, 1956]) jusqu'à vingt-neuf [Dees, 1987].

Donc, il n'y a rien d'étonnant que la division de la France en zones dialectales et scripturales provoque des discussions intarissables. Seules la Lorraine, la Normandie et la Bourgogne ont des contours plus au moins précis, grâce à leurs frontières administratives et épiscopales. Les contours d'autres provinces historiques, y compris de l'Île-de-France, et par suite de leurs zones dialectales et scripturales, sont déterminés différemment.

La quantité de dialectes et de scripta de régions centrales varie d'un (dialecte de la Bourgogne) jusqu'à sept (scripta de l'Île-de-France, Compiègne, Valois, Senlis, Orléan, Soissons, Berry).

G. Fallot a inclus les régions centrales (Berry, Orléanais, Touraine, Île-de-France, Nivernais) avec Bas Bourbonnais, Champagne, Lorraine, Franche-Comté dans la «Bourgogne», parce que «le langage parlé» dans tout ce territoire vaste est le «langage commun, pour le fonds, identique à celui de Bourgogne, <...> le langage du coeur de France et le vrai langage français»; les régions de Perche, Anjou, Poitou - dans la «Normandie» avec Bretagne, Maine, Saintonge [Fallot, 1839, p. 16-19].

G. Burguy [1853, p. 17] a inclus Berry et une partie d'Anjou dans la «Bourgogne», Poitou et l'autre partie d'Anjou - dans la «Normandie».

E. Metzke a réduit le territoire examiné jusqu'à Paris seul, bien que les documents examinés comportent ceux de Paris, Poissy, Pontoise, «Biaumont sur Aise», «Parcent de lez Beaumont», Soissons, Meaux, «Chambelly prez Meaux», «Chasteautierri», «Abbaye de Joy de lez Provins», «Corbueil», Melun, Sens; en même temps, il a indiqué que la frontière orientale entre les zones francienne et champenoise passe par Fontainebleau [1880, p. 388-389, 401].

E. Philipon [1910, p. 480; 1912, p. 541], après l'étude de chartes bourguignonnes de la deuxième moitié du XIIIe-première moitié du XIVe siècle, a distingué le dialecte bourguignon comme un dialecte particulier. En même temps, il a constaté qu'il est impossible de déterminer les contours de sa zone dialectale à la base de données des chartes. C'est pourquoi, il a tracé les limites de la zone dialectale bourguignonne d'après les frontières administratives de la Bourgogne en tant que royaume, ensuite - comté et duché. Selon E. Philipon, la zone bourguignonne inclut: est - le Dijonais, Nuiton, Auxonnois, Beaunois, Losnois, Châlonnais, ouest - le Châtillonnais, Auxois, Autunois, Noyers, Avallonnais.

D'Arco S. Avalle [1967, p. 15ss], tout en considérant le francien comme base dialectale de la langue française littéraire, a inclus toutes les régions centrales dans la Normandie, tandis que le territoire de la Bourgogne - dans l'Acquitaine de nord, zone de la koïnè occitane.

Ch.-Th. Gossen [1967] a inclus les scripta de la Bourgogne dans le groupe de scripta est-françaises. A. Dees [1980] a inclus les chartes du duché de Bourgogne dans la tradition locale «Yonne», et il a réparti les chartes du comté de Bourgogne entre les traditions locales «Haute-Marne», «Vosges», «Franche-Comté» et «Bourgogne».

Ch.-Th. Gossen [1967] a distingué sept scripta centrales des régions suivantes: l'Île-de-France, Compiègne, Valois, Senlis, Orléan, Soissons, Berry. Plus tard, il a rapporté les scripta de Senlis, de Compiègne et de Soissons aux picardes [1970].

Il est à préciser qu'au XIIIe siècle, les régions, énumérées par Ch.-Th. Gossen, entraient au domaine royal, par ailleurs, l'Île-de-France, Orléans, Senlis, Compiègne et Valois faisaient partie du domaine royal déjà au XIIe siècle, tandis que Maine, Anjou, Touraine, Poitou, Berry et Soissons étaient annexés plus tard, sous le règne de Philippe II Auguste (1180-1223).

L.-F. Flutre [1970] a inclus Compiègne comme «Oise» dans la zone picarde.

A. Dees [1980; 1987] a divisé à peu près le même territoire en cinq 'traditions locales': «Région parisienne», «Orléanais», «Berry», «Oise», «Aisne». La «Région parisienne» inclut non seulement Paris et des régions voisines, mais une partie de la Champagne; Senlis et une partie du comté de Vermandois forment «Oise»; l'autre partie de Vermandois avec Laon et Soissons forment «Aisne»; le reste de Vermandois est inclus avec le comté d'Artois dans «Somme»; le reste de la Champagne est inclus dans «Ardenne».

L'examen de plusieurs ouvrages fait conclure que normalement, les limites de l'Île-de-France en tant que zone francienne, ne sont pas précisées, et que les patois de régions voisines sont considérés souvent comme franciens sans commentaires. En même temps, les patois d'Orléan et du Berry sont parfois considérés à part. Dans ce cas-là, l'orléanais est inclus dans le groupe commun soit avec le francien, soit avec le bourguignon; le berrichon est inclus dans le groupe commun soit avec le francien, soit avec les dialectes d'ouest.

Les scripta du Berry font partie de scripta de nord-ouest [Gossen, 1957; 1967].

Le dialecte de la Touraine, possédée par la maison d'Anjou et par suite

faisant partie de l'Angleterre, a été inclu sans commentaires dans le groupe des dialectes de nord-ouest avec ceux de Bretagne, Anjou, Maine par E. Görlich [1886].

Ch.-Th. Gossen [1967] a rapporté les scripta de la Touraine aux normandes qui, à son tour, font partie des scripta de nord-ouest avec celles de Bretagne et de Poitou. Dans les Atlas d'A. Dees [1980; 1987] la Touraine fait partie de «Indre-et-Loire» qui inclut aussi, selon le lieu de chartes examinées, des parties anjevine, poitevine, berrichonne.

Le patois de Soissons n'a jamais été considéré comme un parler particulier, mais la région de Soissons est incluse soit dans la zone francienne, soit dans la zone picarde, soit dans la zone champenoise. Le patois de Senlis n'a jamais été considéré comme un parler particulier, mais la région de Senlis est incluse soit dans la zone francienne, soit dans la zone picarde. Il faut remarquer à cet égard que les étudiants provenant de Soissons et de Senlis, étaient inclus dans la «Nation de France» de l'université de Paris, et non pas dans la «Nation de Picardie», formée par les étudiants provenant de Beauvais, Noyon et Laon [Carolus-Barré, 1964, p. CXIII].

Le patois de Poitou est normalement considéré comme un parler particulier, mais il est inclu dans le groupe commun soit avec les dialectes de sud-ouest, soit avec l'orléanais, soit avec le francien.

Ch.-Th. Gossen [1967] a inclu les scripta de Poitou dans le groupe de scripta de nord-ouest. M. Pfister a constaté que la scripta de chartes poitevines du XIIIe siècle «montre une influence prédominante du centre linguistique directeur de Paris et de l'Ile-de-France», tandis que «la langue parlée en Poitou vers 1100 était plus près du limousin que du français pratiqué au Nord de la Loire» [1976, p. 93, 112]. Dans les Atlas d'A. Dees [1980; 1987], la région de Poitou correspond, en grandes lignes, à «Vendée», «Charente», «Vienne».

3.2. Données de l'Atlas Linguistique de la France

F. Brunot, ayant examiné l'*Atlas Linguistique de la France* d'E. Edmont et J. Gilliéron, a établi les limites de la zone francienne de la façon suivante:

(1) du côté du Nord, la limite est marquée selon le résultat de la palatalisation dans le picard [ka > ka] vs le francien [ka > cha]; géographiquement, cette limite est marquée «par la ligne qui commence à la Seine au delà de Mantes, passe entre Clermont et Senlis en se dirigeant vers Laon», distinguant ainsi les zones picarde et francienne;

2) à l'Ouest, «la limite est beaucoup plus proche de Paris, car Evreux a le ca picard, à Chartres e+i ne devient pas i»;

(3) à l'est, selon le résultat du passage [o > eu], «la limite prend la Marne vers Jouarre et descend le long de l'ancienne frontière de Champagne», distinguant les zones francienne et champenoise [Brunot, 1966, p.326].

A. Lodge [2002], se basant sur le même Atlas Linguistique de la France d'E. Edmont et J. Gilliéron, a choisi d'autres critères linguistiques, et il a conclu que «les isoglosses visibles dans l'ALF <...> prises ensemble, forment une sorte de cadre autour de l'Ile-de-France et de l'Orléanais»:

(1) «du côté septentrional du cadre», la limite sud est marquée, pareillement à F. Brunot, par le résultat de la palatalisation dans le picard [ka > ka] vs le francien [ka > cha], par «la célèbre Ligne Joret»;

(2) «du côté **occidental** du cadre», la limite est marquée par la différenciation de la diphtongue [ow] sortie de [o] accentué, différenciée en [ew];

(3) «Au long du côté **oriental** du cadre», la limite est marquée par la présence des consonnes épenthétiques [n_r] dans les groupes [-nr-], [-ml-], [-lr-] [n_r] au centre et à l'ouest et par leur absence à l'est et au nord;

(4) «Au long du côté **méridional** du cadre», la limite est marquée par la fermeture de [a] accentué en [e] qui distingue la langue française de la langue occitane.

Le «cadre» formé par des isoglosses [Lodge, 2002, carte n°5] fait voir que la zone francienne se distingue manifestement d'autres zones dialectales de la France actuelle, et qu'elle inclut des parties des anciennes régions de l'Île-de-France, de la Touraine, de la Normandie, du Maine, de la Champagne, de l'Orléanais et du Berry. Donc, la réalité et la spécificité du francien, survécu jusqu'à nos jours, sont confirmées pleinement par des faits linguistiques. En même temps, il est évident que les contours de la zone dialectale francienne ne correspondent pas à ceux administratifs de l'Île-de-France.

La zone dialectale francienne, précisée à la base de critères choisis par A. Lodge, correspond, en grandes lignes, au territoire qui «s'étend du sud de Beauvais jusqu'à Tours et Gien» [Simoni-Aurembou, 1973, p. 126], lequel réunit dans une zone dialectale les parlers de l'Île-de-France, de l'Orléanais, de la Touraine et du Perche. Cette zone dialectale diffère de l'autre, dénommée «Centre», laquelle correspond au Berry [Simoni-Aurembou, 1973-1978].

Après l'examen d'autres cartes de *l'Atlas Linguistique de la France*, A. Lodge a conclu que le français standard est fondé, en effet, sur le parler de l'Île-de-France, et qu'il contient en même temps de «nombreux éléments importés de l'extérieur», enracinés dans le parler de Paris, en tant que grande ville, «avant d'être diffusé vers la périphérie» sur le territoire français [Lodge, 2002].

3.3. Données des Atlas d'A. Dees

Bien qu'il soit impossible d'identifier les formes graphiques, fixées dans les manuscrits, et phonétiques, propres aux dialectes de l'ancien français, il est possible, tout de même, d'établir les particularités scripturales qui distinguent les scripta différentes et qui permettent de préciser leurs contours approximatifs.

Afin de distinguer la zone scripturale francienne, nous avons appliqué les critères proposés par F. Brunot et A. Lodge à la matière des *Atlas* d'A. Dees, en choisissant les cartes suivantes:

(1) *Atlas de chartes* [Dees, 1980]: n°17 – alternance [o : u] dans les formes graphiques «lour, leurs» : «lor, lors» qui équivaut en partie avec le développement du diphtongue [ow > u] à l'ouest, et [ow > ew > oe] à l'est, ce qui distingue les zones normande et francienne; n°135 – alternance [k : č] dans les formes graphiques «cose, kose, etc.» : «chose, chouses, etc.», ce qui distingue les zones picarde et francienne; n°252 - la présence ou l'absence de consonnes épenthétiques

dans les formes graphiques du verbe «prendre», ce qui distingue les zones francienne et champenoise;

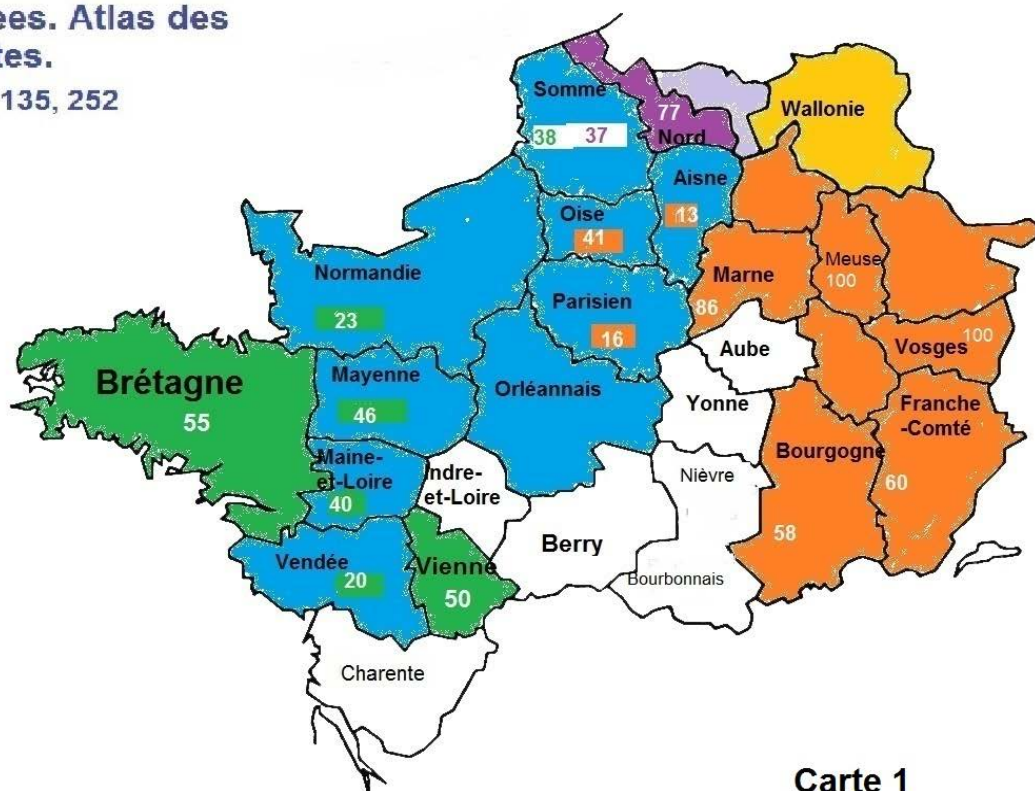
(2) *Atlas de textes littéraires* [Dees, 1987]: n°141 - alternance [oe : u, o] dans les formes graphiques des adjectifs en «-eus», ce qui distingue les zones normande et francienne; n°159 – alternance [k : č] dans les formes graphiques «castel, etc.» : «chastel, etc.», ce qui distingue les zones picarde et francienne, n°373 - la présence ou l'absence de consonnes épenthétiques dans les formes graphiques du verbe «prendre», ce qui distingue les zones francienne et champenoise.

Prenant en considération la quantité prépondérante (plus de 50%) de formes franciennes vs la quantité moins grande (moins de 50%) de formes de dialecte de base, nous avons reçu le «cadre» qui inclut le territoire assez vaste.

Selon l'Atlas des chartes, la fréquence de plus de 50% de formes franciennes réunit neuf scripta: «Région parisienne», «Orléanais», «Aisne», «Normandie», «Oise», «Somme», «Mayenne», «Vendée», «Maine-et-Loire»; les données sur «Berry», «Aube», «Bourbonnais», «Yonne», «Indre-et-Loire», «Charente» sont absentes. Parmi les scripta qui incluent les chartes bourguignonnes, «Bourgogne», «Franche-Comté», «Vosges», «Haute-Marne» diffèrent manifestement par la fréquence de plus de 50% de formes de dialecte de base (voir carte 1).

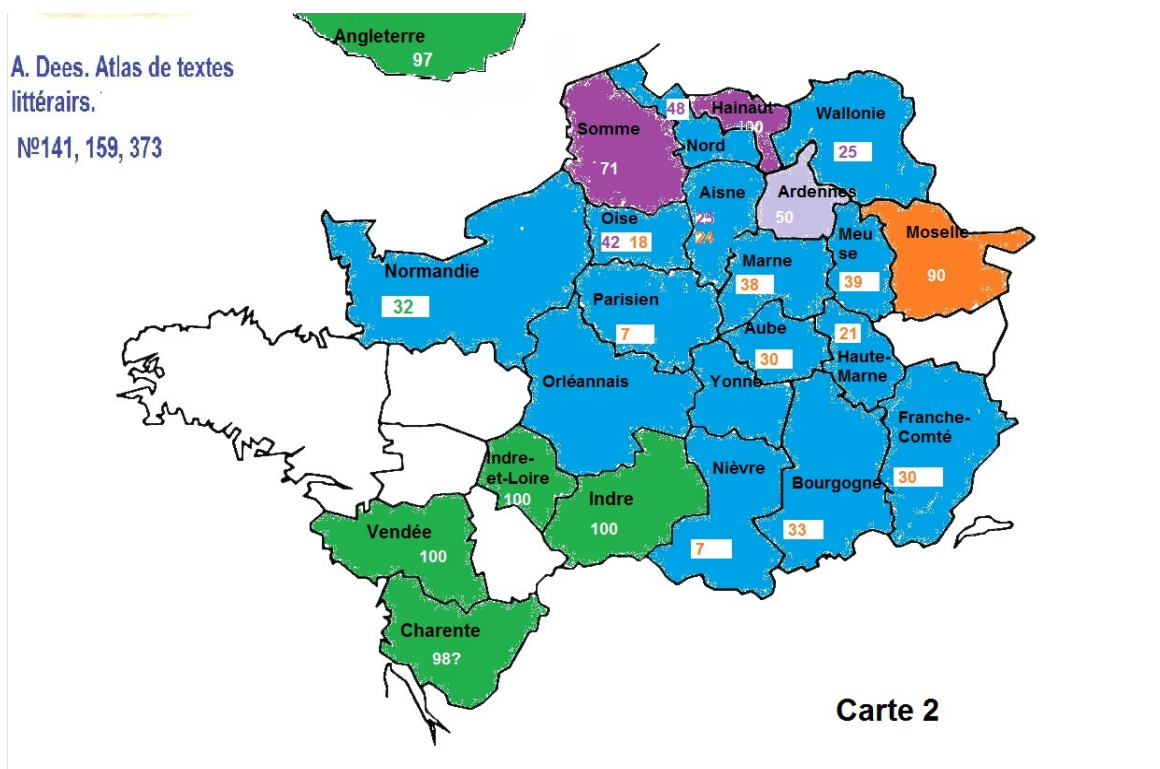
A. Dees. Atlas des chartes.

N° 17, 135, 252

Carte 1

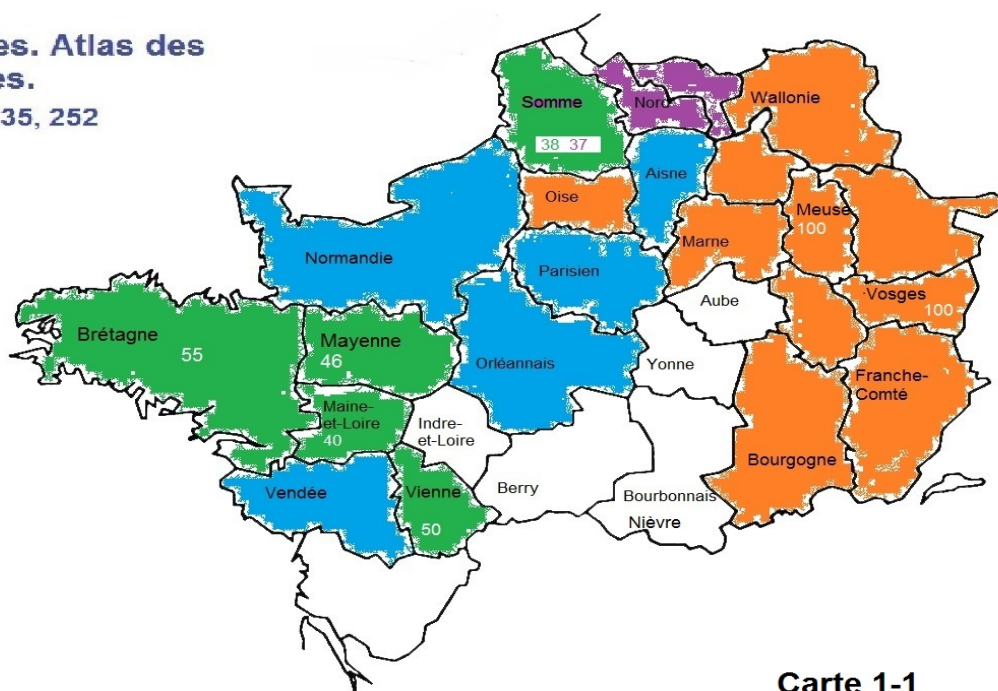
Selon l'Atlas de textes littéraires, la fréquence de plus de 50% de formes franciennes réunit toutes les scripta (15), sauf neuf: «Angleterre», «Somme», «Vendée», «Charente», «Indre-et-Loire», «Indre, Cher», «Moselle», «Hainaut», «Ardenne» qui diffèrent par la fréquence de plus de 50% de formes de dialecte de base. Les données sur cinq scripta («Bretagne», «Mayenne», «Maine-et-Loire», «Vienne», «Vosges») sont absentes (voir carte 2).

Quand nous avons diminué sensiblement le pourcentage de formes de dialecte de base jusqu'à moins de 30%, c'est-à-dire, la majorité écrasante (plus de 70%) de formes franciennes vs la minorité (moins de 30%) de formes de dialecte de base, le territoire «encadré» a diminué tout de suite.

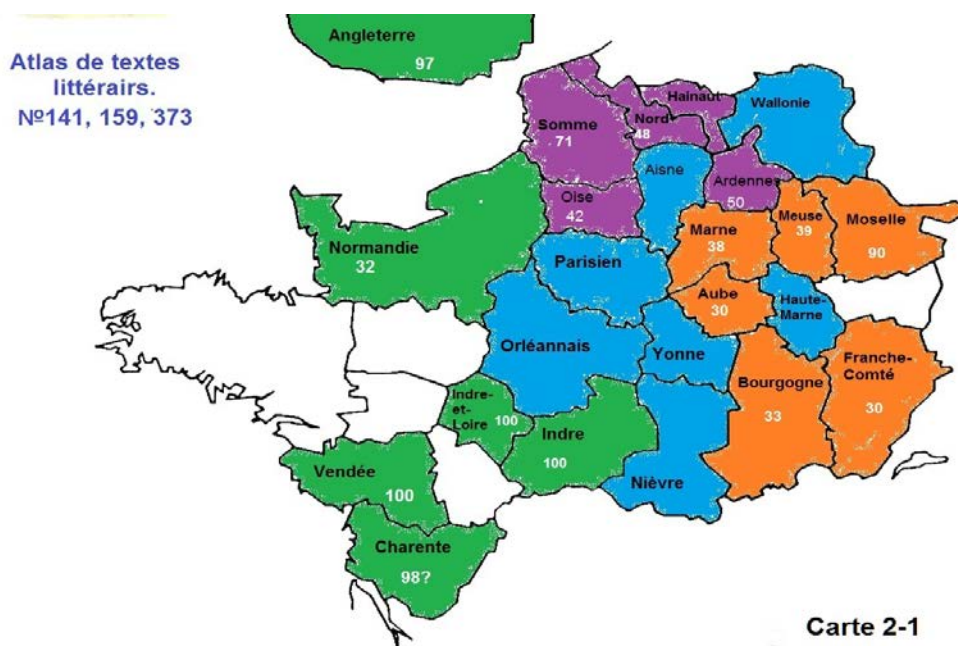
Selon l'Atlas des chartes, de neuf scripta, il n'en reste que cinq: «Région parisienne», «Orléanais», «Aisne», «Normandie», «Vendée» (voir carte 1-1).

A. Dees. Atlas des chartes.
N°17, 135, 252

Selon l'Atlas de textes littéraires, de quinze scripta, il n'en reste que sept: «Région parisienne», «Orléanais», «Aisne», «Yonne», «Berry» sous le titre «Indre,

Cher», «Wallonie», «Haute Marne». Les scripta bourguignonnes, sauf «Yonne» et «Haute Marne», diffèrent manifestement (voir carte 2-1).

La conclusion qu'on pourrait en tirer, confirme pleinement l'origine francienne:

(1) du modèle écrit, que des copistes français tâchaient de suivre, et qui conditionnait le choix de formes franciennes au lieu de formes de dialecte de base: c'est ainsi qu'on pourrait expliquer la fréquence, et même la prépondérance, de formes franciennes dans les textes manuscrits de l'époque [cf.: Skrélina, Stanovaïa, 2019; Stanovaïa, 2003];

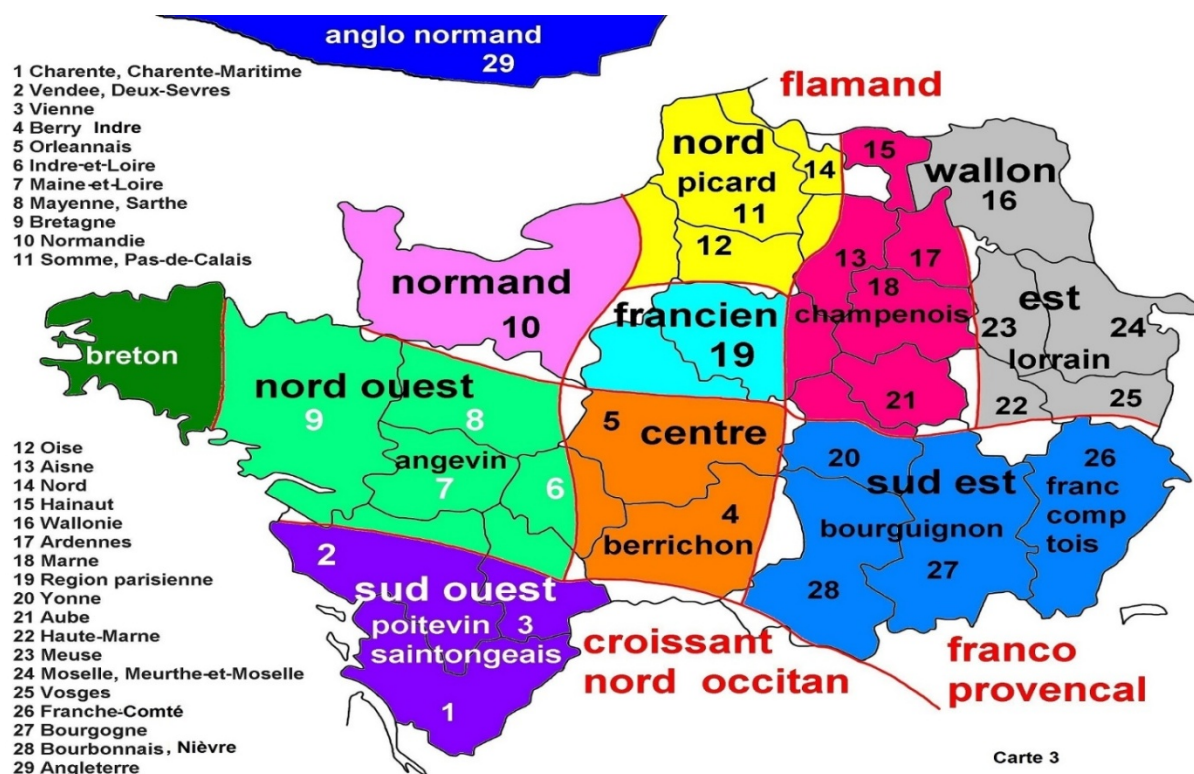
(2) de formes graphiques, que des copistes français employaient, en différentes quantités, dans les textes manuscrits exécutés; ces formes graphiques sont définies par des chercheurs comme 'franciennes', 'françaises', 'communes', 'interdialectales', 'interrégionales', 'littéraires', 'écrites', 'neutres', 'neutralisées', 'supra-dialectales', 'supra-régionales', etc.

En même temps, ressort la variance de normes scripturales, communes et individuelles, qui permettaient ou, au contraire, défendaient d'employer des formes de dialecte de base, dont la quantité varie dans les chartes dès 23% dans la scripta «Normandie» jusqu'à 100% dans les scripta «Vosges» et «Meuse» (carte 1), dans les textes littéraires – de 7% dans la scripta «Nièvre» («Berry» dans l'Atlas de chartes) jusqu'à 100% dans les scripta «Vendée», «Indre-et-Loire», «Indre» (carte 2).

D'autre part, la variation de contours de la zone francienne, «encadrée» aussi différemment selon le pourcentage de formes des dialectes de base d'autres scripta (moins de 50%; moins de 30%), rend claire la raison théorique et méthodologique des débats susmentionnés, qui sont conditionnés, comme on le voit, de la façon de voir et d'interpréter les faits: les contours d'une zone dialectale ou d'une autre sont différentes, si on se base soit sur la majorité de formes de dialecte de base, soit tout simplement sur leur présence.

Il faudrait y ajouter que toutes les études du XIXe siècle et plusieurs du XXe siècle présentent des «données brutes» (mot de P. van Rennes [1985]), c'est-à-dire, des formes énumérées, mais non-systématisées, non-calculées, d'ailleurs déterminées comme appartenant à tel ou tel dialecte de l'ancien français. A cet égard, il faudrait constater, avec un grand regret, l'absence presque totale d'études approfondies et par suite, de descriptions exhaustives de tous les dialectes et scripta de l'ancien français.

L'établissement assez discutable des zones des 'traditions locales' distinguées par A. Dees, fait comprendre la présence, quoique insignifiante, par exemple, de formes champenoises dans la «Région parisienne» dont le territoire inclut une partie de la Champagne. C'est que, les statistiques indiquées dans les Atlas, présentent les «fréquences relatives» (sur le procédé de l'analyse quantitative: [Dees, 1980, p. XI-XII]). Il peut se produire que certaines statistiques cachent la réalité, au lieu de préciser les frontières entre les zones limitrophes, débattues aussi considérablement: la tradition «Oise» réunit des parties, considérées par d'autres chercheurs comme francienne et picarde (d'où 42% de formes en [k]); la tradition «Aisne» réunit des parties, considérées par d'autres chercheurs, comme francienne, picarde (d'où 25% de formes en [k]) et champenoise (d'où 24% de formes sans -d-); cinq traditions comportent des parties bourguignonnes, réunies avec d'autres. Tout cela se voit clairement sur la carte 3, faite par Cl. Buridant [2019, p. 32], que nous avons colorée pour une visualisation plus nette. Il est à ajouter que les parties blanches, non-colorées, représentent les endroits mixtes de zones dialectales et scripturales différentes (voir carte 3).

Carte 3

Evidemment, vu le caractère continu de tout dialecte du français ancien et moderne, quand «La partie nord se fond dans le picard, l'ouest dans le normand,

l'est dans le champenois, etc.» [Lodge, 2002], les «frontières dialectales fermes» (mot d'A. Lodge [2002]) sont *a priori* impossibles. En même temps, il faudrait avouer qu'autrement, le travail tytanique d'A. Dees, P.Th. van Reenen, J.A. de Vries, M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein et d'autres chercheurs, n'aurait jamais abouti à la création des Atlas qu'on pourrait, à juste titre, considérer comme chef-d'œuvre scientifique.

Néanmoins, contrairement aux frontières dialectales qui peuvent ne pas être «fermes», celles des zones scripturales peuvent l'être, grâce aux normes scripturales, établies au sein de la même chancellerie, du même scriptorium ou atelier de production de manuscrits. En effet, les chancelleries et les scriptoriums, qui faisaient partie d'une unité administrative (duché, comté, etc.) ou cléricale (diocèse, doyenné, etc.), pouvaient avoir des règles plus ou moins strictes, dictant la structure unifiée de chartes, de formules utilisées et de l'usage linguistique en entier.

Des études, y compris les nôtres [Skréline, Stanovaïa, 2019; Stanovaïa, 1994; et al.], confirment cette supposition. Par suite de nos études de la morphologie nominale de l'ancien français, nous avons conclu que les scripta de Paris, de l'Orléanais, de Compiègne, de Senlis et de Soissons, régions réunies par le pouvoir royal, ont beaucoup de traits communs, tandis que les scripta bourguignonnes diffèrent manifestement.

Vu le statut discutable de scripta de la Touraine, nous avons analysé le texte manuscrit *Chronique des ducs de Normandie* (ms. Tours 903), exécuté, selon C. Fahlin [1937], à l'abbaye de Marmoutier près de Tours et présentant des traits poitevins, anjevins et tourangeaux; selon l'Atlas d'A. Dees [1987], poitevin, inclus dans «Vendée, Deux-Sèvres». Nous avons remarqué que le texte manuscrit en question a beaucoup de traits communs tant avec les scripta anglo-normandes que franciennes. Selon les Atlas d'A. Dees (carte 2), la similitude grapho-phonétique des scripta «Angleterre», «Indre-et-Loire» et «Vendée, Deux-Sèvres» est manifeste.

L'étude de particularités graphiques et phonétiques de chartes du XIIIe siècle rédigées à Paris, Orléan, Soissons et Senlis, effectuée par M. S. Vorobéi [2015] a démontré, d'une part, la similitude linguistique des scripta administratives de ces régions, et de l'autre, l'usage plus unifié et régularisé des scripta de Paris par rapport à celui, moins unifié et régularisé, des scripta d'Orléan, de Soissons et de Senlis.

La similitude linguistique des patois de l'Île-de-France, de l'Orléanais, de Compiègne, de Senlis et de Soissons est confirmée par *l'Atlas linguistique et ethnographique de l'île de France et de l'Orléanais* [Simoni-Aurembou, 1973-1978] et *l'Atlas Linguistique de la France* [Gilliéron, Edmont, 1902-1910].

Il s'ensuit qu'on peut établir une zone scripturale qui réunit les scripta de Paris, de l'Orléanais, de Soissons, de Senlis et de Compiègne. Les scripta de la Bourgogne constituent des scripta particulières. Le statut de scripta du Berry et de la Touraine demande une étude spécialisée.

Les contours de la zone francienne scripturale, médiévale, correspondent en grandes lignes, mais pas totalement, à ceux de la zone francienne dialectale,

actuelle. Le territoire de la zone francienne scripturale et dialectale ne correspond pas à celui de la région actuelle de l'Île-de-France.

Conclusion

Le terme 'francien' est nécessaire pour distinguer deux concepts différents - le 'français' comme la langue française vs le 'francien' comme un des dialectes de la langue française - lesquels, historiquement, étaient désignés par le terme unique *français* < *francois* < *franceis*.

L'absence presque totale d'études approfondies du dialecte et des scripta de l'Île-de-France a conditionné des discussions violentes sur la quantité, la classification, la situation géographique de dialectes et de scripta au centre de la France, les contours de zones dialectales et scripturales, la localisation de textes manuscrits, et, en définitive, la négation du francien.

À la base de l'examen de plusieurs ouvrages dialectologiques et scriptologiques, des *Atlas* d'A. Dees, de nos propres recherches, nous avons précisé les contours de la zone scripturale francienne, laquelle réunit les scripta de Paris, de l'Orléanais, de Soissons, de Senlis et de Compiègne. Les scripta de la Bourgogne constituent des scripta particulières. Le statut de scripta du Berry et de la Touraine demande une étude spécialisée.

La comparaison de la zone francienne scripturale, médiévale, avec celle dialectale, actuelle, selon les *Atlas linguistiques*, a démontré que la similitude linguistique réunit les parlers de l'Île-de-France, de l'Orléanais, de la Touraine et du Perche dans une zone dialectale. Il s'ensuit que les contours des zones franciennes scripturale et dialectale correspondent en grandes lignes, mais pas totalement. En même temps, le territoire de la zone francienne scripturale et dialectale ne correspond pas à celui de la région actuelle de l'Île-de-France.

Références bibliographiques

Avalle D'Arco S. Monumenti prefranciani il Sermone di Valenciennes e il Sant Lethgier. Torino: Giappichelli, 1967. 283 p.

Bec P. Manuel pratique de philologie romane. T.2. Paris: Picard, 1971. 643 p.

Bergounioux G. Le francien (1815-1914): La linguistique au service de la patrie. // Mots / les langages du politique. Juin 1989. №19. P. 23-40.

Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance. Paris: Collin, 1966 (2-ème tirage 1973). XXXVIII, 597 p.

Burguy G. Grammaire de la langue d'oïl ou grammaire des dialectes français aux XIIe et XIIIe siècles. T.1. Berlin: Schneider et comp., 1853. 409 p.

Carolus-Barré L. Les plus anciennes chartes en langue française. T.1. Problèmes généraux et recueil des pièces originales conservées aux archives de l'Oise 1241-1286. Paris: Klincksieck, 1964. CXXII, 333 p.

Cerquiglini B. La Naissance du français. Paris: PUF, 1993. 127 p.

Chaurand J. Histoire de la langue française. Paris: PUF, 1969. 128 p.

Chaurand J. Pour l'histoire du mot 'francien'. // Mélanges de dialectologie d'oïl à la mémoire de R. Lorient. Dijon: ABDO, 1983. P. 91-99.

Buridant Cl. Grammaire du français médiéval (XIe-XIVe siècles). Strasbourg: ELIPHI, 2019. XXIV, 1173 p.

- Dees, A.* Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Avec le concours de P. van Reenen et J.A. de Vries. Tübingen: Niemeyer, 1980. XIII, 371 p.
- Dees, A.* Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein. Tübingen: Niemeyer, 1987. 684 p.
- Delbouille, M.* Comment naquit la langue française? // Phonétique et linguistique romanes. Mélanges of. A G. Straka. T.1. Strasbourg-Lion: Société de Linguistique Romane, 1970. P. 187-199.
- Fahlin, C.* Chronique des Ducs de Normandie. Etude sur le manuscrit de Tours de la Chronique des Ducs de Normandie par Benoit. Uppsala: Almqvist Wiksells Boktryckeri, 1937. 253 p.
- Fallot, G.* Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Paris: Imprimerie Royale, 1839. 588 p.
- Flutre, L.-F.* Le moyen picard d'après les textes littéraires du temps (1560-1660). Textes - Lexique - Grammaire. Amiens: Musée de Picardie, 1970. 551 p.
- Gilliéron, J., Edmont, E.* Atlas linguistique de la France. Paris: Champion, 1902-1910. 35 vol.
- Glessgen, M.* La genèse d'une norme en français au Moyen Age: mythe et réalité du 'francien'. // Revue de linguistique romane. 2017. T. 81. 313-397.
- Goerlich, E.* Die nordwestlichen Dialekte der langue d'oïl. Bretagne, Anjou, Maine, Touraine. – Heilbronn: Henninger, 1886. 104 s.
- Gossen, Ch.-Th.* Die Einheit der französischen Schriftsprache im 15. und 16. Jahrhundert. // Zeitschrift für Romanische Philologie. 1957. Bd.73. N°5/6. P.427-459.
- Gossen, Ch.-Th.* Französische Scriptastudien. Untersuchungen zu den nordfranzösischen Urkundensprache des Mittelalters. Wien: Nachf, 1967. 368 s.
- Gossen, Ch.-Th.* Grammaire de l'ancien picard. – 2-ème éd. Paris: Klincksieck, 1970. 222 p.
- Grübl, K.* La standardisation du français au Moyen Âge: point de vue scriptologique. // Revue de linguistique romane. 2013. T. 77. P. 343-383.
- de Jong, Th.* La prononciation des consonnes dans le français de Paris aux 13-ème et 14-ème siècles. - Landelijke: Netherlands Graduate School of Linguistics, 2006. 324 p.
- Lodge, A. R.* Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue. Paris: Fayard, 1997. 382 p.
- Lodge, A. R.* «Francien» et «français de Paris». // Linx. 2002. N° 12. P. 149-172.
- Longnon, A.* L'Île-de-France. Son origine, ses limites et ses gouverneurs. // Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de L'Île-de-France. 1875. N°1. P.1-43.
- Metzke, E.* Der Dialekt von Ile de France im XIII und XIV Jahrhundert. // Herrig's Archive, 1880. S. 385-412; 1881. S. 57-96.
- Paris, G.* Les parlers de France. Lecture faite à la réunion de Sociétés savantes le samedi 26 mai. Paris: Imprimerie Nationale, 1888. 13 p.
- Paris, G.* Mélanges linguistiques (publ. par M. Roques). Latin vulgaire et langues romanes. Langue française. Notes étymologiques. Appendice. Index. Paris: Champion, 1909. X, 731 p.
- Philipon, E.* Les parlers du duché de Bourgogne aux XIIIe et XIVe s. // Romania. 1910. T. 39. P. 476-531; 1912. T.41. P. 541-600; 1914. T.43. P. 495-559.
- Pfister, M.* La langue de Guilhem IX, comte de Poitiers. // Cahiers de Civilisation Médiévale. 1976. N° 19-2. P. 91-113.
- Picoche, J., Marchello-Nizia, Chr.* Histoire de la langue française. – 4-ème éd. Paris: Nathan, 1996. 399 p.
- van Reenen, P.* La linguistique des langues anciennes et la systématisation de ses données. // Actes du IV Colloque Intern. sur le Moyen Français (publ. par A. Dees). Amsterdam: Rodopi, 1985. P. 433-470.
- Remacle, L.* Le problème de l'ancien wallon. Liège: Fac.de Philosophie et Lettres, 1948. 230, 14 p.
- Robson, C.A.* Literary language, spoken dialect and the phonological problem in Old French. // Transactions of the philological Society 1955. Oxford: Blackwell, 1956. P. 117-180.
- Simoni-Aurembou, M.-R.* Le français régional en Ile-de-France et dans l'Orléanais. // Langue française. 1973. N°18. P. 126-136.

- Simoni-Aurembou, M.-R.* Atlas linguistique et ethnographique de l'île de France et de l'Orléanais (île de France, Orléanais, Perche, Touraine). Paris: CNRS Editions, 1973-1978. 1-2 vol. 687 p., cartes, ill.
- Skrélina, L. M.* Histoire de la langue française. Moscou: Vischaya chkola, 1972. 310 p.
- Skrélina, L. M., Stanovaïa, L. A.* Histoire de la langue française. – 3-ème éd. Moscou: Yurayt, 2019. 463 p. (en russe). [Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. – 3 изд. М.: Юрайт, 2019. 463 с.]
- Stanovaïa, L. A.* Morphologie de l'ancien français et la théorie de scripta. 2 vol. St-Petersburg: Univ. Herzen, 1994. 503 p. (en russe). [Становая Л.А. Старофранцузская морфология и теория скрипты. Дисс. доктора филол. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1994. Т.1-2. 503 с.]
- Stanovaïa, L. A.* La standardisation en ancien français. // The Dawn of the Written Vernacular in Western Europe. M. Goyens, W. Verbeke (eds.). Leuven: Leuven University Press, 2003. P. 241-272.
- Stanovaïa, L. A.* (en russe). Le francien comme pierre d'achoppement dans l'histoire de la langue française. // Linguistique théorique et appliquée. 2019. № 5 (3). P.164–199. (en russe). [Становая Л.А. Франсийский как камень преткновения в истории французского языка. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (3). с.164-199.]
- Suchier, H.* Le français et le provençal. Traduction par P. Monet. Paris: Emile Bouillon, éditeur, 1891. 224 p.
- Suchier, H.* Die französische und provenzalische Sprache und ihre Mundarten. 2. verb. & verm. aufl. Strassburg: Karl J. Trübner, 1906. 130 S.
- Trotter, D.* «UNE ET INDIVISIBLE»: Variation and Ideology in the Historiography and History of French. // Revue Romane de Linguistique (București). 2006. № LI, 2. P. 359-376.
- Védénina, L. G.* (dir.). France. Dictionnaire linguistique et culturel. – 2-ème éd. Moscou: AST-Press, 2008. 976 p. (en russe). [Веденина Л.Г. (ред.) Франция. Лингвострановедческий словарь. – 2-е изд. М.: АСТ-Пресс, 2008. 976 с.]
- Videsott, P.* Les débuts du français à la Chancellerie royale: analyse scriptologique des chartes de Philippe III (1270-1285). // Revue de Linguistique Romane. 2013. T. 77. P. 3-49.
- Vorobéi, M. S.* Particularités de scripta centrales françaises. St-Petersburg: Univ. Herzen 2015. 172 p. (en russe). [Воробей М.С. Особенности центрально-французских скрипт. Дисс. канд. филол. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 172 с.]

References

- Avalle D'Arco, S.* Monumenti prefranciani il Sermone di Valenciennes e il Sant Lethgier. Torino: Giappichelli, 1967. 283 p. (In Italian).
- Bec, P.* Manuel pratique de philologie romane. T.2. Paris: Picard, 1971. 643 p. (In French).
- Bergounioux, G.* Le francien (1815-1914): La linguistique au service de la patrie. // Mots / les langages du politique. Juin 1989. №19. P. 23-40. (In French).
- Brunot, F.* Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance. Paris: Collin, 1966 (2-ème tirage 1973). XXXVIII, 597 p. (In French).
- Burguy, G.* Grammaire de la langue d'oïl ou grammaire des dialectes français aux XIIe et XIIIe siècles. T.1. Berlin: Schneider et comp., 1853. 409 p. (In French).
- Buridant, Cl.* Grammaire du français médiéval (XIe-XIVe siècles). Strasbourg: ELIPHI, 2019. XXIV, 1173 p. (In French).
- Carolus-Barré, L.* Les plus anciennes chartes en langue française. T.1. Problèmes généraux et recueil des pièces originales conservées aux archives de l'Oise 1241-1286. Paris: Klincksieck, 1964. CXXII, 333 p. (In French).
- Cerquiglioni, B.* La Naissance du français. Paris: PUF, 1993. 127 p. (In French).
- Chaurand, J.* Histoire de la langue française. Paris: PUF, 1969. 128 p. (In French).

- Chaurand, J.* Pour l'histoire du mot 'francien'. // Mélanges de dialectologie d'oïl à la mémoire de R. Lorient. Dijon: ABDO, 1983. P. 91-99. (In French).
- Dees, A.* Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Avec le concours de P. van Reenen et J.A. de Vries. Tübingen: Niemeyer, 1980. XIII, 371 p. (In French).
- Dees, A.* Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein. Tübingen: Niemeyer, 1987. 684 p. (In French).
- Delbouille, M.* Comment naquit la langue française? // Phonétique et linguistique romanes. Mélanges of. A. G. Straka. T.1. Strasbourg-Lion: Société de Linguistique Romane, 1970. P. 187-199. (In French).
- Fahlin, C.* Chronique des Ducs de Normandie. Etude sur le manuscrit de Tours de la Chronique des Ducs de Normandie par Benoit. Uppsala: Almqvist Wiksells Boktryckeri, 1937. 253 p. (In French).
- Fallot, G.* Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Paris: Imprimerie Royale, 1839. 588 p. (In French).
- Flutre, L.-F.* Le moyen picard d'après les textes littéraires du temps (1560-1660). Textes – Lexique – Grammaire. Amiens: Musée de Picardie, 1970. 551 p. (In French).
- Gilliéron, J., Edmont, E.* Atlas linguistique de la France. Paris: Champion, 1902-1910. 35 vol. (In French).
- Glessgen, M.* La genèse d'une norme en français au Moyen Age: mythe et réalité du 'francien'. // Revue de linguistique romane. 2017. T. 81. 313-397. (In French).
- Goerlich, E.* Die nordwestlichen Dialekte der langue d'oïl. Bretagne, Anjou, Maine, Touraine. Heilbronn: Henninger, 1886. 104 s. (In German).
- Gossen, Ch.-Th.* Die Einheit der französischen Schriftsprache im 15. und 16. Jahrhundert. // Zeitschrift für Romanische Philologie. 1957. Bd.73. N^o5/6. P. 427-459. (In German).
- Gossen, Ch.-Th.* Französische Scriptastudien. Untersuchungen zu den nordfranzösischen Urkundensprache des Mittelalters. Wien: Nachf., 1967. 368 s. (In German).
- Gossen, Ch.-Th.* Grammaire de l'ancien picard. – 2-ème éd. Paris: Klincksieck, 1970. 222 p. (In French).
- Grübl, K.* La standardisation du français au Moyen Âge: point de vue scriptologique. // Revue de linguistique romane. 2013. T. 77. P. 343-383. (In French).
- de Jong, Th.* La prononciation des consonnes dans le français de Paris aux 13-ème et 14-ème siècles. Landelijke: Netherlands Graduate School of Linguistics, 2006. 324 p. (In French).
- Lodge, A. R.* Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue. Paris: Fayard, 1997. 382 p. (In French).
- Lodge, A. R.* «Francien» et «français de Paris». // Linx. 2002. N° 12. P. 149-172. (In French).
- Longnon, A.* L'Île-de-France. Son origine, ses limites et ses gouverneurs. // Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de L'Île-de-France. 1875. N^o1. P.1-43. (In French).
- Metzke, E.* Der Dialekt von Ile de France im XIII und XIV Jahrhundert. // Herrig's Archive, 1880. S. 385-412; 1881. S. 57-96. (In German).
- Paris, G.* Les parlers de France. Lecture faite à la réunion de Sociétés savantes le samedi 26 mai. Paris: Imprimerie Nationale, 1888. 13 p. (In French).
- Paris, G.* Mélanges linguistiques (publ. par M. Roques). Latin vulgaire et langues romanes. Langue française. Notes étymologiques. Appendice. Index. Paris: Champion, 1909. - X, 731 p. (In French).
- Philipon, E.* Les parlers du duché de Bourgogne aux XIIIe et XIVe s. // Romania. 1910. T. 39. P. 476-531; 1912. T.41. P. 541-600; 1914. T.43. P. 495-559. (In French).
- Pfister, M.* La langue de Guilhem IX, comte de Poitiers. // Cahiers de Civilisation Médiévale. 1976. N° 19-2. P. 91-113. (In French).
- Picoche, J., Marchello-Nizia, Chr.* Histoire de la langue française. – 4-ème éd. Paris: Nathan, 1996. 399 p. (In French).

- van Reenen, P.* La linguistique des langues anciennes et la systématisation de ses données. // Actes du IV Colloque Intern. sur le Moyen Français (publ. par A. Dees).- Amsterdam: Rodopi, 1985. P. 433-470. (In French).
- Remacle, L.* Le problème de l'ancien wallon. Liège: Fac.de Philosophie et Lettres, 1948. 230, 14 p. (In French).
- Robson, C. A.* Literary language, spoken dialect and the phonological problem in Old French. // Transactions of the philological Society 1955. Oxford: Blackwell, 1956. P. 117-180.
- Simoni-Aurembou, M.-R.* Le français régional en Ile-de-France et dans l'Orléanais. // Langue française. 1973. №18. P. 126-136. (In French).
- Simoni-Aurembou, M.-R.* Atlas linguistique et ethnographique de l'île de France et de l'Orléanais (île de France, Orléanais, Perche, Touraine). Paris: CNRS Editions, 1973-1978. 1-2 vol. 687 p.: cartes, ill. (In French).
- Skréлина, L. M.* Histoire de la langue française. Moscou: Vischaya chkola, 1972. 310 p. (In French).
- Skrelina, L. M., Stanovaïa, L. A.* History of the French language. – 3-ème éd. Moscow: Yurayt, 2019. 463 p. (in Russian).
- Stanovaïa, L. A.* Old French morphology and theory of scripta. St-Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia press, 1994. 503 p. (in Russian).
- Stanovaïa, L. A.* La standardisation en ancien français. // The Dawn of the Written Vernacular in Western Europe. M. Goyens, W. Verbeke (eds.). Leuven: Leuven University Press, 2003. P.241-272. (In French).
- Stanovaïa, L. A.* Francien as a stumbling block in history of the French language. // Theoretical and applied linguistics. 2019. № 5 (3). P. 164-199. (in Russian).
- Suchier, H.* Le français et le provençal. Traduction par P. Monet. Paris: Emile Bouillon, éditeur, 1891. 224 p. (In French).
- Suchier, H.* Die französische und provenzalische Sprache und ihre Mundarten. 2. verb. & verm. aufl. Strassburg: Karl J. Trübner, 1906. 130 S. (In German).
- Trotter, D.* «UNE ET INDIVISIBLE»: Variation and Ideology in the Historiography and History of French. // Revue Romane de Linguistique (București). 2006. № LI, 2. P. 359-376.
- Videsott, P.* Les débuts du français à la Chancellerie royale: analyse scriptologique des chartes de Philippe III (1270-1285). // Revue de Linguistique Romane. 2013. T. 77. P. 3-49. (In French).
- Vedenina, L. G.* (dir.). France. Linguistic and Cultural Dictionary. Moscow, AST-Press, 2008. [1997]. 976 p. (in Russian)
- Vorobei, M. S.* (2015). Particularities of the Central French scripta. St-Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia press. 172 p. (in Russian).

АФФИКСАЦИЯ КАК ВИД ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ КОМПОНЕНТОВ DIALEKT/MUNDART

*Инна Валерьевна Сенина,
orcid.org/0000-0001-7371-2170,
кандидат филологических наук
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
ул. Лермонтова, 83
Иркутск, 664074, Россия
innasenina@bk.ru*

*Светлана Юрьевна Позднякова,
orcid.org/0000-0003-0646-6875,
кандидат педагогических наук, доцент
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
ул. Лермонтова, 83
Иркутск, 664074, Россия
darena69@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные виды аффиксации как одного из ведущих механизмов терминообразования на основе компонентов Dialekt/Mundart, являющихся базовыми понятиями немецкой диалектологии. Особое внимание уделяется выявлению продуктивных аффиксов, на базе которых термины способны формировать новые терминологические гнезда. Преимущественное использование аффиксов греко-латинского происхождения, а также аффиксов заимствованных существительных и прилагательных позволяет обозначить тенденцию дальнейшего закрепления заимствованного термина Dialekt в качестве наиболее употребительного.

Ключевые слова: аффиксация, деривация, термин, терминообразование, терминологическое гнездо, диалект, диалектология.

AFFIXATION AS A TYPE OF TERM FORMATION BASED ON COMPONENTS DIALEKT/MUNDART

*Inna V. Senina
orcid.org/0000-0001-7371-2170,
Ph.D. in Philology
Irkutsk National Research Technical University
83, Lemontov street,
Irkutsk, 664074, Russia
innasenina@bk.ru*

*Svetlana Y. Pozdnyakova,
orcid.org/0000-0003-0646-6875,
PhD in Pedagogy, associate professor
Irkutsk National Research Technical University
83, Lemontov street,
Irkutsk, 664074, Russia
darena69@mail.ru*

Abstract. The article deals with the main types of affixation as one of the leading mechanisms of term formation based on the components *Dialekt / Mundart*, which are the basic concepts of German dialectology. The main attention is paid to the identification of productive affixes, on the basis of which terms are able to form new terminological nests. The predominant use of affixes of Greek-Latin origin, as well as affixes of borrowed nouns and adjectives, allows to indicate the tendency for the further consolidation of the borrowed term *Dialekt* as the most commonly used.

Keywords: affixation, derivation, term, term formation, terminological nest, dialect, dialectology.

Терминологический состав каждой науки находится в непрерывном развитии и отражает изменения в развитии этой науки. Немецкая диалектология является сравнительно молодой дисциплиной, её история насчитывает больше двухсот лет. О бурном развитии науки о диалектах свидетельствует возникновение большого числа терминологической лексики в последние десятилетия, а исследование этой лексики и механизмов её образования неразрывно связано с изучением самой науки.

Целью данной статьи является изучение и систематизация аффиксального способа терминообразования на производящей основе *Dialekt/Mundart*, которая представляет собой базовые термины немецкой диалектологии.

Материалом исследования являются немецкие научные тексты по диалектологии, опубликованные в период с 1774 по 2020 г.

Методологическая основа включает в себя применение методов сравнительно-исторического и типологического анализа. Системный подход даёт возможность изучения особенностей формирования терминологических полей.

Деривационные процессы определяют отношения в языке. Деривация как один из ведущих механизмов терминообразования представляет собой «глобальный процесс создания и моделирования любых вторичных и последующих единиц, сущностей и феноменов» [Арутюнова, 2020, с. 77]. Важно отметить, что мы рассматриваем, в первую очередь, словообразовательную деривацию, согласно которой новый термин создаётся с помощью словообразовательных аффиксов на основе базовых компонентов *Dialekt/Mundart*. Несмотря на то, что за всю историю науки о диалектах существовало множество попыток разграничить значение этих терминов, в науке укоренилось их синонимичное использование для обозначения понятия «диалект» [Меркурьева, 2004, с. 16]. При этом только анализ терминообразования на основе компонентов *Dialekt/Mundart* позволяет сравнить их деривационные возможности формировать новые терминологические гнёзда.

Обратим внимание, что учёные по-разному трактуют принадлежность связанной морфемы к определённому классу. Так, Словарь словообразовательных элементов ... относит морфему *tief-* к разряду продуктивных частотных полупрефиксов прилагательных, который усиливает значение основного прилагательного [Словарь

словообразовательных ..., 2000, с. 410], а Duden рассматривает её как составную часть сложного прилагательного. Расхождения есть также и в классификации видов аффиксального способа терминообразования. М.Д. Степанова выделяет префиксацию и полупрефиксацию как отдельные виды и полагает, что префиксальный способ «следует рассматривать как особый тип словообразования» [Степанова, 1953, с. 79]. Мы вслед за С.В. Гринёвым-Гриневичем выделяем три основных способа аффиксации: суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный [Гринёв-Гриневич, 2008, с. 129-135] и включаем в них полупрефиксальный и сложносуффиксальный способы.

1. Суффиксальный способ. При образовании терминов на базе производящей основы *Dialekt/Mundart* используется сравнительно небольшое количество суффиксов, что объясняется ограничением выборки терминологической лексики. Образование прилагательных осуществляется с помощью следующих суффиксов, сложных суффиксов и полусуффиксов:

- al: *dialektal* – диалектный;
- fest: *dialektfest* – диалектно устойчивый, уверенный в использовании диалекта;
- lich: *mundartlich* – диалектный;
- ig: *mundartig* – диалектный;
- isch: *dialektisch* – диалектный;
- haltig: *dialekthaltig* – диалектно устойчивый, уверенный в использовании диалекта;
- frei: *dialektfrei* – недиалектный, без диалектного акцента;
- arm: *dialektarm* – обладающий малой степенью диалектной окрашенности;
- artig: *dialektartig* – диалектный;
- fremd: *dialektfremd, mundartfremd* – чуждый диалекту;
- haft: *dialekthaft* – диалектно устойчивый, уверенный в использовании диалекта;
- los: *dialektlos* – недиалектный; без диалектного акцента
- reich: *dialektreich, mundartreich* – обладающий большой степенью диалектной окрашенности
- sicher: *dialektsicher* – диалектно устойчивый, уверенный в использовании диалекта;
- freundlich: *dialektfreundlich* – дружелюбный по отношению к диалекту;
- feindlich: *dialektfeindlich* – враждебный по отношению к диалекту;
- fern: *dialektfern* – далёкий от диалекта.

На примере суффиксального образования терминов прослеживаются целые терминологические ряды синонимов, образованных с помощью разных суффиксов, например: *диалектный* (*dialektal, mundartlich, mundartig, dialektisch*), *диалектно устойчивый* (*dialekthaft, dialektsicher*) или *недиалектный* (*dialektfrei, dialektlos*). Большая часть этой лексики остаётся продуктивной в настоящее время. Так, в значении «диалектный» чаще всего выступают прилагательные *dialektal* и *mundartlich*, о чём свидетельствует

большое количество образованных на их основе терминологических словосочетаний: *dialektale Barriere* (диалектный барьер), *dialektales Corpus* (диалектный корпус), *dialektale Gliederung* (диалектное членение), *dialektale Interferenz* (диалектная интерференция), *dialektales Kontinuum* (диалектный континуум), *dialektales Merkmal* (диалектный признак), *dialektaler Nullplural* (диалектное образование множественного числа с отсутствием суффикса мн. ч.), *dialektale Region* (диалектный регион), *dialektale Übergangszone* (диалектная переходная зона), *dialektal gefärbt* (диалектно окрашенный), *dialektal markiert* (диалектно маркированный), *mundartliche Dehnung* (диалектное удлинение гласного), *dialektaler Umlaut* (диалектный умлаут), *dialektale Normallautung* (произношение в пределах диалектной нормы), *mundartlicher Lautstand* (диалектный звуковой строй), *mundartliche Herkunft* (диалектное происхождение), *mundartliche Koine* (диалектное койне), *mundartliche Kompetenz* (диалектная компетенция), *mundartliche Realisierung* (диалектная реализация), *mundartliche Spuren* (диалектные следы), *mundartlich instabil* (диалектно нестабильный) и многие другие.

Прилагательное *dialektisch* считается устаревшим в одном из своих значений «диалектный». Терминологические словосочетания с данным компонентом использовались в XIX в. в трудах Й. Шмеллера [Schmeller, 1821, S. 284], Я. Гримма [Grimm, 1880, S. 72]: *dialektische Eigenheiten* (диалектные особенности), *dialektische Angewöhnung* (диалектное привыкание), *dialektische Entstellung* (диалектное искажение), *dialektische Merkmale* (диалектные признаки); очень редко – в XX в. в трудах Ф. Вреде [Wrede, 1915, S. 54], Й. Гёшеля [Göschel, 1973, S. 6] и некоторых др.: *dialektische Grenze* (диалектная граница), *dialektischer Sprachstoff* (диалектный языковой материал). Например:

"Und zu diesen Fehlern kommen noch andere, zum Theil auffallendere, die gerade erst aus dem Conflict zwischen den beständigen Anwandlungen dialektischer Angewöhnung und dem Bestreben, den geschrieben vorliegenden Buchstaben recht genau einzuhalten, hervorgehen" («Помимо данных ошибок встречаются ещё и другие, иногда более бросающиеся в глаза, которые возникают в первую очередь из конфликта между стойким порывом диалектного привыкания и стремлением точно придерживаться написанным буквам» – здесь и далее перевод наш, И.В., С.Ю.) [Schmeller, 1835, S. 760].

С. Хансен отмечает, что употребление данного прилагательного является ошибочным и непонятным, поскольку не ясно, является ли *dialektisch* производным от слова *Dialektik* (диалектика) или *Dialekt* (диалект) [цит. по Diebner, 2014, S. 1].

Устаревшим считается также прилагательное *mundartig*, которое мы встречаем в работе Я. Гримма:

"Inlautenden Wechsel zwischen wehendem und hauchendem laut gewahre ich in ahd. mundartig verschiedenen denkmälern zuweilen, nicht häufig" («Изменение срединного звука между дующим и шепчущим звуком в древневерхненемецких диалектно различных памятниках я замечаю иногда, не часто») [Grimm, 1880, S. 214].

В настоящее время слово *mundartig* используется лишь в качестве производной основы термина *Zweimundartigkeit* (бидиалектизм), который, в свою очередь, часто заменяется синонимом *Bidialektismus*.

Таким образом, вытеснение терминов «*dialektisch*» и «*mundartig*» их однозначными соответствиями *dialektal/mundartlich* позволяет нам говорить о большой продуктивности суффиксов -al, -lich и архаизации суффикса -isch в составе с компонентом *Dialekt*.

Образование существительных происходит с помощью следующих суффиксов и полусуффиксов:

- oid: *Dialektoid* – диалектоид;
- ologie: *Dialektologie* – диалектология;
- freund: *Dialektfreund* – сторонник диалекта, любитель диалекта;
- ismus, -asmus: *Dialektismus* – диалектизм;
- kunde: *Mundartenkunde* – диалектология;
- loge: *Dialektologe* – диалектолог;
- meter: *Dialektometer* – диалектометр, специалист в области диалектометрии;
- metrie: *Dialektometrie* – диалектометрия;
- graphie: *Dialektographie* – диалектография.

Важно обратить внимание, что термин *Dialektologie* в составе с суффиксом -logie в своём историческом развитии не сразу обозначал науку о региональных разновидностях языка. Мы фиксируем употребление данного термина в названии словаря Рихеи "Dialectologia Hamburgensis", oder Versuch einer regelförmigen Bemerkung des Eigenen, wodurch sich unsere Mund-Art von anderen, insonderheit von der Ober-Sächsischen, unterscheidet" («Гамбургская диалектология или опыт регулярного наблюдения, чем отличается наш диалект от других, в особенности от верхнесаксонского») 1755 г. Однако У. Кнуп отмечает, что автор не употребляет данное слово в своём актуальном значении как наименование научной отрасли языкознания, а использует его как представление звукового состава языка [Кноор, 1982, S. 10]. Для обозначения науки диалектологии на начальном этапе её становления использовались такие термины, как *Dialektforschung*, *Dialektsforschung*, *Mundartforschung*, *Mundartenkunde*. Колебания в использовании данных терминов прослеживаются в названии журнала о немецких региональных языковых вариантах:

1900-1905: *Zeitschrift für hochdeutsche Mundarten* (ZHdM) (Журнал верхненемецких диалектов)

1906-1924: *Zeitschrift für deutsche Mundarten* (ZDM) (Журнал немецких диалектов)

1924-1935: *Teuthonista. Zeitschrift für deutsche Dialektforschung und Sprachgeschichte* (Журнал немецкой диалектологии и истории языка)

1935-1969: *Zeitschrift für Mundartforschung* (ZMF) (Журнал диалектологии)

с 1969: *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik* (ZDL) (Журнал диалектологии и лингвистики) [Hertel, 2014, S. 6].

Суффиксальным способом образуется глагол *dialektieren* – говорить или произносить на диалекте.

Сложносуффиксальный способ представлен путём добавления к основе двух и более суффиксов:

Dialektalisierung – диалектизация;

Dialektisierung – диалектизация;

Dialektalität – диалектность;

Mundartigkeit – диалектность;

Mundartlichkeit – диалектность.

Важно отметить, что понятие «диалектность», которое обозначает «расхождение между литературной и региональной формами языка, определяемое наличием и количеством фонетических и грамматических диалектных признаков» [Сенина, 2020, с. 107], возникло ещё на начальных этапах становления науки о диалектах и долгое время обозначалось терминами, образованными суффиксальным способом от немецкой основы *Mundart*: *Mundartigkeit*, *Mundartlichkeit*. Лишь в конце XX в. в научный обиход вошли такие слова, как *Dialektalität* или *Dialektizität*. Анализ сложных терминов и терминологических словосочетаний на основе компонентов *Dialekt*/*Mundart* показал, что наиболее продуктивным оказался образованный сложносуффиксальным методом на заимствованной основе термин *Dialektalität*: *Dialektalitätsgeographie* (география диалектности), *Dialektalitätsprofil* (профиль диалектности), *Dialektalitätsareal* (ареал диалектности), *Dialektalitätsniveau* (уровень диалектности), *Dialektalitätseinschätzung* (оценка диалектности), *Dialektalitätswert* (общее значение диалектности), *dialektalitätsbeeinflussender Parameter* (параметр, влияющий на диалектность), *Dialektalitätsindexwert* (значение индекса диалектности), *externe Dialektalität* (внешняя диалектность), *interne Dialektalität* (внутренняя диалектность), *potentielle Dialektalität* (потенциальная диалектность), *subjektive Dialektalität* (субъективная диалектность), *synchrone Dialektalitätsmessung* (синхронное измерение диалектности), *objektive Dialektalitätsmessung* (объективное измерение диалектности), *Dialektalitätswertberechnung* (измерение общего значения диалектности), *subjektive Dialektalitätshierarchie* (субъективная иерархия диалектности) и др.

Нами было зафиксировано употребление термина *Dialektizität* в значении «диалектность» в трудах Х. Гоебла:

«Die fragliche Dialektizität kann demnach als mehr oder weniger gut, akzeptiert, "im Trend liegend", anpassungsfähig, durchsetzungskräftig etc. betrachtet werden» («Упомянутая диалектность может быть рассмотрена как более или менее хорошая, принятая, популярная, способная приспособливаться и реализоваться и т.д.») [Goebel, 2005, S. 508]

Однако сложно говорить об употребительности данного термина в связи с отсутствием больших терминологических рядов, образованных от данного слова. Мы полагаем, одной из причиной может являться связь суффикса *-izität*, образуемого от прилагательных с суффиксом *-isch*

[Fleischer, 1971, S.177] (например, *klassisch* → *Klassizität*, *logisch* → *Logizität*, *historisch* → *Historizität*), а, как мы уже указывали выше, прилагательное *dialektisch* считается устаревшим в своём значении «диалектный». Тем не менее, термин *Dialektizität* является сравнительно новым в немецкой диалектологии, и о его возможностях создавать терминологические ряды и гнезда говорить пока преждевременно.

2. Префиксальный способ.

Префиксальным способом образуются следующие термины с компонентом *Dialekt/Mundart*:

Groß-: *Großdialekt*, *Großmundart* – основной, надрегиональный диалект;

Grund-: *Grunddialekt*, *Grundmundart* – базисный диалект, «чистый» диалект;

Haupt-: *Hauptdialekt*, *Hauptmundart* – основной, надрегиональный диалект;

Inter-: *Interdialekt* – интердиалект;

Mit-: *Mit-Dialekt* – второй диалект, сопутствующий диалект;

Mono-: *Mono-Dialekt* – монодиалект;

Neben-: *Nebemundart* – второй диалект, сопутствующий диалект;

Ober-: *Oberdialekt* – основной, надрегиональный диалект;

Proto-: *Protodialekt*, *Proto-Mundart* – протодиалект, прадиалект;

Meso-: *Mesodialekt* – мезодиалект;

Pseudo-: *Pseudodialekt* – псевдодиалект, квазидиалект;

Quasi-: *Quasidialekt* – псевдодиалект, квазидиалект;

Unter-: *Unterdialekt*, *Untermundart* – подчинённый диалект, субдиалект;

Ur-: *Urdialekt* – протодиалект, прадиалект;

Sub-: *Subdialekt* – подчинённый диалект, субдиалект.

Добавление префикса к основе *Dialekt/Mundart* позволяет обозначить соотношение региональных разновидностей: *Nebemundart*, *Mit-Dialekt*, *Interdialekt*, *Mesodialekt* указывают на сосуществование или продукт взаимодействия некоторых форм диалекта; подчинительную связь между диалектами обозначают такие термины, как *Hauptdialekt*, *Oberdialekt*, *Unterdialekt*, *Subdialekt*; историческую форму диалекта определяют *Urdialekt*, *Protodialekt*; мнимый или ложный региональный вариант языка – *Quasidialekt*, *Pseudodialekt*.

Важно отметить, что из всего корпуса исследуемой лексики нами было выделено лишь небольшое количество образованных префиксальным способом терминов. Гораздо шире данный способ представлен в совокупности с суффиксальным методом терминообразования.

3. Префиксально-суффиксальный способ. С помощью сочетания префиксального и суффиксального методов образуются

1) прилагательные:

binnendialektal – диалектный в границах ФРГ;

übermundartlich – наддиалектный;

polydialektal – полидиалектный, многодиалектный;

hyperdialektal – гипердиалектный;

monodialektal – монодиалектный;
multidialektal – мультидиалектный, многодиалектный;
pseudodialektal – псевдодиалектный;
bidialektal – бидиалектный, двухдиалектный;
grunddialektal – базисно диалектный;
grundmundartlich – базисно диалектный;
supradialekt – наддиалектный;
tridialektal – трёхдиалектный, тридиалектный;
interdialektal – междиалектный;
intradialektal – внутридиалектный, интрадиалектный;
tiefdialektal – глубоко диалектный;

2) существительные:

Vermundartlichung – диалектизация;
Redialektalisierung – редиалектизация;
Entdialektalisierung – дедиалектизация;
Mehrdialektalität – многодиалектность;
Bidialektismus – бидиалектизм;
Hyperdialektalität – гипердиалектность;
Hyperdialektismus – гипердиалектизм;
Pseudodialektismus – псевдодиалектизм;
Tridialektalität – тридиалектность и др.;

3) глагол

vermundartlichen – диалектизировать;

4) причастия:

scheindialektisiert – ложно диалектизированный;
hyperdialektalisierend – гипердиалектизированный;
redialektisiert – редиалектизированный;
entdialektalisiert – дедиалектизированный.

Синонимические ряды терминов образуются с помощью следующих моделей:

1) немецкий аффикс – немецкий аффикс:

grunddialektal – *tiefdialektal*;
Hauptdialekt – *Großdialekt* – *Oberdialekt*;
Nebendialekt – *Mit-Dialekt*;
dialektlos – *dialektfrei*;

2) аффикс греко-латинского происхождения – аффикс греко-латинского происхождения:

Interdialekt – *Mesodialekt*;
Quasidialekt – *Pseudodialekt*;

3) немецкий аффикс – аффикс греко-латинского происхождения:

Urdialekt – *Protodialekt*;
Unterdialekt – *Subdialekt*;
scheindialektisiert – *quasi-dialektiert*;
überdialektal – *supradialektal*;

4) аффикс – компонент сложного слова:

multidialektal, polydialektal – mehrdialektal;
grunddialektal, tiefdialektal – basisdialektal;
Bidialektismus – Zweimundartigkeit;
Monodialekt – Einzeldialekt;
Interdialekt – Mischdialekt;

3) аффикс – компонент терминологического словосочетания:

Nebendialekt – sekundärer Dialekt.

Как уже было сказано выше и показано на примере формирования различных терминологических гнезд, некоторые термины из представленных синонимических рядов представляются более продуктивными и употребительными. Однако вопрос о том, будут ли все слова в этих рядах в дальнейшем использоваться в качестве синонимов или один из вариантов будет признан устаревшим, остаётся вопросом времени. На данном этапе развития терминологии ставится задача лишь указать на основные тенденции в употреблении той или иной терминологической единицы.

Следует также обратить внимание, что некоторые терминологические единицы, употребляемые с префиксами греко-латинского происхождения, не имеют равнозначных эквивалентов с немецкими префиксами: *hyperdialektal, intradialektal, tridialektal*. Для обозначения отрицания в сочетании с *Dialekt/Mundart* диалектологи используется немецкий префикс *nicht-*:

Nicht-Dialekt – недиалектная разновидность языка, «не-диалект»;

Nicht-Mundart – недиалектная разновидность языка, «не-диалект»;

nicht-dialektkompetent – некомпетентный в области диалекта;

nichtdialektal – недиалектный.

При этом отдельное написание *nicht* и написание через дефис варьируются у разных авторов (здесь и далее выделено нами, – И.В., С.Ю.):

"Um den Einfluss basisdialektaler Kompetenz auf die situative Sprachlagenwahl und auf die Quantität der Sprachlagen prüfen zu können, werden je zur Hälfte dialektkompetente und **nicht-dialektkompetente** Sprecher berücksichtigt" («Чтобы суметь проверить влияние базиснодиалектной компетенции на ситуативный выбор и качество положения языка, компетентные и некомпетентные в области диалекта учитываются в равных долях») [Elementaler, 2006, S. 23].

"In dem ersten Beispiel unterhalten sich vier Dialektsprecher (Alfons, Fritz, Günther, Werner) und ein **nicht dialektkompetenter** Sprecher (Jürgen)" («В первом примере общаются четыре носителя диалекта (Альфонс, Фритц, Гюнтер, Вернер) и некомпетентный в области употребления диалекта (Юрген») [Denkler, 2007, S. 170].

Латинское соответствие *in-* встречается только в сложных словах перед вторым компонентом:

dialektinkompetent – некомпетентный в области диалекта.

Отметим, что термины, построенные на базе греко-латинских элементов, имеют большой удельный вес в научной терминологии «в связи с интернационализацией языка науки 20 в.» [Васильева, 1998, с. 509]. При образовании новых терминов на основе компонентов *Dialekt/Mundart*

наблюдается тенденция предпочтительного употребления префиксов латинского и греческого происхождения, которые распределяются на следующие группы:

1) префиксы, которые сигнализируют положение в пространстве:

hyper- – *hyperdialektal*, *hyperdialektalisierend*, *Hyperdialektalität*;

inter- – *interdialektal*;

intra- – *intradialektal*;

supra- – *supradialektal*;

2) префиксы, выражающие числовые данные, служат для обозначения числа региональных разновидностей языка при образовании производных терминологических единиц:

mono- – *monodialektal*;

bi- – *bidialektal*;

tri- – *tridialektal*, *Tridialektalität*;

multi- – *multidialektal*;

poly- – *polydialektal*.

Большой интерес представляют термины, образованные на основе префикса *inter-*, который определяет отношения между двумя региональными вариантами в сочетании с основой *Dialekt*: *interdialektale Advergenz* (междиалектное сближение), *interdialektale Ähnlichkeit* (междиалектное сходство), *interdialektale Ausgleichsbestrebung* (междиалектные усилия по выравниванию), *interdialekte Beeinflussungen* (междиалектные влияния), *interdialektales Code-Switching* (междиалектное переключение кодов), *interdialekte Kontakte* (междиалектные контакты), *interdialektale Konvergenz* (междиалектная конвергенция), *interdialektaler Switchingprozess* (процесс междиалектного переключения), *interdialektale Überlagerungsbestrebung* (междиалектное стремление к наложению), *interdialekte Verständigung* (междиалектное понимание), *interdialektale Verständlichkeit* (междиалектная понятность) и др. Однако в термине *Interdialekt* он выступает как результат взаимодействия двух диалектов – смешанный вариант или «интердиалект», который применяют в случае, если необходимо понять носителя другого диалекта из той же диалектной области.

Использование интернациональных терминоэлементов для образования терминологической лексики с компонентами *Dialekt/Mundart* зафиксировано с начала 80-х гг. XX в., однако, в последнее десятилетие учёные более активно используют их не только для образования новых слов, но и целых терминологических гнезд: *tridialektal* (тридиалектный); *Tridialektalität* (тридиалектность); *tridialektale Interferenz* (тридиалектная интерференция); *tridialektaler Charakter* (тридиалектный характер), *tridialektales Code-Mixing* (тридиалектное смешивание кодов), *tridialektales Gebiet* (тридиалектная область), *tridialektale Interferenzgebiet* (тридиалектная область интерференции), *tridialektaler Raum* (тридиалектная область), *tridialektales Mixing* (тридиалектное смешивание) [Neu, 2012].

Особый интерес представляет толкование В. Флейшером сложного суффикса *-isieren*: «*sie ist heute ganz neutral und wird bei neueren Bildungen von*

fremdsprachlicher Basis bevorzugt» («сегодня он совершенно нейтрален и предпочтительно употребляется в новых образованиях на базе слов иностранного происхождения» [Fleischer, 1971, S. 293]. Примером данного утверждения могут служить термины *scheindialektisiert* (иллюзорно диалектизированный) или *hyperdialektalisierend* (гипердиалектизированный), *redialektisiert* (реддиалектизированный).

Из приведённых примеров представляется очевидным, что греко-латинские префиксы используются преимущественно в составе с компонентом греческого происхождения *Dialekt*, а не его немецким эквивалентом *Mundart*. Кроме того, большая часть терминов и терминологических сочетаний образуется на основе аффиксов, которые характеризуются как префиксы, полупрефиксы и суффиксы заимствованных слов: *-al*, *-ieren*, *-oid*, *-ität* и др. [Словарь словообразовательных ..., 2000]. Принимая во внимание данные аспекты, можно объяснить популяризацию термина *Dialekt*, а также предположить, что его деривационные возможности в дальнейшем будут увеличиваться.

Следует обратить внимание, что последние исследования словообразовательных элементов в рамках когнитивной лингвистики отмечают приоритетное использование тех или иных аффиксов в зависимости от субъективных факторов и авторских предпочтений [Petré, 2020, p. 204], в связи с чем проблема аффиксального терминообразования остаётся актуальной и приобретает новые аспекты для последующего изучения.

Принадлежность термина к той или иной научной области определяется, главным образом, его устойчивостью. При способности термина создавать терминологические ряды можно говорить о его употребительности и прогнозировать дальнейшее развитие данного термина и использование его как основу для будущего терминопроизводства. Единичные термины, которые не закрепились в научном обиходе, могут остаться окказиональными и по праву быть причислены к разряду предтерминов [Сенина, 2019, с. 96]. Поскольку в рамках нашего исследования за производящую основу были взяты базовые термины *Dialekt/Mundart*, были установлены основные тенденции в употреблении различных аффиксов, некоторые из которых показали себя более продуктивными и устойчивыми, другие менее употребительными или даже устаревшими в составе с данными компонентами.

Исследование проблемы терминообразования с помощью аффиксации позволяет не только систематизировать большое количество неологизмов в области диалектологии немецкого языка, образованных на основе компонентов *Dialekt/Mundart*, но и выявить тенденции в их употреблении. Несмотря на то, что термины *Dialekt/Mundart* употребляются синонимично, анализ их деривационных возможностей позволил установить определённые различия в их способностях формировать большие терминологические гнезда. В целом каждый из компонентов *Dialekt/Mundart* представляет собой

ядро развитого и продолжающего развиваться терминологического гнезда, одно из которых является своеобразным отражением другого.

Библиографический список

- Арутюнова, Т. С.* Терминологическая деривация как основной механизм формирования терминологии предметной области «социология семьи» в английском языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 3. С. 76-83.
- Васильева, Н. В.* Термин // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 508-509.
- Гринёв-Гриневич, С. В.* Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
- Меркурьева, В. Б.* Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах (отношения комплементарности и изоморфизма). Иркутск: издательство ИГЛУ, 2004. – 346 с.
- Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зувев, И. Д. Молчанова, Р. З. Мурашов и др.; Под рук. М. Д. Степановой. 2-е изд., стерео-тип. М.: Рус. яз., 2000. 536 с.
- Степанова, М. Д.* Словообразование современного немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 376 с.
- Сенина, И. В.* К вопросу о разграничении понятий «термин» и «предтермин» (на материале немецкой терминологии в области диалектологии) [Электронный ресурс] // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». 2019. № 1. С. 90-99. URL: <http://ce.if-mstuca.ru/wp-content/uploads/2019/01/senina.pdf> (дата обращения: 19.10.2020)
- Denkler, M.* Code-switching in Gesprächen münsterländischer Dialektsprecher. Zur Sprachvariation beim konversationellen Erzählen // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Bd. 74, Heft 2+3. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2007. S. 164-195.
- Diebner, B. J.* Vorwort der Herausgeber // Mundart in der Kirche: Möglichkeiten und Grenzen; hrsg. von B. J. Diebner, H. Kröger, M. Mergel. Bd. 1. Berlin: Lit Verlag Dr. W. Hopf, 2014. S. 1-5.
- Elmentaler, M.* Sprachlagenspektren im arealen Vergleich // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Band 73, Heft 1. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006. S. 1-26.
- Fleischer, W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1971. 327 S.
- Goebel, H.* Gebiete und Phänomene: Geolinguistik und Dialektologie // Quantitative Linguistik: ein internationales Handbuch; hrsg. von R. Köhler, G. Altmann, R. Piotrowski. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG., 2005. S. 498-531.
- Göschel, J.* Strukturelle und instrumentalphonetische Untersuchungen zur gesprochenen Sprache. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1973. 327 S.
- Grimm, J.* Geschichte der deutschen Sprache. Bd. 1. Leipzig: Hirzel, 1880. 564 S.
- Hertel, V.* Einführung in die Dialektologie // [Электронный ресурс] – 2014 URL: <http://docplayer.org/14929043-Einfuehrung-in-die-dialektologie.html> (дата обращения: 11.08.17)
- Knoop, U.* Das Interesse an den Mundarten und die Grundlegung der Dialektologie // Dialektologie: Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. I. Halbband; hrsg. von W. Besch, U. Knoop, W. Putschke, H. E. Wiegand. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1982. S. 1-23.
- Neu, D.* Ein Sprecher – mehrere Dialekte. Code-Mixing und Code-Switching im tridialektalen Raum um Dinkelsbühl. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades (Dr. phil.) der Sprach- und Literaturwissenschaftlichen Fakultät der Katholischen Universität Eichstätt-Ingolstadt. Eichstätt, 2014. 309 S.

- Petré, P. Individuality in complex systems: A constructionist approach / P. Petré, L. Anthonissen // *Cognitive Linguistics* 2020, 31 (2). P. 185-212.
- Schmeller, J. A. Die Mundarten Bayerns: grammatisch dargestellt. München: Thienemann, 1821. 568 S.
- Schmeller, J. A. Ueber Quantität im bayrischen und einigen andern oberdeutschen Dialekten, verglichen mit der in der jetzigen und in der ältern hochdeutschen Schriftsprache // [Электронный ресурс] – 1835. URL: https://books.google.ru/books?id=ZUsAAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 20.08.17).
- Wrede, F. Deutsche Dialektgeographie. Marburg: N.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1915. – 89 S.

References

- Arutyunova, T. S. *Terminologicheskaya derivatsiya kak osnovnoy mekhanizm formirovaniya terminologii predmetnoy oblasti «sotsiologiya sem'i» na angliyskom yazyke* (Terminological derivation as the main mechanism for the formation of the terminology of the subject area "family sociology" in English), *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauk.*, 2020, 3, pp. 76-83. (In Russian)
- Vasil'yeva, N. V. *Termin* (Term) *Yazykoznanie*. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998, pp. 508–509. (In Russian)
- Grinov-Grinevich, S. V. *Terminovedeniye* (Terminology science). Moscow, Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2008, 304 p. (In Russian)
- Merkur'yeva, V.B. *Dialekt i literaturnyy yazyk v nemetskoyazychnykh dramakh (otnosheniya komplementarnosti i izomorfizma)* (Dialect and literary language in German-language dramas (relationship of complementarity and isomorphism)). Irkutsk, izdatel'stvo IGLU, 2004, 346 p. (In Russian)
- Senina, I. V. *K voprosu o razgranichenii ponyatiy «termin» i «predtermin» (na materiale nemetskoy terminologii v oblasti dialektologii)* (To the question of differentiation of the concepts "term" and "pre-term" (on material of the german terminology in the field of dialectology)), *Credo Experto*, 2019, 1, pp. 90-99. available at: <http://ce.if-mstuca.ru/wp-content/uploads/2019/01/senina.pdf> (In Russian)
- Stepanova, M. D. *Slovoobrazovaniye sovremennogo nemetskogo yazyka*. (Word formation of the modern German language). Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1953, 376 p. (In Russian)
- Zuyev, A.N., Molchanova I.D., Muryasov, R. Z., *Slovar' slovoobrazovatel'nykh elementov nemetskogo yazyka* (Dictionary of word-formation elements of the German language) Moscow, Rus. yaz., 2000, 536 p. (In Russian)
- Denkler, M. Code-switching in Gesprächen münsterländischer Dialektsprecher. Zur Sprachvariation beim konversationellen Erzählen, *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. Bd. 74, Heft 2+3., Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2007, pp. 164–195. (In German)
- Diebner, B. J. Vorwort der Herausgeber, *Mundart in der Kirche: Möglichkeiten und Grenzen*; hrsg. von B. J. Diebner, H. Kröger, M. Mergel. Bd. 1. Berlin, Lit Verlag Dr. W. Hopf, 2014, pp. 1–5. (In German)
- Elementaler, M. Sprachlagenspektren im arealen Vergleich, *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, Band 73, Heft 1. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2006. pp. 1–26. (In German)
- Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1971. 327 P. (In German)
- Goebel, H. Gebiete und Phänomene: Geolinguistik und Dialektologie, *Quantitative Linguistik: ein internationales Handbuch*. Berlin, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG., 2005, P. 498–531. (In German)

- Göschel, J. Strukturelle und instrumentalphonetische Untersuchungen zur gesprochenen Sprache. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1973, 327 P. (In German)
- Grimm, J. Geschichte der deutschen Sprache. Bd. 1. Leipzig, Hirzel, 1880. 564 P. (In German)
- Hertel, V. Einführung in die Dialektologie, 2014. available at: <http://docplayer.org/14929043-Einfuehrung-in-die-dialektologie.html> (In German)
- Knoop, U. Das Interesse an den Mundarten und die Grundlegung der Dialektologie, *Dialektologie: Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1982. P. 1–23. (In German)
- Neu, D. Ein Sprecher – mehrere Dialekte. Code-Mixing und Code-Switching im tridialektalen Raum um Dinkelsbühl. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades (Dr. phil.) der Sprach- und Literaturwissenschaftlichen Fakultät der Katholischen Universität Eichstätt-Ingolstadt. Eichstätt, 2014. 309 P. (In German)
- Petré, P., Anthonissen, L. Individuality in complex systems: A constructionist approach, *Cognitive Linguistics* 2020, 31 (2). P. 185-212.
- Schmeller, J. A. Die Mundarten Bayerns: grammatisch dargestellt. München, Thienemann, 1821. 568 P. (In German)
- Schmeller, J. A. Ueber Quantität im bayrischen und einigen andern oberdeutschen Dialekten, verglichen mit der in der jetzigen und in der ältern hochdeutschen Schriftsprache, 1835. available at: https://books.google.ru/books?id=ZUsAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (In German)
- Wrede, F. Deutsche Dialektgeographie. Marburg, N.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1915. 89 P. (In German)

УДК 809.423-3

ББК Ш164.2-33

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_132

**К ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТА УХЭЛ ‘СМЕРТЬ’ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Татьяна Бороевна Тагарова,
orcid.org/0000-0002-6581-035X,
доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет,
ул. Ленина, 8
Иркутск, 664003, Россия
boroevna@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрен концепт *ухэл* ‘смерть’, вербализованный фразеологическими единицами (ФЕ) бурятского языка, в лингвокультурологическом аспекте. Выявлены отличия в понимании концепта *ухэл* ‘смерть’ в бурятской наивной картине мира и научном типе сознания, заключающиеся в вере в существование жизни души после смерти в языковой картине мира бурят и отрицании этого в научной картине мира. Бытование ФЕ со значением смерти демонстрирует связь с древними обрядовыми действиями по погребению покойного, что подтверждается в общемонгольском памятнике письменности «Сокровенное сказание монголов» 1240 г. Наивная картина мира носителей бурятского языка-буддистов посредством ФЕ отражает понимание смерти как перехода на другой уровень жизни в новом физическом теле, однако последующая жизнь зависит от предыдущего образа жизни. Мировидение шаманистов также сводится к вере в загробную жизнь, но в существование в виде бестелесного духа. Фразеологическое значение развивается путем метонимизации и метафоризации из исходного свободного словосочетания. При этом отмечается более значимая роль денотата. Выявляется яркая функционально-стилистическая дифференциация ФЕ о смерти. Семантическое поле *ухэл* ‘смерть’ демонстрирует широту функций данной лексемы.

Ключевые слова: бурятский язык, концепт ‘смерть’, лингвокультурология, фразеологическая единица, языковая картина мира, научная картина мира, шаманистический, буддизм.

**ON PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT
UKHEL ‘DEATH’ IN THE BURYAT LANGUAGE**

*Tatiana B. Tagarova
orcid.org/0000-0002-6581-035X
Doctor of Philology, Professor,
Irkutsk State University,
Lenin Street, 8
Irkutsk, 664003, Russia,
boroevna@yandex.ru*

Abstract. The paper considers the concept *ukhel* 'death' verbalized by phraseological units of the Buryat language in the linguoculturological aspect. Differences in understanding of the concept *ukhel* 'death' in the Buryat naive view of the world and the scientific type of consciousness, namely, the belief in the existence of the soul after death in the linguistic view of the world and its denial in the scientific world-image are revealed. The existence of phraseological units with the meaning of death demonstrates the connection with the ancient ritual actions for the burial of the deceased, which is confirmed in the Mongolian literary work "The Secret History of the Mongols" in 1240. The naive view of the world of Buryat speakers-Buddhists through phraseological units reflects the understanding of death as a transition to another level of life, in a new physical body, but the subsequent life depends on the previous way of life. The worldview of shamanists is also reduced to the belief in an afterlife, but in the existence of a disembodied spirit. Phraseological meaning is developed by metonymization and metaphorization from the original free phrase. At the same time, a more significant role of the denotation is noted. A bright functional and stylistic differentiation of the phraseological unit about death is revealed. The semantic field *ukhel* 'death' demonstrates the breadth of the functions of this lexeme.

Keywords: Buryat language, the concept 'death', linguoculturology, phraseological unit, linguistic view of the world, scientific world-image, shamanistic, Buddhism.

Введение

В последнее время в отечественном языкознании наблюдается ярко выраженный интерес к изучению концептов, чему посвящены исследования Е.С. Кубряковой, В.И. Карасика [Антология концептов, 2007], И.А. Стернина [Антология концептов, 2007], З.Д. Поповой, С.Г. Воркачева, Г.Г. Слышкина, В.З. Демьянкова, М.В. Пименовой, Е.А. Пименова, Н.Н. Болдырева, А.П. Бабушкина, А.В. Кравченко, Ю.С. Степанова, Н.Ф. Алефиренко и др.

Актуальность данной работы обусловлена отсутствием многостороннего анализа языковых единиц, представляющих концепт *үхэл* 'смерть' в рамках лингвокультурологии с целью постижения языковой картины мира. Также вызывает интерес тот факт, что лексема *үхэл* 'смерть' широко используется для обозначения явлений, не связанных напрямую с реалиями и смерти. И это свидетельствует о неоднозначности, многомерности этой языковой единицы (*үхэһэн хүнһөө нэхэхэ* ≈ вчерашний день искать (букв. у умершего выпытывать); *үхэһэн мяхан* ≈ в стельку пьян (букв. мертвое мясо) и т.д.

Объект исследования – концепт *үхэл* 'смерть'. В качестве предмета исследования выступает фразеологическая репрезентация концепта *үхэл* 'смерть' в бурятской языковой картине мира.

Цель работы состоит в попытке реконструкции концепта *үхэл* 'смерть' как фрагмента национальной картины мира, вербализуемой посредством ФЕ и их компонентов, в определении языковых признаков данного концепта.

Материал и методы

Материалом исследования явились бурятские и русские фразеологические словари.

Выбор ФЕ в качестве материала обусловлен их способностью отражать исторический опыт народа, давать информацию о тех знаниях, которыми

располагает культура. В работе использовались семантический, контекстуальный, сопоставительный, описательный методы.

Еще в XIX в. В. Гумбольдт подчеркивал, что наивная картина мира присуща любому языку. «Реальный мир в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы», писал он [Гумбольдт, 1984, с. 104].

Вопрос о картине мира тесно связан с вопросом о степени универсальности привычных для носителя языка семантических категорий. Прежде всего, можно отметить универсальность в антропоцентричности ФЕ.

Методологической основой для нашей работы служит указание В.А. Масловой на антропоцентричность и оценочность, как важнейшее свойство картины мира: «Анализируя языковую картину мира, создаваемую фразеологизмами, можно назвать следующие ее признаки – пейоративность, антропоцентричность. Так, антропоцентричность картины мира выражается в ее ориентации на человека, т. е. человек выступает как мера всех вещей: близко – под носом, под рукой, рукой подать, под боком; много – с головы до пят, полон рот (забот); быстро – и глазом не моргнул, во мгновение ока, сломя голову, ног под собой не чуя... и т.д.» [Маслова, 2001, с. 67].

Достаточно четко определение языковой картины мира: «Языковая картина мира – исторически сложившаяся в сознании языкового коллектива и отраженная в языке система образов и представлений человека об окружающей его действительности, способ концептуализации действительности, обозначение репрезентированной в языке действительности» [Стариченок, 2008, с. 722].

Общеизвестно, что фразеологический состав языка ярко отражает национальную культуру народа, определённые культурные установки, эталоны, архетипы этноса.

Логично отведение ведущей роли в лингвокультурологии анализу ФЕ: «Лингвокультурологический анализ ставит перед собой цель изучения способности фразеологических знаков отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как «остов» его ментальности, и выражать его в процессах живого употребления фразеологизмов в дискурсах различных типов» [Телия, 1999, с. 15].

Монгольский лингвист Ж. Баянсан рассуждает в этом же ключе: «*Хэрэв монголын нүүдэлчдийн соёл иргэнийн онцлогийг хэлний илэрхийллээр зуучлан судалж байгаа бол уг асуудлын судалгдахуун нь чухам юу байх ёстой юм бэ гэсэн асуулт гарах нь зайлиггүй юм. Тэгвэл ардын үлгэр домог, ерөөл магтаал, туульс, ардын дуу шүлэг зэрэг билиг сургаалын зүйлсээс авахуулаад, зүйр цэцэн үг, өвөрмөц, хэвшмэл хэллэг, оньсого таавар зэрэг хэлний тогтвортой илэрхийллүүд юуны түрүүнд судалгааны хэрэглэгдэхүүн болох юм*» [Баянсан, 2016, с. 27].

Известны труды таких ученых монголоведов, как Г.Ц. Пюрбеев, Л.Г. Скородумова, Т.С. Есенова, С.М. Трофимова, В.И. Рассадин, Д.Д. Санжина, Г.А. Дырхеева, Е.А. Бардамова, Н.П. Дондокова, Е.В. Сундуева, Д.П. Хинзеева, Б. Уранчимэг, Ц. Ширнэн, С. Дулам,

Д.Д. Лагаева, В.Д. Патаева, А.Э. Гармаева, Р.В. Бухаева и др., охвативших разнообразные сферы проявления различных концептов монгольских языков. Их объединяет рассмотрение концептов, демонстрирующих национально специфичную лингвокультуру.

Мы следуем точке зрения Ю.С. Степанова: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [Степанов, 2004, с. 42-67].

В нашей работе вслед за отечественными учеными В.Н. Телия, В.Л. Архангельским, О.С. Ахмановой, Н.М. Шанским, Т.А. Бертагаевым [Бертагаев, 1949], Ш.-Н.Р. Цыденжаповым, Ц.Б. Будаевым и др. мы следуем «широкой» точке зрения на фразеологию, включая в объем нашего материала и поговорки, представляющие собой глагольно-пропозициональные структуры.

В рамках нашей работы мы принимаем определение фразеологизма, предложенное В.Н. Телия: «Фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [Телия, 1998, с. 559].

Ю.Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. Он считает, что языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их. Лингвист отмечал, что, изучая семантику ФЕ, можно выявить специфику когнитивных (мыслительных) моделей, определяющих своеобразие наивной картины мира [Апресян, 1995, с. 252].

На наш взгляд, справедливо мнение о том, что «Поговорки обладают целостным обобщенно-переносным значением и могут рассматриваться как фразеологизмы с замкнутой предикативной структурой» [Солодуб и др., 2002, с. 195].

Известно, что понятие языковой или наивной картины мира, противопоставляемой научной картине мира, которую понимают как систему наиболее общих представлений о мире, вырабатываемых в науке и выражаемых с помощью фундаментальных понятий и принципов этой науки [Теоретические основы..., 2021].

Анализ и результаты

Отражение концепта үхэл 'смерть' в языковой картине мира бурят. Поскольку мы рассматриваем концепт, обозначенный как үхэл 'смерть', с одной стороны, как языковое явление, с другой стороны, как часть культуры (в смысле комплекса разных обрядов, ритуалов, сопровождающих

это явление, а также ментального отношения носителей языка), то считаем нужным привести его характеристики с точки зрения других наук.

Выделяется мнение о том, что смерть нельзя рассматривать как противоположность жизни, т.к. смерть – это не отсутствие жизни, а её окончание, завершение, что логично. Поэтому смерти противостоит не жизнь, а рождение. В бурятской ФЕ эти два противоположные по сути понятия располагаются в одном контексте: *Үхэхэ түрэхэ хоёр нэгэн* – ‘Рожать что умирать’.

В Законе Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» в статье 9 «Определение момента смерти» говорится: «Заключение о смерти дается на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга (смерть мозга)...».

Биологическая смерть представляет собой необратимое прекращение физиологических процессов в клетках и тканях нервной системы, так как они являются наиболее критичными к требованиям дыхания, ср.: *ами таһалха* ≈ лишить жизни (букв. дыхание, жизнь прервать).

В бурятской фразеологии находим отражение связи смерти с отделением головы от туловища, т.е. голова есть средоточие жизни: *толгой (тархи) таһалха* ‘голову оторвать’, *толгой (тархи) эдихэ* ‘голову съесть’, *толгойгоо алдаха* ‘голову терять’, *тархим таһараг!* ≈ голову даю на отсечение! ‘голова моя пусть оторвется’ и т.д. Здесь *толгой* и *тархи* – абсолютные синонимы, отметим, что *тархи* входит в состав анатомического термина – *уураг тархи* ‘мозг’. Также остановка сердца прямо связывается со смертью: *зүрхэннинь тогтоо* ‘сердце остановилось’, *зүрхэннинь хахараа* ‘сердце разорвалось’ (об инфаркте) и т.д. Таким образом, понимание смерти в части ФЕ находится в полном соответствии с научным толкованием.

В общемонгольской буддийской культуре смерть означает не абсолютный конец жизни, а переход в иное состояние, перерождение в другом пространстве и времени.

Смертность человека стала одной из важнейших причин появления и развития религий. Вера в загробную жизнь породила всевозможные ритуалы сопровождения умершего в последний путь, такие, как торжественные похороны: бур. *хүдөө табилга* (букв. в степь укладывание), *хада гэртэ оруулга* (букв. в горный дом занесение), *буян хэхэ* делать благодеяние, *дүшэ юһэн хоног тарааха* (букв. сорок девять дней распускать, закрывать), *яһынь бариха* 1) хоронить с соблюдением ритуала; 2) (по Хангалову) поминки на третий день после похорон [Хангалов, 1958, с.24] (букв. кости держать) и т.д.

Поскольку большинство религий утверждает существование нематериальной души, они, в основном, полагают, что смерть человека – лишь гибель тела, и описывают различные варианты дальнейшего существования личности в виде духа или последующего возрождения в новом теле, либо вечного, либо заканчивающегося достижением нирваны (в буддизме) или жизни вечной (в христианстве).

Так, реинкарнация в буддизме предполагает, что душа человека после смерти воплощается в новом теле. При этом допускается, что прожитая ранее

жизнь может повлиять на последующую: *урда түрэл* ‘предыдущее родство’, *хойто түрэл* ‘последующее родство’; *хойто наһан* ‘последующая жизнь’, *хүн боложо түрэхэ* ‘родиться человеком’, *үйлын үри амсаха* ‘пожинать плоды кармы’ и т.д. Данные ФЕ находятся в активном фонде бурятского языка.

В христианстве причиной смерти считается греховность человека: «Возмездие за грех – смерть. Это означает, что «безгрешный человек» не будет знать смерти духовной и будет жить вечно [Царенко, 2009]. Образование многих ФЕ связано с общечеловеческим знанием о свойствах жизни, смерти. Так, буряты, согласно «наивной картине мира», смерть связывают с утерей дыхания: *амья алдаха* ≈ испустить дух (букв. дыхание, жизнь потерять, выронить).

ФЕ *һүнэһэн гараа* – ‘дух вышел’ отражает состояние утери жизненного тонуса человека, у которого ничего не ладится, состояние болезненное и т.д. При этом принимаются меры по «возвращению» души обратно в тело путем содействия, молитвы ламы и призывов близких людей, которые, обращаясь к ушедшей душе по имени данного человека, призывают её. Это составляет обряд *һүнэһэ дуудаха* ‘душу призывать’.

Смерть у бурят также связывается с тем, что человек исчерпывает свою жизнь, возраст *наһан*. Так, пожилой человек – это *наһатай хүн*, *наһажсаал хүн* (букв. с возрастом человек, поживший человек), *наһаа эдихэн* (букв. возраст свой съевший) и т.д.

ФЕ *наһа бараха* – умереть (букв. жизнь, возраст исчерпать) образована на ассоциации жизни с чем-то вещественным, занимающим объем, что можно исчерпать, уменьшить. Об умершем естественной смертью (прожившем полный человеческий срок жизни) говорят *наһаа хүсөө* ‘жизнь свою завершил в полной мере’ (букв. возраст, жизнь свою догнал, полностью завершил). Основную семантическую нагрузку несет компонент *хүсэхэ* – многозначное слово, употребляющееся в значении ‘желать’, ‘догонять’, *хүсөөхэ* – ‘исполнить вдогонку’, ‘реализовать’ (например, *һанаһанаа хүсөөхэ* ‘желаемое реализовать’).

Смерть связывают также с прекращением способности видеть: *нюдөө аниха* ≈ закрыть глаза – ‘умереть’. В ФЕ о процессе смыкания глаз с отходом ко сну на основе метонимизации и метафоризации появилось значение ‘умереть’. Закрывать глаза, остаться в темноте означает лишиться полного ощущения жизни. Недаром существует еще одна ФЕ в этом семантическом поле – *мүнхын нойроор нойрсохо* ≈ заснуть вечным сном. То есть смерть понимается как сон, только вечный. Ср. *Үхэхэ хүндэ үгэ хэрэггүй, унтаха хүндэ уһан хэрэггүй*. – Умирающему слова не нужны, засыпающему вода не нужна.

По буддизму, смерть – это не конец, а лишь переход к другой жизни. *Түрэлөө олохо* – ‘обрести перерождение, родиться заново’ (букв. родню найти), *замбида төөрихэ* – ‘блуждать в поисках перерождения’ (букв. во вселенной заблудиться), *нирваанай дүрэ үзэхэ* – отойти в мир иной (букв. испытать, видеть образ рая) и т.д. – ФЕ, в которых передается мысль о существовании новой жизни после физической смерти.

Бурятский язык богат синонимичными ФЕ о смерти различной стилистической окраски, с национальной спецификой: *шархья хатааха* ≈ сушить лапти (букв. ичиги (вид обуви) свои сушить), *тагаалал болохо* ≈ почить в бозе, преставиться (букв. благоволением стать) (ср.: х-монг. *таалал төгсөх* (букв. благоволение завершить) и т.д.

ФЕ с семантикой смерти объединяются в разные лексико-семантические группы:

1) со значением перемещения, пути в другое место назначения:

Эрлигтэ ошохо ≈ уйти в преисподнюю, предстать перед богом, на суд божий (букв. уйти к Эрлику, царю подземного мира), *тамада унаха* ≈ гореть в аду (букв. в ад упасть), *нирваанда хүрэхэ* ≈ уйти в лучший мир, отойти в вечность (букв. рая достичь), *тэнгэридэ халиха* ≈ вознестись на небо (букв. к небу перелиться через край), *бурхандаа мордохо* ≈ к богу убыть, *хада гэртээ ошохо* ≈ сойти в могилу, надеть деревянный макинтош (букв. на сопку к своему дому уйти), *нүгөө түби ошохо* ≈ уйти в мир иной (букв. в другой мир, континент уйти); *һүүлшын харгы (зам)* ‘последний путь’ *зүб тээшэнь болгохо* ≈ отправить к праотцам (букв. в правильную сторону сделать, поправить) и т.д.

2) со значением исчерпывания, окончания жизни:

наһа бараха ≈ уйти из жизни (букв. исчерпать возраст), *наһан болохо* ‘скончаться’ (букв. жизнь стала); *наһанһаа нүгшэхэ* ≈ уйти из жизни (букв. от возраста скончаться), *ами алдаха* ≈ испустить дух (букв. жизнь, дыхание потерять, выронить); *үнэһынь хиидхүүлхэ* ≈ развеять прах (букв. пепел развеять по ветру); *богони наһатай* (букв. с короткой жизнью); *амья хорлохо* ≈ наложить на себя руки (букв. жизнь, дыхание свое отравить); *юртэмсын мүнхэ бэшые үзүүлхэ* ≈ отойти в вечность (букв. показать, что вселенная не вечна) и т.д.;

3) со значением изменения положения, состояния тела:

гүзөөгөө шоройдуулха ≈ в земле сырой лежать (букв. желудок свой дать покрыть землей), *бэээ урилха* – ‘переродиться’ (букв. тела своего положение сменить), *яһаа хаяха* ≈ сложить кости (букв. кости свои бросить); *яһынь бариха* ≈ предать земле (букв. кости чьи-либо держать); *нюдөө аниха* ≈ глаза закрыть, *нюдынь анюулха* ‘лишить жизни’ (букв. заставить закрыть глаза); *зүрхэн тогтоо* – ‘сердце остановилось’; *бэээ амаруулха* ≈ на покой (букв. телу своему дать отдохнуть) и т.д. Группа представлена соматическими ФЕ.

Данные ФЕ не содержат в своем составе слова *үхэхэ* ‘умирать’, но передают значение смерти как процесса. Можно отметить, что денотативная часть семантики выходит на передний план.

Так, основным семантическим содержанием поля концепта «смерть» является «прекращение жизни человека, гибель», «крайняя опасность, жестокость», дополнительное значение – «проявление высшей силы, управляющей всем живым», «быть в плохом состоянии», «неизбежность прекращения жизни человека», «смерть – переход в другую жизнь».

ФЕ и лексемы, связанные с народной традицией понимания, указывают на то, что смерть принимается народом как явление обычное и закономерное,

при этом ставится ниже жизни. Концепт «смерти» осмысливается как процесс умирания, так и возрождения в другом мире. Как показывает материал, смерть представляется как процесс, действие, состояние, чему способствует превалирование глагольных ФЕ.

Ещё в древнемонгольском памятнике письменности «Сокровенное сказание монголов» (1240) встречается ФЕ *dere absu ükeye* [Монгол-ун нигуча тобчийан = МНТ 1947 §154] – *дэрэ абажса үхэе* ≈ погибнем с честью (букв. подголовник забрав погибнем), т.е. воин погибает, падая на убитого им врага в современном понимании.

Исследование П.О. Рыкина являет собой, на наш взгляд, пример этимологического изучения ФЕ, раскрывающего лингвокультурологическую значимость концепта «смерти». Так, автор пишет: «А более раннее значение восходит к древнему обряду захоронения знатного монгола в земле, вырытой яме, с подложенным под его труп живым любимым рабом» [Рыкин, 2010, с. 280-281]. И. де Рахевильц писал об обычае, согласно которому человек, собирающийся умереть, заранее мстит за себя, убивая врага, чье тело затем подкладывают под него в могилу при погребении подобно своего рода подушке. Убитый таким образом враг должен был выступать в качестве сопровождающего и слуги в ином мире [Rachewiltz, 2004, с. 544].

П.О. Рыкин постулирует «метафорически обусловленное развитие значения ср.-монг., письм.-монг. *dere* ‘подушка’ → ‘лицо низшего социального статуса, чье тело используется при погребении наподобие подушки’ → ‘убитый враг, чье тело используется при погребении наподобие подушки’» [Рыкин, 2010, с. 288].

Также ФЕ *nidün-ü ecine ecitgeya* (SHM §242) – *nidün-ü ečin-eečüdkey-e* (Алтан тобчи Лубсанданзана = ЛАТ 89а) – *nidün-аса dalda bolγay-a* (МНТ 1947 §242) – *нюдэнһөө далда болгоё* ≈ с глаз долой – ‘убить, лишить жизни’ отражает понимание смерти как исчезновение человека с поля зрения живых. Очевидно, это выражение можно отнести к жаргонизму или эвфемизму.

Образная, экспрессивная стихотворная вставка с ФЕ *яһаа хээрэ орхихо* ≈ кости бросить (букв. кости в степи оставить) с словом *үхэл* ‘смерть’ передаёт мысль о том, что лучшая смерть мужчины – смерть с боевым снаряжением, в бою:

Nomu somu-ban bariqsayar Номо номоёо баруһаар
Sayadaq qoromsaya-ban derelegseger хаадаг хормоонгоо дэрлэхээр
yasu-ban keger-e orkiqu- аса Яһаа хээрэ орхихоһоо
erkim sayin үкүл Эрхим хайн үхэл
er-e kümün-dü bayiqu bu Эрэ хүндэ байха аал? (МНТ §190).

Так контекст демонстрирует положительно-оценочное отношение к смерти в бою, смерть вызывает чувство почтения и гордости. Такая смерть – привилегия мужчины.

Г.Ц. Пюрбеев отмечает в этом памятнике ФЕ *yasu ino bari* ‘предать прах погребению’ (букв. кости чьи-либо держать), которая находится в активном фонде и в современном бурятском языке [Пюрбеев, 1974, с. 227].

Нельзя не отметить дальнейшее развитие этой ФЕ, получившей значение ‘вправлять кости’, ‘что-либо разбить, сломать’ [ФСБЯ, 2014].

ФЕ разделяются по функционально-стилистическим признакам [Тагарова, 2008, с. 8-9]. Так, ФЕ книжного пласта *тагаалал болохо* ≈ почить в бозе, ‘умереть’ говорится о человеке уважаемом, высокого сана; книжный, торжественный оттенок имеет ФЕ *амиды зула* ‘живой огонек’ или ‘живая свеча’ (лампадка, зажигающаяся перед статуэтками богов на божнице, призванная, в частности, освещать путь душе в поиске нового перерождения) – говорится о людях духовного сана, погибших от пожара. При этом процесс горения храма выражается лексемой *хайлаха* ‘таять’: *дасан хайлаа* – ‘дацан сгорел’ (букв. дацан растаял).

Шархья хатааха ≈ сушить лапти ‘умереть’ относится к разговорному пласту ФЕ и говорит о человеке, не вызывающем уважения, о пропащем, никчемном. В художественной литературе встречаются высказывания персонажей с данной ФЕ по отношению к самому себе, что выражает самоуничижение, досаду [ФСБЯ, 2014, с. 513-514]. Здесь можно отметить универсальное в разных языках – обычай сушить обувь умершего человека, по-видимому, существовал как у русских, так и у бурят-монголов. Название обуви, этнографической реалии, придает национальную специфику ФЕ.

Особенности пространственного соизмерения жизни и смерти бурят воплотились в образе ‘горы’. В результате метафорической концептуализации, как отмечает Е.А. Бардамова, лексема ‘гора’ выступает координатой абсолютного верха в возрастной временной модели. По представлениям древних бурят и в соответствии с традицией захоронения усопших предков в горных расщелинах, души умерших трансформировались в горы: *хада гэртээ хариха* ≈ ‘сходить в могилу’, *хада гэртээ харитараа* ≈ ‘до гробовой доски’ (букв. до того момента, как наступит пора возвращаться в горы) [Бардамова, 2011, с. 61, с. 67]. Лексема *хээрэ* ‘степь’ является компонентом выражения ассоциации с местом смерти: *эрэ хүн гэртээ түрөөд, хээрэ үхэдэг* ‘человек рождается в своем доме, но смерть находит в степи’ [Бардамова, 2011, с. 77] и т.д. В древние времена кочевые бурят-монголы хоронили покойников в степи, про умершего говорили *гээгдээ* ‘потерялся’. Считалось, да и в наше время считается, что чем быстрее с лица земли исчезнут останки, тем лучше для будущего перерождения. Поэтому, когда тело умершего, которого везли по степи, падало с коня или телеги, его там оставляли на съедение волкам и грифам. *Гээгдэхэ* имеет значение ‘опаздывать’ и ‘умереть’ в современном языке. В активном фонде также ФЕ *хүдөө табиха (гаргаха)* ‘похоронить’ (букв. в степь положить (вывести)). Дольше у бурят существует разновидность обряда погребения – кремация лам, шаманов и старейшин – *дээгүүр ябуулха* (букв. поверху или вверх отправить), что обозначается эвфемизмом. Ранее буряты воздушному или небесному погребению (тела устанавливали на деревьях) подвергали грудных детей, отсюда образовалась путем метафоризации ФЕ *тэнгэридэ халиха* ≈ вознести на небеса (букв. к небу перелиться через край).

Обычай скармливания останков грифам существовал у тибетцев. «Согласно тибетским верованиям, душа покидает тело в момент смерти, а человек на всех этапах жизни должен стараться приносить пользу. Поэтому мёртвое тело скармливается птицам как последнее проявление благотворительности. Именно такой способ погребения (небесное погребение) многие тибетцы по сей день считают для себя единственно возможным. Исключение делается лишь для Далай-Ламы и Панчен-Ламы. Их тела после смерти бальзамируются и покрываются золотом» [Патологоанатом, 2021].

Указанные примеры демонстрируют образование ФЕ на основе объективных природных и социальных реалий, получивших обобщенное значение.

В основу следующих ФЕ также ложатся пространственные ассоциации. Например: *үхэл амидарал хоёрой хоорондо*; *үхэхэн амиды хоёрой забһарта* ≈ между жизнью и смертью, ни жив, ни мертв; *үхэлэй үүдэ татаха* – готовится к смерти ('букв. смерти дверь тянуть'); *замбида төөрихэ* – 'блуждать во вселенной' (говорится о духе умершего, который находится в поисках тела для нового перерождения) и т.д.

В лексико-семантическое поле *үхэл* 'смерть' можно также включить мифологемы, как единицы наивной картины мира.

Мифологемы-синонимы *шүдхэр*, *ада* 'черт', как воплощение зла, отражают веру в существование подземного мира, ада, в то, что душу человека может забрать нечистая сила. Так, ФЕ *шүдхэр абаг!* 'черт возьми!', *ада үзэхэ* 'ненавидеть' (букв. видеть, изучить черта); *хара бооходой* 'черный черт', *хара золиг!* от религ. 'кукла из теста для выкупа больного от смерти'; *хара ороолон* 'оборотень' и т.д. употребляются в качестве междометий, выражающих отрицательные эмоции человека, относятся к бранным единицам.

То, что мифологемы представляют лингвокультуру, подтверждают слова В.А. Масловой: «Довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъема используется русская ФЕ 'воспарить душой', животворящей субстанцией, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла покидать тело, перемещаясь к небесам» [Маслова, 2001, с. 65].

Как писал Хангалов, по поверьям бурят-шаманистов, у человека имеются три души. Первая из них возникает при его творении, она называется «хорошая душа» (*һайн һүнһэн*, лит. *һүнэһэн*) или *заяши*. Эту душу каждый рожденный получает из верхнего мира от светлых божеств – «заянов». Буряты полагали, что душа-*заяши* на протяжении всей жизни человека заботилась о его благополучии, а после смерти возвращается к сотворившим его божествам [Хангалов, 1958, с. 59].

Вторая – «средняя душа» (*дунда һүнһэн*), в образе невидимого воздушного существа-двойника, выходит из тела человека во время сна, посещает разные места, страну духов, все это человек видит как сон. В тот момент, когда душа возвращается к человеку, он просыпается. После смерти

человека «средняя душа» приобретает образ вредоносного духа под названием *бохолдой*. Духи-бохолдой не покидают землю, в невидимом для человека воздушном состоянии они присутствуют в жизни живых людей, стараясь довести их своими действиями до смерти.

Третья – «худая душа» (*муу хүнхэн*) всегда находится непосредственно в физическом теле человека, остается в нем и после его смерти [Хангалов, 1958, с. 59-60] на месте захоронения.

Кроме понятия «душа» (*h үнхэн*), у бурят существует понятие «жизненное дыхание» (*амин*), которое связывает воедино представления о жизни и дыхании. Когда человек умирает, то буряты говорят «жизнь вышла» (*амин гараа*), или «жизнь потеряна» (*ами гээгээ*) [Хангалов, 1958, с. 195]. С этим термином связаны важнейшие ритуалы бурятского шаманизма как «одушевление» культовых атрибутов, путем «вселения» в них души-амин. Буряты-шаманисты полагали, что смерть человека наступала по причине того, что злой дух разрывает сердечную аорту его двойника (*ами таһалха*) [Хангалов, 1958, с. 195].

Такой взгляд на причину и процесс смерти описывал и британский монголовед Чарльз Боуден (1924-2016): Согласно монгольским обрядовым текстам XVII-XIX вв., болезнь или смерть вызывались вмешательством разного рода злых духов, которые либо вселялись в тело человека, либо похищали одну из его «душ», в результате чего – при отсутствии должного противодействия со стороны ритуальных специалистов (шамана или ламы) – наступала смерть [Bawden, 1961; Bawden, 1962].

Выражение *үхэлхөө айха юм хаа, амиды ябаһанай хэрэггүй* – ‘смерти бояться – не стоит жить’ демонстрирует отсутствие страха перед смертью, отношение к ней как к чему-то обыденному, хотя и неизбежному, понимание жизни как явления эфемерного, временного. Об этом свидетельствуют и вышеописанные обряды погребения.

Имена *амин* ‘жизнь’ и *үхэл* ‘смерть’ по-разному соотносятся с индивидуальным опытом. Это различие сформулировал М. Монтень: «Что касается смерти, то ощущать ее мы не можем; мы постигаем ее только рассудком, ибо от жизни она отделена не более, чем мгновением» [Монтень, 1991, с. 47]. Универсальным является то, что смерть, будучи определенным моментом жизни каждого человека, неизбежным финалом жизни известна ему «со стороны», по опыту общения с себе подобными. Знания об этой стороне действительности мы получаем также посредством единиц лингвокультуры.

Лингвистическая трактовка үхэл ‘смерти’. Само имя *үхэл* ‘смерть’ по своему денотативному статусу (характеру обозначаемой действительности) является абстрактным субстантивом. В аспекте лингвистических черт рассматриваемое имя признается антонимом ‘жизни’ [Новиков, 1973, с. 238]. В целом лексему *үхэл* ‘смерть’ можно охарактеризовать как существительное неодушевленное, нарицательное, склоняемое, могущее получать формы притяжания личного (*үхэлни, үхэлини, үхэлынь* и т.д.) и безличного (*үхэлэйнгөө, үхэлөө, үхэлдөө* и т.д.), со

значением процесса умирания, прекращения жизни, формы множественного числа нет.

Данное имя существительное образовано от глагола *үхэ*- при помощи непродуктивного в настоящее время суффикса *-л*.

Парадигма *үхэл* демонстрирует широкий диапазон сочетаемости словоформы, корень *үх-* является основой образования однокоренных слов, разных частей речи.

Прилагательные: *үхэлгүй* ‘бессмертный’ – имя прилагательное, образованное по модели ‘основа существительного *үхэл* + отрицательная частица *-гүй*;

үхэлтэ атр. ‘смертоносный’ – прилагательное по модели ‘основа существительного *үхэл* + суффикс *-лтэ*;

үхэмэ ‘смертельный’ < *үхэ* + *-мэ* (отметим, что в академической грамматике бурятского языка (1962) такая форма отнесена к причастию);

үхэнги(р) ‘омертвелый’, ‘омертвевший’ < *үхэ* + *-нги(р)*;

үхэдхэнги ‘мертвенный’ < *үхэ* + *-дхэ* + *-нги*.

Глаголы от *үхэ* могут представлять все многочисленные формы бурятского языка: временные формы изъявительного наклонения, формы повелительно-желательного наклонения, деепричастия и причастия. Отметим, что приведение всех глагольных форм займет много места – это отдельная тема, требующая своего освещения в специальной работе. При этом глагол *үхэ-*, будучи отнесенным к человеку, имеет пренебрежительный оттенок, так, сказать *тэрэ үхөө* значит выразить неуважение к покойнику, поэтому следует говорить *наһа бараа* ‘скончался’ (букв. возраст, жизнь исчерпал) или *бурхандаа мордоо* ‘к богу убыл’ и т.д. Данный глагол может быть соотнесен и с животными и растениями.

Причастие со значением возможности: *үхэмөөр* ‘убийственный’ – < *үхэ* + *-мөөр*; **причастие** будущего времени: *үхэдхэхэ* побудит. от *үхэхэ* ‘обмирать’ < *үхэ* + *-дхэ* + *-хэ*

Существительные:

үхэлгэ ‘падёж’ (скота) – *үхэл*+ суффикс *-лгэ*; *үхэмэр* ‘негодник’; ‘чёрт’ (бран.) – < *үхэ* + *-мэр*; *үхэдэл* ‘труп’; ‘могила’; ‘упырь’, ‘чёрт’ – < *үхэ* + *-дэл*; *үхэдэл шүдхэр* (парн.) ‘нечистая сила’; *үхэл гарза* парн. ‘падёж’, ‘гибель’ (букв. смерть + убыток). Отметим, что суффикс *-дэл* слову *үхэдэл* придает резко негативную оценку. *Үхэдэл* имеет форму множественного числа: *үхэдэлнүүд*, употребляется как бранное в адрес человека.

Свободные словосочетания:

үхэлэй аюул ‘угроза смерти’; ‘смертельная опасность’: существительное в родительном падеже + существительное в именительном падеже; *үхэлһөө айха* ‘бояться смерти’; *үхэлөө хүлээхэ* ‘ждать смерти’ и т.д. *Үхэл* характеризуется широкой валентностью.

На основе метонимизации, затем метафоризации образуются ФЕ.

ФЕ наречные: *үхэлэй эрмэг дээрэ*, вариант *үхэлэй амһар дээрэ* ≈ на краю гибели: сущ. род. п. + сущ. им. п. + послелог; *үхэн үхэтэрөө* ≈ до самой смерти; *үхэнэн амитанай бодохоор* – мертвого поднимет (букв. умершему

существо можно встать); *үхэхэн хойноо* ≈ в гробу видал, никогда (букв. после смерти) (выражение пренебрежения, презрения) и т.д.

ФЕ субстантивные: *үхэлэй* (диал. *үхэли*) *үүдэн* ‘ворота смерти’ (место расположения Эрлэн-хана (Эрлиг-хана), через которое проходят души всех смертных после суда над ними и больше не возвращаются к земному бытию); *үхэл газар* ‘уязвимое, смертельное место’ – здесь существительное *үхэл* выполняет функцию определительную; *үхэлтэ ашаан* ‘смертоносный груз’; *үхэлтэ хүн* ‘смертный человек’; *үхэмэ үбшэн* ‘смертельная болезнь’; *үхэнгир юумэн* ‘мертвечина’ – по модели прилагательное + существительное; *үхэхэн мяхан* ≈ мертвецки пьян (букв. умершее мясо) и т.д.

ФЕ атрибутивные: *үхэмэ хүйтэн* – ‘смертельно холодный’ – по модели прилагательное + прилагательное; *үхэхэн мал шэнги* ‘как мертвый скот’ (об отсутствии какого-либо проблеска интеллекта в глазах) и т.д.

ФЕ глагольные: разг. *үхэдхэн унашаба* ‘замертво упал’ – модель деепричастие слитное + глагол прошедшего времени; *үхэтэрөө энээхэ* ≈ смеяться до упаду (букв. смеяться до смерти) – деепричастие предельное + глагол; бран. *үхэдэлөө бэдэрхэ* – ‘искать смерть’ – существительное винительного падежа безличного притяжания + глагол; разговорное, отрицательно-оценочное : *үрөөһэн хүлөөрөө үхээри соо гээхэхэ* ≈ одной ногой в могиле стоять, нейтральный вариант *үрөөһэн хүлөөрөө нүгөө түбидэ байха* ‘одной ногой быть в ином мире’; нейтральные *голынь таһалха* – умертвить, ‘аорту прервать’ (о закалывании барана, о лишении жизни человека); *сагаа хүлээхэ* ≈ ждать своего часа (ждать смерти) и т.д. Модель существительное + глагол;

книжное, почтительное выражение – *тэнгэридэ халиха* – ‘на небо вознестись’ (букв. к небу перелиться через край); *түрэлөө урилха* – ‘переродиться’, ‘сменить родню’; *бурхандаа мордохо* – ‘убыть к богу своему’, *жанша халаха* ‘о смерти буддийского священника’ (букв. одяние священника сменить); *баатарай үхээлөөр унаха* ≈ пасть смертью храбрых и т.д.

ФЕ глагольно-пропозициональные (со структурой предложения) [Тагарова, 2008, с. 167] состоят из слов со свободным значением, при этом являются устойчивыми выражениями обобщающего смысла:

үхэхэн шүдхэрһөө амиды шүдхэрынь аюултай – ‘живой черт опаснее мертвого’ – предостережение об опасности какого-либо существа;

үнеэн үхэхэдөө хүтэй болодог – ‘павшая корова всегда молочная’ говорится, когда вдруг осознают ценность того, что утеряно, и что не ценили раньше;

үхэхээ ханахадаа үбһэнһөө шагтагалдаба ≈ хвататься за соломинку – (букв. умирающий за сено, травку цепляется). ФЕ ‘хвататься за соломинку’, ‘схватиться за соломинку’ относится не только к утопающему, но и к любому человеку, который будучи растерянным в тяжелой ситуации, поспешно ищет спасения, прибегая к крайнему средству, которое помочь не может [Федоров, 1995, с. 343].

В поговорках выражается универсальное, общечеловеческое понимание жизненных ситуаций, поэтому их соответствия присутствуют в разных языках.

Приведенные языковые единицы показывают, что слово *үхэл* является продуктивной частью лингвистического процесса, обладает широкой валентностью, его семантика может передаваться в словосочетаниях и без его непосредственного присутствия.

Заключение

Нами была предпринята попытка рассмотрения лингвокультурологических особенностей отражения концепта *үхэл* 'смерть' в бурятском языке. Словообразовательный потенциал имени *үхэл* 'смерть' достаточно высок, семантическая мотивированность деривата устанавливаются через суффикс производящего имени; специфика парадигматических отношений имени *үхэл* 'смерть' – в широкой разветвленности смыслов лексико-семантических групп.

ФЕ отражают национальную культуру своими прототипами, через определенные обычаи, традиции, особенности быта и культуры. При этом в семантике бурятских ФЕ, относящихся к концепту 'смерть', денотативное, прототипическое значение довлеет над метафорическим, что демонстрирует лексический состав ФЕ, содержащий указание на сферу материальной культуры.

Семантический анализ языковых единиц позволил выявить, что представления о жизни и смерти в большой степени связаны с эмоциями.

Материалы показали, что концепт «смерть» универсален для разных языковых картин мира (например, в части наличия души и ее отделения от тела и дальнейшего существования после смерти человека), ФЕ этой сферы отличаются лишь некоторыми этнографическими элементами. В целом ФЕ, отражающие наивную картину мира, отличаются образностью, глубиной обобщения наблюдений над явлениями смерти и жизни, приближаясь к научной картине мира.

Моделирование субстантива «смерть» как концепта шире и глубже по сравнению с лексикографической интерпретацией. Образы народной культуры, связанные с концептом *үхэл*, выявляются в результате моделирования глагольно-атрибутивных словосочетаний и поговорок.

Концептуальный анализ ФЕ со значением смерти, ФЕ, включающих в свой состав компонент *үхэл*, существенно раскрывает фрагмент национальной картины мира.

Ядерным компонентом концепта *үхэл* 'смерть' является образ. Присутствует информационное содержание благодаря лексемам, указывающим на элементы обрядности, материальной культуры. В семантическом поле выделяется оценочная зона, представленная ассоциациями, связанными с восприятием смерти. Бурятские ФЕ и лексемы указывают на то, что смерть принимается народом как явление обычное и закономерное, а жизнь – эфемерное, временное. Понятие «смерти»

осмысливается как явление двойственное, отражающее как процесс умирания, так и зарождения. На принятие смерти как перехода в последующую жизнь оказала влияние философия буддизма и шаманизма.

Библиографический список

- Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. 272 с.
- Антология концептов: [словарь] / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2007. 332с.
- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка / Ю. Д. Апресян. М.: Языкознание, 1995. 472 с.
- Бардамова Е. А.* Пространство в языковой картине мира бурят: монография / отв. ред. П. П. Дамбуева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2011. 200 с.
- Бертагаев Т. А.* Об устойчивых фразеологических выражениях: сб. трудов по филологии. Улан-Удэ: НИИКиЭ БМАССР, 1949. С. 64-119.
- Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 156-180
- Маслова В. А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
- Монтень М.* Опыты. Избранные главы: монография. М.: Правда, 1991. 655 с.
- Новиков А. О душах живых и мертвых. Впереди идущие / А. Новиков. М., 197. 832 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Из наблюдений над фразеологией языка «Сокровенного сказания» // Исследования по восточной филологии: сб. ст. М.: Наука, 1974. С. 226-230.
- Пюрбеев Г. Ц.* Концепт души в культуре монгольских народов // Altaica-IV. ИВ РАН [сборник статей и материалов], 2000. С. 101-107.
- Рыкин П. О.* Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки: сборник статей / отв. ред. Ю. Е. Березкин, Л. Р. Павлинская. СПб., 2010. С. 239-301.
- Солодуб Ю. П.* Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): учеб. для студентов филол. фак. и фак. иностр. Яз / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. М.: Флинта: Наука, 2002. 264 с
- Тагарова Т. Б.* Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. 341 с.
- Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / ред. В. Н. Телия. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 13-25.
- Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. [В 3 т.] / Под ред. и с предисл. Г. Н. Румянцева; Сиб. отд-ние АН СССР. Бурят. комплексный науч.-исслед. ин-т. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958-1960. Т.1. 551 с. 1959. Т. II. 443 с. Т. III. 421 с.
- Bawden C. R.* The Supernatural Element in Sickness and Death according to Mongol Tradition. Pt. 1 // AM. New Series. 1961. Vol. 8, pt. 2. P. 215–257.
- Bawden C. R.* The Supernatural Element in Sickness and Death according to Mongol Tradition. Pt. 2 // AM. New Series. 1962. Vol. 9, pt. 2. P. 153–178
- The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. with a Historical and Philological Commentary by I. de Rachewiltz.* Leiden; Boston, 2004. Vol. 1–2. (Brill's Inner Asian library; Vol. 7/1–2).
- Баянсан. Ж.* Соёл, хэл, үндэстний сэтгэлгээ. Нэмж зассан II хэвлэл / хянан тохиолдуулсан: Б. Мөнгөнцэцэг, Т. Эрдэнэ-Очир. Улаанбаатар: Монгол Улсын Их сургууль, 2016. 227 т.

Словари и источники

- Монгол-ун нигуча тобчийан* / перев. Ц. Дамдинсүрүн. Улан-Батор: Улус-ун хэвлэл-үн үйлэдбүри, 1947. 263 с.
- Патологоанатом Padolski: жизнь и смерть онлайн* // [Электронный ресурс]. URL: <https://padolski.livejournal.com/> (дата обращения 02.03.2021)
- Стариченок В. Д.* Большой лингвистический словарь. М.: Феникс, 2008. 816 с.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42-67.
- Телия В. Н.* Лингвистический энциклопедический словарь, 1998, с. 559
- Теоретические основы и определение научной картины мира // [Электронный ресурс]. – URL: <https://poisk-ru.ru/s58477t2.html> (дата обращения: 28.02.2021)
- ФСБЯ – Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т.Б. Тагарова. Иркутск: ИГУ, 2014. 565 с.
- Царенко П. С.* Жизнь после смерти // [Электронный ресурс]. – 2009. URL: <https://vse.kz/blog/1939/entry-6568-zhizn-posle-smerti/> (дата обращения: 28.02.2021)
- Шагдаров Л. Д.* Буряад-ород толи. В двух томах / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов / Научный редактор Б.Д. Цыренов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН 2008, 2010. 636с.+708с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2-х т. / Сост. А.Н. Федоров. – Новосибирск: «Наука», Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – Т.1: А-М. - 391 с. Т. 2: Н-Я. – 396 с.

References

- Alefirenko N. F.* Phraseology in the light of modern linguistic paradigms: Monograph. Moscow: Elpis Publishing House, 2008. 272 p. (In Russian).
- Anthology of concepts: [dictionary] / Ed. by V.I. Karasik, I.A. Sternin. Volume 6. Volgograd: Paradigma, 2007. 332 p. (In Russian).
- Apresyan Yu. D.* The image of a person according to language data / Yu.D. Apresyan. M.: Linguistics, 1995. 472 p. (In Russian).
- Bardarova E. A.* Space in the language picture of the world Buryat: monograph / edited by Polina Dambueva. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2011. 200 p. (In Russian).
- Bawden C. R.* The Supernatural Element in Sickness and Death according to Mongol Tradition. Pt. 1 // AM. New Series. 1961. Vol. 8, pt. 2. P. 215–257. (In English).
- Bawden C. R.* The Supernatural Element in Sickness and Death according to Mongol Tradition. Pt. 2 // AM. New Series. 1962. Vol. 9, pt. 2. P. 153–178. (In English).
- Bayansan Zh.* Reflections on the national culture and language. Expanded revised 2nd edition. / editors B. Möngöntsetseg, T. Erdene-Ochir. Ulaanbaatar: Mongolian State University, 2016. 227 t. (In Mongolian).
- Bertagaev T. A.* On stable phraseological expressions / Collection of Works on Philology. Ulan-Ude: NIiKIE of Buryat-Mongolian Autonomous Republic, 1949. Pp. 64-119. (In Russian).
- Gumbol'dt V.* About the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind // Selected works on Linguistics. Moscow, 1984. pp. 156-180. (In Russian).
- Khangalov M. N.* Collected works. [In 3 vols.] / [Ed. and with a preface by G. N. Rummyantsev]; Sib. Department of the USSR Academy of Sciences. Drilled. comprehensive scientific research. in-t. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1958-1960. Vol. 1. 551 p. 1959. Vol. II. 443 p. T. III. 421 p. (In Russian).ë
- Maslova V. A.* lingvokulturology: textbook for students of higher education institutions. Moscow: Publishing Center "Academy", 2001. 208 p. (In Russian).

- Montaigne M.* Experiments. Selected chapters: monograph. Moscow: Pravda, 1991. 655 p. (In Russian).
- Piurbeev G. TS.* From observations of the phraseology of a language of "Secret History", Studies in Oriental Philology: collection of articles. M.: Nauka, 1974. P. 226-230. (In Russian).
- Piurbeev G.Ts.* The concept of the soul in the culture of the Mongolian peoples // *Altaica-IV*. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences [collection of articles and materials], 2000. P. 101-107. (In Russian).
- Rykin P. O.* The Concept of death and funeral rites in medieval Mongols (according to written sources) // *From Genesis to another existence: Folklore and burial ritual in the traditional cultures of Siberia and America: a collection of articles* / ed. by E. Berezkin, L. R. Pavlinskaya. SPb., 2010. P. 239-301. (In Russian).
- Sologub Y. P., Albrecht F. B.* Modern Russian language. Lexicon and phraseology (comparative aspect): textbook for students of philological faculty and of faculty of Foreign languages. M.: Flinta: Nauka, 2002. 264 p. (In Russian).
- Tagarova T. B.* Conceptual and pragmatic characteristics of phraseological units of Buryat fiction: monograph. Irkutsk: publishing house of Irkutsk State University, 2008. 341 p. (In Russian).
- Teliya V. N.* Primary tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of language in the context of culture // *Phraseology in the context of culture: collection of articles* / Ed. by Teliya V.N. Moscow: "Languages of Russian culture", 1999. P. 13-25. (In Russian).
- The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century* / Transl. with a Historical and Philological Commentary by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1–2. (Brill's Inner Asian library; Vol. 7/1–2). (In English).

Dictionaries and sources

- The Secret history of the Mongols* / adapted TS. Damdinsuren. Ulaanbaatar: State publishing house, 1947. 263 p. (In Mongolia)
- Stepanov Yu. S.* Constants: Dictionary of Russian Culture: 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt, 2004. Pp. 42-67. (In Russian).
- Phraseological dictionary of the Buryat language* / comp. T.B. Tagirova. Irkutsk: ISU, 2014. 565 p.
- Theoretical foundations and definition of the scientific picture of the world* <https://poisk-ru.ru/s58477t2.html> (Date of request 28.02.2021) (In Russian).
- Tsarenko P. S.* Life after death <https://vse.kz/blog/1939/entry-6568-zhizn-posle-smerti/> (Date of request 28.02.2021). (In Russian).
- Pathologist Padolski: Life and Death Online* <https://padolski.livejournal.com/> (Date of request 02.03.2021). (In Russian).
- Starichenok V. D.* Large linguistic dictionary. M.: Feniks, 2008. 816 p. (In Russian).
- Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 volumes* / Comp. A.N. Fedorov. - Novosibirsk: "Nauka", Siberian Publishing Company of the Russian Academy of Sciences, 1995. - Vol. 1: A-M. - 391 p. Vol. 2: N-Ya. - 396 p.

УДК 398.42

ББК 82.3(2=411.2)

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_149

**МИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ГОРОДСКИХ ЛЕГЕНДАХ ПАВЛОДАРА
(НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА ЛЕГЕНД О ГОРСАДЕ)**

Гайша Ертаевна Имамбаева

orcid.org/0000-0002-6726-2940

доктор филологических наук, профессор

зав. кафедрой казахской филологии

Инновационный Евразийский университет

ул. Ломова, 45

Павлодар, 140000, Казахстан

lady.gaysha@mail.ru

Илья Олегович Приходченко

orcid.org/0000-0003-1800-8812

Инновационный Евразийский университет

ул. Ломова, 45

Павлодар, 140000, Казахстан

pisosenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются городские легенды Павлодара, связанные с одним из ключевых мест павлодарского локального текста – Городским садом культуры и отдыха, известным среди горожан как Горсад. В исследовании анализируется роль мистических мотивов, имеющих в названных легендах, в их прагматическом и историко-культурном аспекте.

Ключевые слова: несказочная проза, городская легенда, Павлодар, локальный текст.

**MYSTICAL MOTIFS IN THE URBAN LEGENDS OF PAVLODAR (ON
THE EXAMPLE OF THE CYCLE OF LEGENDS ABOUT THE CITY
GARDEN)**

Gaisha E. Imambayeva

orcid.org/0000-0002-6726-2940

Doctor of Philological Sciences, professor,

chairholder, Chair of Kazakh Philology,

Innovative University of Eurasia

45, Lomova

Pavlodar, 140000, Kazakhstan

lady.gaysha@mail.ru

Abstract. The article deals with the urban legends of Pavlodar associated with one of the key places of the Pavlodar local text - the City Garden of Culture and Recreation, known among the citizens as the City Garden. The study analyzes the role of mystical motifs present in these legends in their pragmatic and historical-cultural aspects.

Keywords: non-fairy prose, urban legend, Pavlodar, local text.

Введение

Актуальной проблемой современной фольклористики остается вопрос, касающийся несказочной прозы. В разное время вопросам фольклорной прозы были посвящены работы В.Я. Проппа, Э.В. Померанцевой, В.П. Аникина и других. В Казахстане данную научную проблему широко исследовал С. А. Каскабасов, представив вниманию научных кругов серьезный труд «Казахская несказочная проза», где отражены национальная специфика и ментальные особенности носителей языка [Каскабасов, 1990].

В настоящей статье представлен не исследованный ранее материал, представляющий собой городские легенды Павлодара, в частности, легенды о Горсаде. Можно обозначить их определением «топонимические легенды», которое использует К.А. Климова, называя так истории, которые бытуют «в определенных локальных традициях» [Климова, 2019, с. 100].

Материалы и методы

Каждое обжитое людьми место, будь то дом, улица, деревня или город, имеет свою историю. Как правило, история имеет два варианта своего существования – официальный, канонический, зафиксированный в документальных источниках, и неофициальный, апокрифический, существующий в пересказах, передающийся из уст в уста и, таким образом, имеющий исключительно фольклорную природу. Типичным примером сохранения истории города в фольклорной памяти населения является городская легенда.

Городская легенда – современная разновидность мифа. Это короткая и, на первый взгляд, правдоподобная, хотя обычно не соответствующая действительности, история, опирающаяся на современную техническую и общественную реальность, как правило затрагивающая глубинные проблемы и страхи современного общества. Правдоподобность городской легенды основана на необходимости специальных знаний для её разбора и проверки. Сам термин «городская легенда» в русском языке является калькой с английского словосочетания «urban legend», которое переводится как «слух» или «байка».

Городская легенда является «частью современного фольклора, передаваемого путём устной коммуникации или через интернет» [Смирнова, 2010, с. 114], «невероятный случай, считающийся настоящим, претендующий на достоверность» [Смирнова, 2010, с. 115]. Функция городской легенды чаще всего заключается в предупреждении о страшной опасности. Нередко городские легенды становятся материалом для заведомо недостоверных публикаций («уток») в жёлтой прессе или, напротив, возникают на основе подобных публикаций, после активно бытуя в устных пересказах горожан. Согласно Д. Замятину, «городская мифология является важным элементом локальной истории и географического образа города» [Замятин, 1999, с. 201], участвуя наряду с литературой в формировании «локального текста» (например, «московский текст», «петербургский текст»).

Как явление современного фольклора городская легенда имеет ряд отличий от прочих смежных явлений и соотносится с ними определённым образом. Так, городская легенда отличается от анекдота тем, что юмористическая нагрузка, даже если она присутствует, не является основной целью истории, а от слухов – тем, что не привязана к конкретным лицам. Городская легенда обычно пересказывается как история, случившаяся с каким-либо лицом, агентом, слабо связанным с рассказчиком (знакомым знакомого, коллегой, соседом и т.п.), и помимо юмористического содержания может иметь трагическое либо мистическое звучание. Последний аспект бытования городских легенд особенно важен в рамках данной статьи.

Понятие городской легенды с точки зрения науки об устном народном творчестве имеет неоднозначный статус и требует прояснения. В этой связи необходимо конкретизировать содержание термина «легенда».

По определению В. Я. Проппа, «народная легенда есть прозаический художественный рассказ, обращающийся в народе, содержание которого прямо или косвенно связано с господствующей религией». В. П. Аникин утверждает, что главным свойством легенд стало утверждение морально-этических норм христианства или идей, возникших под влиянием воодушевлённого отношения к вере, хотя и понимаемой на мирской, житейский, обыденный лад. В отличие от них, А. Д. Цветкова не считает религиозную составляющую идейного содержания легенды, определяющей для данного жанра, предпочитая делать упор на отношение фольклорного текста в первую очередь к конкретной местности, и подобное толкование жанра видится нам наиболее приемлемым.

Городская легенда реализуется в различных жанрах современного фольклора, имеющих свои характерные особенности. Это может быть современная сказка, криминальная история, мифы о секретных технологиях и о похищении людей, истории о правительственных заговорах, истории о тлетворном воздействии индустрии, несчастные случаи в обращении с техникой, рассказы, основанные на страхе перед властью (полиция либо криминальные группировки), а также бывальщины (или былички) и предания. В рамках данной статьи особого внимания требует рассмотрение

функционирования в составе городских легенд Павлодара жанров былички и предания.

Под быличками в фольклористике обычно понимают истории, рассказываемые от лица участников (меморат) или знакомых участников событий (фабулат) как реальные происшествия (с установкой на достоверность). Обязательно указание конкретных лиц, участвующих в событиях. Быличка исключает волшебство (чем отличается от традиционного понимая легенды в фольклоре), но описывает событие, в котором человек сталкивается с проявлением или персонажем сверхъестественного мира. Цель быличек/бывальщин – научить подрастающее поколение правилам общения с миром сверхъестественного.

Если речь идёт о городской легенде, в тексте всегда обязательно указывается не какое-то обобщенное место в городе, а совершенно конкретное, известное и рассказчику, и слушателю (эта черта былички как жанрового типа городского фольклора особенно важна в рамках данной статьи), что создаёт эффект правдоподобности и выступает как обязательный жанровый признак.

Результаты и обсуждение

Городская легенда во многом детерминирована личностью информанта и её творческими способностями. В исполнении некоторыми информантами текстов на определённую тему могут прослеживаться связи, тексты могут циклизироваться вокруг темы и/или места и приобретать тем самым определённое мировоззренческое звучание, отражать фрагмент картины мира исполнителя, который (исполнитель) способен включать данный фрагмент в общий «текст» некоторого места, имеющий обычно хронологически ориентированные координаты (события определённой эпохи жизни города привязаны к определённым местам). Примером такой творческой личности информанта является первый директор Городского сада культуры и отдыха Павлодара, первый директор Дворца культуры тракторостроителей (ныне Городской дворец культуры имени Естая) Владислав Васильевич Треньков (1938-2008).

Общение с информантом длительное время незадолго до его смерти позволило записать фольклорный материал, связанный с историей Павлодара и некоторыми историческими местами, которые автор статьи посещал вместе с информантом в процессе общения и записи текстов. В. В. Треньков был носителем колоссального знания об истории и быте Павлодара середины 20 века и много рассказывал о местах и событиях, имевших значение для истории города. В рамках данной статьи мы остановимся на цикле городских легенд о Горсаде (городском парке культуры и отдыха), в жанровом составе которых наряду с быличками присутствуют предания.

Одним из определяющих жанровых признаков предания является его локальный характер. По утверждению С.А. Каскабасова, «предание – это своеобразная устная хроника одного региона и живущего в этом регионе

народа, племени или рода, это правдоподобный рассказ, вернее – сообщение о событии, происшедшем в конкретном районе. < ... > Для полного понимания сущности предания еще недостаточно знать о событии, повествуемом в нем. Для этого нужно хорошо знать также этот регион и в географическом, и в историко-культурном отношении» [Каскабасов, 1990, с. 240]. В данной статье мы рассматриваем предания, основываясь именно на этих положениях, с тем лишь дополнением, что историчность предания может быть связана с мистичностью места, о котором в предании идёт речь.

В данном случае, как было сказано выше, речь идёт о Городском парке культуры и отдыха, на месте которого (это известный павлодарцам исторический факт) некогда находилось одно из городских кладбищ.

Текст 1

«Ты же знаешь, наверно, на том месте, где сейчас Горсад стоит, там было кладбище, большое кладбище было, самое большое на то время от Семипалатинска до Тобольска. Это кладбище считалось элитным, там хоронили русских купцов, из Сибири которые здесь были. Они, считай, отцы города. Могилы были богатые, памятники огромные, по несколько тонн весили, из мрамора же были!»

Эпизод исторического предания, описанный в тексте 1, реализует в себе типичную черту жанра – маркированность превосходством исторического времени, гиперболизация положительных черт прошлого: кладбище – самое большое, могилы – только знатных людей, элитные, богатые, памятники – огромные, тяжёлые. Гиперболизация качеств места связана с людьми, похороненными здесь: это «отцы города». По утверждению И. А. Разумовой, «в характеристиках прародителей, прежде всего, утверждается их исключительность по сравнению с "обычными" людьми» [Разумова, 2001, с. 301]. Это свойство распространяется на всё, непосредственно связанное с предками. В подобной гиперболизации качеств предков и их эпохи в жанре предания видится отголосок мотива прошедшего безвозвратно золотого века, который является архитипическим для мирового фольклора.

Далее в рассказе информанта мотив величия предков сменяется мотивом предпринятой потомками попытки низвержения. Примечательно, что этот мотив включён в исторический контекст. Тема борьбы поколений, идея стирания воспоминаний, знаков прошлого, в том числе воспоминаний о людях, живших некогда здесь, явно прослеживающаяся в тексте 2, завершается мотивом неборимости силы предков (могильные плиты не смогли увезти).

Текст 2

«Потом, когда после войны там решили сделать парк культуры и отдыха, стали ровнять это кладбище. Указ сверху был: ликвидировать памятники. Какие могли, такие вытаскивали из земли и потом использовали на строительство, в фундамент могли положить или ещё куда-нибудь. А некоторые постаменты просто не могли сдвинуть с места, ты представляешь, какие тяжёлые были! Их тогда просто валили канатами на землю и

закапывали, в ямку сваливали и землёй засыпали. Потом бульдозер ездил по земле и всё равнял. Потом всё деревьями засадили, всё зазеленело, сам видишь, стало как сейчас».

Типичное историческое предание о разорении сакрального места в годы советской власти в фольклорной памяти информанта становится ядром цикла городских легенд разной жанровой природы, причём преимущественно мистического звучания, что объясняется чертами мировоззрения самого информанта. Для В. В. Тренькова, верующего православного христианина, было грехом подобное, по его мнению, надругательство над сакральным местом. Именно этот угол зрения находит свою реализацию в предании. Мотив мести покойников за их потревоженный сон, в чём прослеживается сохранение языческой традиции в фольклорной памяти информанта, будет ниже рассмотрен на примере быличек из этого же цикла.

По словам И.А. Голованова, «в одних случаях рассказчик стремится поделиться личными переживаниями..., тем самым вводит собеседника в свой «ближний» мир, ... в других ситуациях ... ему необходимо восстановить факты, проливающие свет на местную историю, важную для него самого и составляющую общий интерес для всех жителей данной местности» [Голованов, 2008, с. 27].

В одном временном срезе в памяти информанта оказываются связанными разные места, связанными через одно событие, ставшее сюжетным ядром цикла текстов. Следы обозначенного события (разорение кладбища) могут быть найдены и в других местах города. Как фольклорная, так и историческая память позволяет восстановить не только череду исторически значимых событий, но и маршрут, по которому они были совершены.

Текст 3

«Я вот сказал же тебе, что плиты с кладбища увозили на постройку другую, их прям складывали в грузовик и отвозили. Вот знаешь где станция скорой помощи, там, где первая психбольница в городе была, там теперь частный дом, люди живут, но я не представляю, как там жить можно... Вот там, эта станция скорой помощи, она на надгробиях стоит. Здесь в фундамент положили 40 надгробий с того кладбища, прям в ряд одно к одному складывали и потом на этом фундаменте дальше строили здание».

Мотив надругательства над святыней (использование награбленного с кладбища в строительстве) не явлен в тексте 3 эксплицитно, но вполне ощутим и легко прочитывается в контексте всего цикла. Примечательно, что предание оказывается связанным с пограничными для современного человека местами (станция скорой помощи как место границы между жизнью и смертью, психбольница как место границы между миром нормальных людей и миром безумия), которые упоминаются в тексте и были лично показаны автору статьи информантом. Между строк прочитывается немой вопрос информанта: как может нормально функционировать место, предназначенное для возвращения людей к жизни, если оно, по сути, «стоит

на костях» (надгробие воспринимается как часть могилы, причем её ключевая, информативная часть). На том же основании в цикл попадает упоминание здания бывшей психбольницы. С одной стороны, объекты объединяет пространственная близость (здания находятся на одной улице недалеко друг от друга), с другой – несоответствие исторического предназначения места и его нынешнего использования, что рассматривается информантом как отклонение от нормы.

Доминанты мировоззрения информанта становятся ещё отчётливей при сопоставлении разных мотивов, связанных с одним и тем же местом.

Текст 4

«А рядом, знаешь, есть надгробие, оно просто лежит там под деревом, в землю уже вросло. Ему просто в фундаменте места не хватило, оно лишнее было, и его тут просто так бросили. Потом легенда появилась, что это якобы могила дочери одного богатого сибирского купца, которая от несчастной любви с собой покончила. Я ее не помню уже, что там за история была, может другие старики помнят».

В тексте 4 объект упоминается преимущественно потому, что связан с магистральной сюжетной линией цикла городских легенд (кладбище под Горсадом). Несмотря на то, что объект имеет свою историю, она не сохранилась в памяти информанта, что говорит о неактуальности этого фольклорного пласта для него.

В то же время события, связанные с сакральным и мистическим для информанта местом имеют большое значение и вспоминаются в деталях.

Текст 5

«Как-то ремонт делали в парке, фонтан чинили, трубы в нём меняли, знаешь тот фонтан, который так и не работает, который рядом со сценой. Вот когда его стали раскапывать, там метр-полметра копнули – а там кости, человеческие кости, прям вперемешку. Аж работа остановилась, парни стоят перепуганные, удивлённые, такой суеверный страх. Меня спрашивают, мол, что теперь с ними делать? Я хотел перезахоронить кости, чтобы всё по-человечески было, нормально. Прораб пришёл, мол, почему работа встала. А тут такое, останки человеческие. Он посмотрел – и махнул рукой, мол, что с ним делать, закапывайте назад. Закопали. Починка потом остановилась, была причина какая-то. Так этот фонтан и не работает до сих пор, и не будет уже. Это мёртвый фонтан. Да и сейчас, если в Горсаде где копнуть, неглубоко копнуть, то кости попадают, до сих пор, если где-то ремонт идёт, находят ещё кости, черепа находят».

Текст 5, имплицитно имеющий мотивы былички (обнаружение рабочими костей, захороненных как столкновение живых с мёртвыми), несёт в себе явный «городской» текст, повествуя об одном из паранормально маркированных мест городского хронотопа (мёртвый фонтан). Эпизод с раскопанными костями продолжает сюжетную линию осквернённого кладбища. Именно тем, что кости усопших были потревожены, информант объясняет нерабочее состояние объекта. Фонтан, где раскопали могилы,

становится своеобразной точкой омертвелости, где ничто не может функционировать.

Обращает на себя внимание в целом образ фонтана в мировой культуре. Фонтан в прошлом был местом получения питьевой воды, жизненно необходимой людям, а значит стратегически важным и потому, несомненно, сакральным местом. В новое время фонтан приобрёл также эстетическое значение и стал символом радости, силы, энергии и бьющей ключом жизни. Все эти символические смыслы объекта оказываются словно заблокированными вторжением людей в мир мёртвых.

Цикл включает в себя тексты, в которых могут быть схожи мотивы, но различны интерпретации событий и отношение информанта к ним.

Текст 6

«Это же кладбище, что тут было, что сейчас под асфальтом закатано, оно намного больше было, чем сейчас Горсад, его территория. Оно под Горсадом расползается дальше, часть под молокозаводом, часть под соседними частными домами, ещё часть под дорогой. Случай был, мне хозяин дома сам рассказал. Дом он не сам строил, купил, а потом решил погреб выкопать на кухне. Доски с пола снял, давай копать. Тут бац – другие доски, гнилые. Оказалось, гробы раскопал. На могиле дом стоял, гробы раскопали. Ну открыли гробы, посмотрели, кто там. А это оказалась семья священника, батюшка и матушка, так немного поодаль друг от друга. В разных могилах похоронили, но рядом. А они как поняли, что это священники. Ну там остатки одеяния священнического были, видно было, что ряса. А в гробу одном, наверно это у батюшки, крест серебряный, огромный такой крест на груди. Он куда-то пропал потом, наверно дети задевали куда-то, мужик говорил... Что сделал? А что сделал, жить-то в доме дальше надо, что, не съезжать же теперь. Заложил их кирпичом, стены все в погребу обложил кирпичом, и всё. Говорит, не тревожат. Он их не тревожит, и они его не тревожат. И мёртвые с живыми живут... Вот там через дорогу строят что-то, наверно, под офисы. Там наверняка тоже кости находили, раскапывали могилы не раз, пока строят. Тут всё на костях стоит, везде кто-то спит».

В данном предании (текст 6), имеющем также черты былички (потревоженные покойники, рассказ об осквернённой могиле), примечательно, во-первых, другое отношение информанта к описываемым событиям, во-вторых, иное поведение героя предания. Это может быть объяснено поведением героя текста (обкладка гробов кирпичом (склеп, гробница) как перезахоронение и, соответственно, соблюдение ритуала) либо изначальным положением дел в ситуации (могилы находились под жилым домом, а не под местом увеселения, а значит, не были осквернены), исключаящим нарушение правил. Слова информанта «и мёртвые с живыми живут» позволяют выдвинуть предположение о возможности такого соседства в его картине мира.

Соседство живых с мёртвыми возможно и как вынужденная необходимость, продиктованная ошибками прошлого, но нежелательно, на

что указывает следующий текст, прямо не относящаяся к циклу городских легенд о Горсаде, но исполнявшаяся информантом в этом ключе.

Текст 7

«Вот например Пахомовское кладбище знаешь же, там вокруг многоэтажки стоят полукольцом. Этот район так и называется – живые и мёртвые. У меня там мама живёт, одна живёт в квартире. Приехал к ней как-то, а она мне рассказывает. Ночью допоздна вчера сидела на кухне, не спалось. Вышла на минутку, захожу потом – за столом сидят два человека, разговаривают, мужчина и женщина. Она говорит, не испугалась, не закричала, просто не поняла, не успела понять. А они просто говорили между собой, потом сразу встали и ушли через стену. Просто насквозь через стену прошли и всё. Мать мне это рассказывает, а я сам думаю так грустно, что наверно мама уже совсем старенькая стала, голова подводит, потихоньку крыша едет у старушки, она же у меня старенькая совсем, ей за 90 уже. А потом подумал: тут же рядом Пахомовское. И всё понятно стало. Оно и не удивительно, что мать такое увидела: усопшие рядом».

Как видно, предание и быличка реализуют один мотив (неконфликтное соседство живых и мёртвых) с помощью своих специфических жанровых средств, что обеспечивает городским легендам, с одной стороны, тексто-жанровое разнообразие и, с другой стороны, целостность сюжетно-мотивного содержания, транслируемого в информационное поле города.

Заключение

Несомненно, информационное поле Павлодара, состоящее, кроме быличек и преданий, также из литературных произведений, детерминированных локально, почти не изучено и требует пристального внимания учёных. Данная статья – лишь один из первых шагов на обозначенном выше пути исследования.

Библиографический список

- Каскабасов, С. А.* Казахская сказочная проза; АН КазССР, Ин-т лит. и искусства им. М. О. Ауэзова. Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. 238 с.
- Климова, К. А.* «Темница Сократа» и «дворец святой Пенелопы»: новогреческие народные исторические топонимические легенды: сборник научных статей // Всероссийский конгресс фольклористов». М., 2019. С. 98-104.
- Смирнова, Е. В.* Устойчивые мотивы сюжета 'геопатогенная зона' в городской легенде // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. No 21 (202). Филология. Искусствоведение. Вып. 45. С. 114-119.
- Замятин, Д. Н.* Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 255 с.
- Разумова, И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М: Индрик, 2001. 375 с.
- Голованов, И. А.* Проблема жанровой дифференциации сказочной прозы: коммуникативный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 36. С. 26-33.

References

- Kaskabasov S.A. Kazakh non-fairy prose. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1990. 238 p.
- Klimova K. A. "The Prison of Socrates" and "The Palace of Saint Penelope": Modern Greek folk historical toponymic legends: collection of scientific articles // All-Russian Congress of Folklorists ". M., 2019, S. 98-104.
- Smirnova E. V. Sustainable explanation of the "geopathogenic zone" narrative in an urban legend // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2010. No. 21. S. 114-119.
- Zamyatin D. N. Modeling of geographical images. The space of humanitarian geography. Smolensk: Oikumena, 1999. 255 p.
- Razumova I. A. The secret knowledge of the modern Russian family. Mode of life. Folklore. History. Moscow: Indrik, 2001. 375 p.
- Golovanov I.A. The problem of genre differentiation of non-narrative prose: the communicative aspect // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2008. №36. Pp. 26-33.

УДК 329.051

ББК 66.69(4/8)

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_159

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ КНР КИТАЙСКИМИ УЧЕНЫМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Мария Михайловна Сисенкова
Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса, д.1
Иркутск, 664003, Россия
sismar@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена современным исследованиям партийной системы КНР. Китайские ученые сосредотачиваются на четырех аспектах: изучение теоретических источников партийной системы Китая с точки зрения марксистско-ленинской классики, традиционной китайской культуры, политической философии и т.д.; анализ политических, исторических и иных факторов, формирующих партийную систему Китая, а также тенденций ее развития; построение реальной картины с точки зрения внутривнутрипартийных отношений, межпартийных отношений, партийно-государственных отношений, партийно-социальных отношений и партийно-мировых отношений; изучение перспектив развития партийной системы КНР с точки зрения общей теории партийных систем и системы верховенства права.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, партийная система Китая в новую эпоху, теория политических партий, партийное строительство, политическое развитие.

REVIEW OF STUDIES OF THE PARTY SYSTEM OF THE PRC BY CHINESE SCIENTISTS AT THE CONTEMPORARY STAGE

Maria M. Sisenkova
Irkutsk State University
1, Karl Marx street,
Irkutsk, 664003, Russia
sismar@mail.ru

Abstract. The article is devoted to modern studies of the PRC party system. Chinese scholars focus on four aspects: the study of the theoretical sources of the Chinese party system from the point of view of the Marxist-Leninist classics, traditional Chinese culture, political philosophy, etc; analysis of political, historical and other factors that form the party system in China, as well as trends in its development; building a real picture from the point of view of intra-party relations, inter-party relations, party-state relations, party-social relations and party-world relations; study of future development from the point of view of the theory of party systems, the system of the rule of law, the trend of cultural development.

Key words: Chinese Communist Party, Chinese party system in the new era, theory of political parties, party building, political development.

Партийная система в Китае является одновременно и институциональной нормой демократических отношений, и важной частью современной политической системы. Партийная система КНР по внешним формальным признакам может считаться многопартийной. Уже к началу 1950-х гг. помимо КПК существовало 8 политических демократических партий. Ни одна из этих партий никогда не была в оппозиции к КПК.

Из-за тотального лидерства КПК в стране существует мнение, что в Китае однопартийная система. Однако допускается функционирование нескольких некоммунистических партий, что официально зафиксировано в Конституции КНР и Уставе КПК. Поэтому вопрос о том, какая в современном Китае система – однопартийная или многопартийная – остается весьма актуальным. Сложившиеся в течение нескольких десятилетий взаимоотношения КПК с 8 демократическими партиями принято называть системой многопартийного сотрудничества и политических консультаций [Баринкова, 2015].

Актуальность рассмотрения китайской партийной системы обусловлена той важностью, которую она представляет для китайского общества в целом, и тем местом, которое занимает современный Китай в мировой политике сегодня.

Вопросы партийной системы КНР входят в область научных интересов множества российских и зарубежных исследователей, среди которых можно назвать А. В. Гордона, Дж. Фьюсмита, Я. М. Бергера, Б. В. Ивченко, Б. В. Исаева, К. А. Кокарева, Л. И. Сосковец, Г. А. Степанову, Е. В. Кремнёва, И. Л. Адилханян, А. В. Баринкову, Линь Шанли, Юй Чуншэн и ряд других исследователей.

К началу 80-х годов прошлого века окончательно сформировалась партийная система КНР, которая уже тогда очень отличалась не только от партийных систем Европы и Америки, но и от партийной системы СССР.

В политической системе Китая существует 9 партий – Коммунистическая партия Китая (КПК) и 8 демократических партий. В официальных документах КПК значится как правящая партия, а демократические партии как участвующие в политической жизни страны.

Особое значение Коммунистической партии Китая подчеркивается во введении к Конституции КНР: 1) только благодаря руководству КПК стали возможны успехи социализма в Китае, 2) и в дальнейшем на КПК возложена миссия руководства «многонациональным народом Китая».

Деятельность КПК опирается на идеологию марксизма-ленинизма, идеи Мао Цзэдуна, теорию Дэн Сяопина и более поздние доктрины, последовательно внедренные лидерами партии. «Социалистическая модернизация» и преобразование КНР в «социалистическое государство с высокоразвитой культурой и демократией» на данный момент является главной задачей КПК.

Авторы работы «Обзор исследований партийной системы Китая китайскими учеными на современном этапе» Чжан Маои, сотрудник Школы

политологии и права Лэшаньского педагогического колледжа, с 2018 года докторант Колледжа марксизма Сычуаньского университета, и Ван Хуншу, профессор Колледжа марксизма Сычуаньского университета, научный руководитель в своей статье проводят обзор китайских исследований партийной системы в течение последних десяти лет [张茂一, 2019]. Содержание исследования в основном сосредоточено на следующих четырех аспектах:

- во-первых, изучение теоретических источников партийной системы Китая с точки зрения марксистско-ленинской классики, традиционной китайской культуры, политической философии и т.д.;
- во-вторых, анализ политических, исторических и иных факторов, формирующих партийную систему Китая, а также тенденций ее развития;
- в-третьих, воссоздание реальной картины с точки зрения внутрипартийных отношений, межпартийных отношений, партийно-государственных отношений, партийно-социальных отношений и партийно-мировых отношений;
- в-четвертых, изучение будущего развития с точки зрения теории партийных систем, системы верховенства права, тенденции развития культуры.

Рассуждая о теоретической основе, на которой строится партийная система Китая, авторы указывают на три ключевые версии теоретических источников партийной системы: марксистско-ленинская классика, китайская традиционная культура и политическая философия.

Теоретическая основа китайской партийной системы включает марксистскую классику, в том числе и созданную в Китае. Чжан Маои и Ван Хуншу в своей статье приводят мнение Линь Пин, который четко разграничивает две теоретические традиции. С одной стороны, теория многопартийного сотрудничества, сформулированная Марксом и Энгельсом в Манифесте Коммунистической партии, теория единого фронта и теория В.И. Ленина о национальной и колониальной революции дают теоретическую базу для китайской партийной системы, с другой – современная социал-демократическая политическая теория, построенная в процессе развития китайской демократии, обеспечивает теоретическую основу для создания и развития китайской партийной системы.

Марксистская партийная теория, взятая Китаем на вооружение, продемонстрировала большую адаптивность. Многие ученые считают, что это неразрывно связано с понятием «гармонии» традиционной политической культуры Китая, а также с понятием сознательности и инклюзивности. Их репрезентативные взгляды отражают две основные идеи: анализ функционирования и значения партийной системы в Китае с точки зрения «гармонии» традиционной политической культуры Китая. В традиционной китайской политической культуре ценностные концепции «гармонии», «централизации» и «авторитета» оказывают существенное влияние на функционирование партийной системы в Китае. Проникновение традиционной культуры и идеологии гармонии в партийную систему Китая

является явным признаком «китайской специфики», что делает многопартийное партнерство принципиально отличающимся от конкурирующих партийных отношений на Западе и выходит за рамки логики выживания западной партийной системы в соответствии с «законом джунглей».

Партийная система Китая представляет собой сложный исторический процесс. Как формировалась и развивалась партийная система Китая, и какие этапы она продемонстрировала? Это два вопроса, на которые автор старается ответить, проанализировав историческую логику системы. Научные исследования по историческому исследованию китайской партийной системы главным образом направлены на то, чтобы отсортировать исторические данные и попытаться прояснить исторический контекст, а также использовать политическую теорию для изучения причин ее возникновения и развития.

– Двусторонняя потребность национального строительства и социального развития. В последнее время в Китае постепенно внедряется западная партийная система, чтобы учиться западным передовым технологиям и перенимать их опыт развития. Коммунистическая партия, которая возникла вне системы, была создана как социально ориентированная политическая мобилизационная партия, которая в результате многопартийного сотрудничества под руководством одной партии взяла на себя ответственность за строительство современного государства, что, в конечном счете, привело к созданию «общества, политической партии, государства». Двойственная логика общественного развития и национального строительства делает партийную систему с китайской спецификой характерной для эндогенной партийной системы. Таким образом, три основных элемента партийной системы Китая (политическое руководство, многопартийное сотрудничество и политические консультации) получили историческое развитие.

– Игра партийных сил и рациональное планирование. Перспектива взаимодействия государства и общества выявляет причины возникновения политической системы Китая с точки зрения макроструктуры, но в некоторой степени игнорирует взаимодействие между различными политическими силами. Ученые постепенно внедрили западную «теорию игр», «институционализм» и другие теории. Это стало новой попыткой объяснить появление системы политических партий в Китае с точки зрения взаимодействия различных политических сил и институционального баланса.

– Формирование политического участия и институционализация политических партий. Изменения в социальной структуре привели к тому, что общество все больше стремилось к разнообразной структуре интересов. Каждая партия стремится выразить и реализовывать интересы своего класса и социального слоя посредством политического участия. В процессе модернизации государство обязательно должно реагировать на требования, основанные на интересах общества. Эта реакция в конечном итоге проявляется в формировании политической системы государства.

Научность исторической постановки зависит от обоснованности аргументов и, в частности, от понимания основных исторических узлов, таких как «формирование» и «становление» объекта исследования. В работах китайских ученых представлены четыре репрезентативных взгляда на вопрос об исторических этапах китайской политической партийной системы:

1. Чжун Дэтао предложил пять этапов: «первичная форма, прототип – официальное образование – формальное становление – исследовательское строительство – институциональное строительство» [钟德涛, 2015]. Создание демократического режима «тройной системы» привело к появлению китайской партийной системы; созыв Народного политического консультативного совета Китая и формирование нового Центрального правительства стали символом официального образования партийной системы в Китае; создание нового Китая до социалистической реформы в основном завершено на стадии формального становления; «три основных преобразования» завершились в период интенсивного и конструктивного строительства, завершение XIII-го съезда ЦК КПК – это период институционального строительства партийной системы Китая.

2. Некоторые ученые, предложив четыре этапа «рождение – образование – зигзаг – новый этап», провели исторический обзор партийной системы Китая. Они считают, что она зародилась в период демократической революции, сформировалась накануне образования нового Китая, а затем пережила зигзагообразный процесс расширения борьбы с правым фронтом и «культурной революции», после 3-го пленума ЦК 10-го созыва наступил новый исторический этап. Ученые также предложили четыре периода: начального развития (период перехода новой демократии к социализму), серьезных потрясений (период изучения пути строительства социализма), восстановления развития (период открытия социализма с китайской спецификой), полной модернизации (период развития социализма с китайской спецификой через столетие); кроме того, ученые предложили следующие четыре этапа – зарождение (новая демократическая революция), оттачивание (социалистическая революция и строительство), очищение (реформа и открытость) и новаторство (новая эра).

3. Следующий подход включает в себя три этапа. В работе Чжан Циньпэна происходит разделение партийной системы Китая на три этапа: «становление – извилистое развитие – постоянное совершенствование». Создание Коммунистической партии Китая и созыв Народного политического консультативного совета Китая являются этапом формирования, создание нового Китая до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва представляет собой сложный этап развития, а реформа и открытость до сих пор представляют собой этап постоянного совершенствования [张钦朋, 2011].

4. Четвертая точка зрения – два этапа. Некоторые ученые разделили партийную систему Китая на два этапа, используя «культурную революцию» как ориентир. Первый этап был отмечен проведением Народного

политического консультативного совета Китая, за которым последовали семилетние основные этапы становления, расширение борьбы против правых сил и «культурной революции», второй этап прошел через восстановление институтов, составляющих ядро руководства второго поколения, организационное строительство основных политических партий третьего поколения и дальнейшее развитие и совершенствование ядра руководства четвертого поколения.

Говоря о внутрипартийной деятельности, автор характеризует нынешнюю управляющую обстановку Коммунистической партии Китая как сложную и изменчивую, сталкиваясь с многочисленными испытаниями и опасностями. Формирование правящей партии всегда было приоритетной областью, и ее результаты были очень плодотворными, они характеризуются систематизацией, специализацией и даже дисциплиной (например, возрождением партийной истории и Коммунистической науки). Ключ к совершенствованию новой китайской партийной системы заключается в том, чтобы захватить научное построение правящей партии, которая стала общим консенсусом среди ученых. Репрезентативная точка зрения показана в двух измерениях: теоретическом и практическом. С теоретической точки зрения, ведется речь в основном вокруг законов управления, исторической трансформации правящей партии, социалистической рыночной экономики и всестороннего углубления реформ и других аспектов разработки логики исследования строительства правящей партии [王长江, 2017]; практическая же точка зрения сосредоточилась вокруг строительства правящей партии, укрепления передового строительства партии, «обучения», «обслуживания», «инноваций» типа марксизма правящей партии и других аспектов, предлагаются конкретные пути [顾海良 2014]. После 19-го съезда ЦК КПК внес структурные коррективы в партийное строительство, поставив политическое образование на первое место. Эти результаты получили широкое распространение, в том числе «исследование идей политического строительства партии Си Цзиньпина и теоретических краеугольных камней, идеологических традиций, реалистической почвы, научных коннотаций, институциональной структуры, теоретических инноваций и практического значения» [熊秋良, 2018].

Автор уделяет особое внимание вопросам межпартийных и структурных отношений между Коммунистической партией Китая и крупными демократическими партиями, так как данные взаимоотношения постоянно привлекают внимание научных кругов. Они представляют собой централизованную структуру многомерных элементов, в которой Коммунистическая партия Китая является центральным элементом интеграции, а восемь демократических партий и беспартийных лиц являются основными элементами плюрализма. Очевидно, что эта структура межпартийных отношений носит асимметричный характер, и поэтому некоторые ученые творчески выдвинули идею о том, что партийная система Китая является асимметричной [虞崇胜, 2009]. Эта асимметричная система

проявляется, в частности, в статусе, функциях и взаимоотношениях КПК и демократических партий в политической жизни страны. Она обеспечивает не только руководство и управление Коммунистической партией, но и всестороннее участие в политической жизни различных партий и слоев общества. Именно эта асимметричная структурная особенность помогла «эффективно избежать недостатков старой партийной системы, представляющей меньшинства, группы интересов меньшинства; эффективно избежать недостатков односторонней или многопартийной ротации, порочной конкуренции и эффективно устранить недостатки старой партийной системы, ограничивавшейся партийными интересами, классовыми интересами, региональными и групповыми интересами в процессе принятия решений, которые привели к социальной дезинтеграции» [习近平, 2018].

Китайская партийная система тесно связана с социалистическим обществом, и автор полагает, что эта система, ориентированная на общество, демонстрирует сильные интеграционные преимущества и социальную сплоченность, которых нет в конкурентной партийной системе Запада. В работе Юй Чуншэна прослеживается глубокая интерпретация этого преимущества асимметричной структуры, которая, по его мнению, может «полностью мобилизовать и объединить мудрость и силу всего общества, чтобы максимально сформировать единую волю и сконцентрировать социальные ресурсы» [虞崇胜, 2009], тем самым способствуя научному и демократическому принятию решений партии и правительства. В то же время ученые отмечают реальные проблемы китайской партийной системы с точки зрения интеграции социальных интересов и сплочения социальных сил, а усиление функции лидерства может привести к пренебрежению или искажению общественного мнения, «моральное воздействие» в некоторой степени заменяет «выразительность». Поэтому, столкнувшись с дифференциацией социальных слоев и плюрализмом интересов, ученые утверждают, что адаптация функций выражения и лидерства должна рассматриваться как направление, координирующее развитие отношений между политическими партиями и обществом в Китае.

Рассматривая будущее развитие партийной системы в Китае, Чжан Маои придает партийной системе Китая характеристику неизбежного и великого политического развития в современной истории Китая. Дальнейшее развитие ее институционального потенциала и политического превосходства зависит от глубины вышеупомянутых политических отношений на институциональном уровне и расширения пространства для развития партийной системы. Это, как считает автор, поможет подчеркнуть жизнеспособность партийной системы страны. Говоря о будущем партийной системы в Китае, автор наметил четыре тенденции развития: теории, системы, культуры и пути:

– Первая тенденция – обобщение правил многопартийного сотрудничества, создание дискурсивной системы и построение теории инноваций социалистической партийной системы с китайской спецификой.

Целью теоретического построения китайской партийной системы является формирование системы логических структур «закономерности» и «целесообразности». Сложность теоретического построения партийной системы в Китае заключается в теоретическом построении партии; акцент делается на авторитетности, институционализации и эффективности теоретического определения и практической деятельности партийного надзора.

– Под второй тенденцией автор подразумевает постепенный и поэтапный процесс укрепления верховенства права в партийных структурах в соответствии с современными тенденциями и закономерностями. По мере того, как иерархия становится все более дифференцированной и запутанной в переплетении интересов, различные классы интересов стремятся искать общественную защиту через своих представителей или посредников. Чтобы обеспечить беспрепятственное и упорядоченное публичное выражение плюралистических интересов, встает вопрос о том, на каком этапе необходимо обеспечить верховенство права в партийной системе. Были предложены конкретные пути становления верховенства права: во-первых, нужно обеспечить верховенство права на основе внутривнутрипартийных законов и постановлений; во-вторых, необходимо уважать законы и придерживаться принципа постепенности.

– Третья тенденция включает в себя интеграцию общественно-политической культуры, формирование институциональной культурной среды и благоприятной атмосферы политической гармонии между партиями. Политическая культура является важной причиной формирования политической системы и основным фактором, оказывающим влияние на процесс ее развития. На это накладывает отпечаток усиление роли критического мышления в социальных и политических процессах, формированию этого навыка отводится все больше внимания со стороны ученых [Дюндик, 2019]. Для будущего развития партийной системы Китая необходимо обратить внимание на текущую политическую культурную среду, глубоко развивать культурные ресурсы партийной системы Китая и активно формировать благоприятную политическую культурную обстановку.

– Наконец, в соответствии с четвертой тенденцией необходимо непоколебимо придерживаться и развивать партийную систему Китая, демонстрируя уникальные преимущества характерного демократического политического пути развития Китая в институциональной функции. Партийная система страны во многом определяет будущее и судьбу демократического политического развития. Основываясь на понимании важности положения партийной системы в политическом развитии Китая, многие ученые считают, что сохранение и развитие партийной системы имеет важное значение для развития социализма в Китае.

После 18-го съезда КПК строительство партийной системы в Китае поднялось на новую ступень, на 3-м пленуме 18-го созыва было принято решение ЦК КПК о всестороннем углублении некоторых важных вопросов реформы, поставлена задача «сосредоточить усилия на продвижении

политических консультаций, демократическом надзоре, институционализации, нормализации и регулировании процедуры участия в политике», которая определяет политическое направление и путь для совершенствования партийной системы Китая, придерживаясь политического пути социалистической демократии. В настоящее время партийная система Китая уже имеет определенный уровень институционализации, регулирования и процедурного оформления, но для ее здорового и стабильного развития необходимы дальнейшие организационные механизмы и разработка.

Исследования партийной системы Китая за последние десять лет получили широкое распространение в ряде областей, включая теоретические основы, историческое происхождение, конструирование реальной картины и будущее развитие. Однако Чжан Маои также указывает на недостатки исследований в этих сферах. С точки зрения исследовательских текстов, в настоящее время стало больше научных работ, в то время как авторитетные монографии достаточно редки, а исследования относительно фрагментированы. Касательно содержания исследований институциональное строительство правящей партии обсуждается часто, а институциональное строительство демократических партий – реже; исследования часто основаны на исторических источниках или интерпретациях политических документов, недостаточно теоретических работ по перспективам партийных инноваций; даже если некоторые исследования пытаются использовать новые теоретические модели, такие как теория игр, принцип нового институционализма и т. д., то возникают проблемы, связанные с адаптивностью и интерпретацией этих моделей. Кроме того, несмотря на то, что некоторые важные исследования (такие как историческая подоплека и верховенство права) были затронуты учеными, мнения расплывчаты, а дискуссии по-прежнему носят весьма противоречивый характер. С точки зрения методологии исследования, основными методами являются нормативные методы политологии и истории. Тем не менее, в целом методы научных исследований являются более однородными, междисциплинарная интеграция недостаточна, а эмпирические исследования на местах или за рубежом относительно невелики. С точки зрения дискурса исследования, в дискурсе политического документа доминирует серьезное отставание собственного дискурса, отсутствие «асимметричной структуры» и других характерных понятий для представления и глубокой интерпретации [张茂一, 2019].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что китайские ученые анализируют партийную систему КНР с методологической точки зрения, изучая теоретические источники с позиции марксистско-ленинской классики, традиционной китайской культуры и политической философии; прослеживают путь ее исторического рождения и развития, раскрывают аспекты внутрипартийных, межпартийных, партийно-государственных, партийно-социальных и партийно-мировых отношений; анализируют будущее развитие с точки зрения теории, верховенства права, культуры и

пути. Отмечаются слабые места в современных исследованиях, им дают соответствующую оценку.

Подводя итог вопросам, рассмотренным в работе, можно сделать вывод, что система многопартийного сотрудничества и политических консультаций — это реальность и особенность партийной системы Китая: при главенствующей роли в стране КПК официально функционируют 8 демократических партий, представляющих интересы определенных слоев общества. Можно полагать, что руководство КПК после периода противоречий нашло форму сотрудничества с демократическими партиями, подходящую для обеих сторон. Когда в стране признается многопартийность, сотрудничество КПК с демократическими партиями выгодно не только в политическом отношении [Степанова, 2014].

Если рассуждать о развитии системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций, то закрепление ее в целом ряде официальных документов, неизменное заверение высших руководителей КПК и государства в верности курсу КПК в отношении демократических партий, а также видимая польза от такого сотрудничества позволяет предположить, что система многопартийного сотрудничества будет развиваться и в дальнейшем.

Библиографический список

- Баринкова А. В.* К вопросу о типологических характеристиках партийной системы КНР / А. В. Баринкова, Е. В. Кремнёв // Китай: история и современность: материалы IX Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 22-23 октября 2015 г.). Отв. ред. С. В. Смирнов. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 220-225.
- Дюндик Ю. Б.* Совершенствование навыков критического мышления посредством анализа новостного контента современных СМИ: из опыта работы / Ю. Б. Дюндик, О. В. Кузнецова // Гуманитарные науки и образование. 2019. Т. 10. № 2 (38). С. 57-62.
- Степанова Г. А.* Система многопартийного сотрудничества в Китае // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М. Л. Титаренко. М., 2014. С. 198-206.
- 顾海良、丁俊萍: 《当代中国执政党的建设之路》, 长沙: 湖南教育出版社, 2014年, 第10页。
- 王长江: 《构建中国化马克思主义党建理论体系的方法论思考》, 《科学社会主义》2017年第6期。
- 习近平: 《坚持多党合作发展社会主义民主政治, 为决胜全面建成小康社会而团结奋斗》, 《人民日报》2018年3月5日第1版。
- 熊秋良: 《十九大以来党的政治建设述评》, 《理论视野》2018年第12期。
- 虞崇胜. 非对称性政党制度的特点和优势 – 中国多党合作制度的内在机理分析[J]. 理论探讨, 2009, (6).
- 张茂一; 王洪树: 《新时代中国政党制度国内研究述评》[J]; 特区实践与理论; 2019年02期。
- 张钦朋: 《中同政党制度的历史发展、基本特点及其经验启示》, 《内蒙古大学学报》2011年第11期。
- 钟德涛: 《中国政党制度发展史论》, 北京: 高等教育出版社, 2015年, 第8页。

References

- Barinkova A. V.* On the issue of typological characteristics of the party system of the PRC / A. V. Barinkova, E. V. Kremnyov // China: history and modernity: materials of the IX

International scientific-practical conference (Yekaterinburg, October 22-23, 2015). Ed. by S. V. Smirnov. Yekaterinburg: UrFU, 2016. P: 220-225. (in Russian)

Dyundik Yu. B. Improving critical thinking skills by analyzing the news content of modern media: from work experience / Yu. B. Dyundik, O.V. Kuznetsova // Humanitarian sciences and education. 2019.Vol. 10.No. 2 (38). P. 57-62. (in Russian)

Stepanova G. A. The system of multi-party cooperation in China // China on the way to revival. On the occasion of the 80th birthday of Academician M.L. Titarenko. Moscow, 2014. P: 198-206. (in Russian)

顾海良、丁俊萍：《当代中国执政党的建设之路》，长沙：湖南教育出版社，2014年，第10页。

王长江：《构建中国化马克思主义党建理论体系的方法论思考》，《科学社会主义》2017年第6期。

习近平：《坚持多党合作发展社会主义民主政治，为决胜全面建成小康社会而团结奋斗》，《人民日报》2018年3月5日第1版。

熊秋良：《十九大以来党的政治建设述评》，《理论视野》2018年第12期。

虞崇胜. 非对称性政党制度的特点和优势 – 中国多党合作制度的内在机理分析[J]. 理论探讨, 2009, (6).

张茂一; 王洪树; 《新时代中国政党制度国内研究述评》[J]; 特区实践与理论; 2019年02期。

张钦朋：《中同政党制度的历史发展、基本特点及其经验启示》，《内蒙古大学学报》2011年第11期。

钟德涛：《中国政党制度发展史论》，北京：高等教育出版社，2015年，第8页。

УДК 372.881.111.1

ББК 74.268.1 Англ.

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_170

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ:
СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

*Татьяна Борисовна Вепрева,
orcid.org/ 0000-0001-6528-3492,
кандидат педагогических наук, доцент
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова,
набережная Северной Двины, 17
Архангельск, 163002, Россия
t.vepreva@narfu.ru*

*Ольга Владиславовна Печинкина,
orcid.org/0000-0002-4779-8449,
кандидат педагогических наук, доцент
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова,
набережная Северной Двины, 17
Архангельск, 163002, Россия
o.pechinkina@narfu.ru*

Аннотация. Современный мир нуждается в компетентных и мобильных специалистах в области медицины, способных работать в мультикультурном обществе в любой точке мира. Целью данной работы является определение структуры и содержания дисциплины «Иностранный язык», которые способствовали бы более осознанному, активному и мотивированному усвоению предмета. Методологией исследования стали федеральные государственные образовательные стандарты, программы дисциплины «Иностранный язык» для высших учебных заведений и существующая литература по проблеме исследования. Для определения конкретных ситуаций дальнейшего применения иностранного (английского) языка было проведено анкетирование фокус группы. Результатом исследования является определение и обоснование структуры курса «Иностранный язык» с предложенной тематикой и грамматическим материалом, распределенным по модулям. Авторы исследования предлагают модель курса, состоящего из трёх последовательных модулей, основанных на потребностях обучаемых и тематическом содержании дисциплины. Предложенная модель курса для обучения иностранному языку позволит быстрее сформировать необходимые будущему врачу универсальные компетенции и без проблем интегрироваться в профессиональное сообщество.

Ключевые слова: английский язык, медицина, высшая школа, модульная система обучения, профессиональное развитие студентов-медиков.

ENGLISH FOR MEDICAL STUDENTS: CURRENT STAGE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

*Tatiana B. Vepreva,
orcid.org/ 0000-0001-6528-3492,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Embankment of the Northern Dvina 17
Arkhangelsk, 163002, Russia
t.vepreva@narfu.ru*

*Olga V. Pechinkina,
orcid.org/0000-0002-4779-8449,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Embankment of the Northern Dvina 17
Arkhangelsk, 163002, Russia
o.pechinkina@narfu.ru*

Abstract. The modern world needs competent and mobile medical professionals who can work in a multicultural society in any country of the world. The aim of this paper is to determine the structure and content of the «Foreign language» discipline to contribute to more conscious, active and motivated learning of the subject. The methodology is based on Federal state educational standards, programmes of «Foreign language» discipline for higher educational institutions, and existing literature on the problem. To determine the specific situations of further use of a foreign (English) language, a focus group survey was conducted. The result of the research is the substantiation of the «Foreign language» course structure with the suggested topics and grammatical material distributed in modules. The authors of the study propose a course model consisting of three consecutive modules based on the content and the students' needs. The proposed model will allow forming the universal competencies necessary for a future doctor and integrating into the professional community without any problems.

Key words: English, medicine, higher school, modular training system, professional development of medical students.

Введение

Современное общество находится в состоянии постоянных изменений, обусловленных рядом факторов, таких как глобализация, миграция, информатизация и цифровизация, усиление конкуренции в экономике [Avota, 2018], и, наконец, пандемия Covid-19. Последнее стало настоящим испытанием для всех стран и отраслей, в том числе для системы образования. Изменившаяся ситуация влечёт за собой адаптацию, модификацию и подбор подходов, методов и средств обучения, при том, что содержание дисциплины не изменяется, а остаётся зафиксировано в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования, основными профессиональными образовательными программами, учебными планами и рабочими программами. Возникает вопрос – как преобразовать

дисциплину «Иностранный язык», чтобы в современных условиях и с учётом мировых тенденций выпускники медицинских направлений подготовки смогли успешно интегрироваться в мультикультурное общество? Таким образом, цель данного исследования – определить структуру и содержание курса «Иностранный язык» в высших медицинских учебных заведениях с тем, чтобы они соответствовали вызовам текущей ситуации. Достижение поставленной цели предполагает решение нескольких задач: а) изучить действующие федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования; б) проанализировать российские и зарубежные подходы к разработке содержания дисциплины «Иностранный язык», в) разработать структуру и тематическое планирование курса «Иностранный язык» в высших учебных заведениях медицинского профиля с учётом потребностей обучаемых. За основу выбран английский язык, который считается международным языком общения, так называемым *lingua franca*, так как владение английским языком способствует дальнейшему академическому и профессиональному развитию, международному общению, научным исследованиям [Стеблецова и др., 2015; Abugohar et al., 2019; Džuganová, 2019; Lodhi et al., 2018; Yang et al., 2019].

Система российского высшего образования определяется федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования (ФГОС ВО). В соответствии с ФГОС выпускник высшего учебного заведения должен обладать рядом компетенций в отношении английского или иного иностранного языка. Для анализа были выбраны четыре наиболее популярные программы подготовки в медицинском вузе: «Лечебное дело», «Стоматология», «Педиатрия» и «Фармация». Так, будущие фармацевты должны сформировать универсальную коммуникативную компетенцию, то есть уметь внедрять современные коммуникативные технологии на иностранных языках в учебное и профессиональное взаимодействие. Кроме того, выпускник данного направления подготовки должен быть способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном языке, для академического и профессионального взаимодействия и способен анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия¹.

Что касается программ «Лечебное дело», «Стоматология», и «Педиатрия», то в настоящее время для обсуждения представлены новые федеральные стандарты². Согласно этим документам, студенты должны уметь осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном языке, быть

• ¹ Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/153/150/26/78> (дата обращения 26.09.2020).

•

• ² Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/143/141/17/76> (дата обращения 26.09.2020).

•

способными воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах, управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни.

Федеральные государственные образовательные стандарты находят своё отражение в рабочих программах учебных дисциплин. В Северном государственном медицинском университете (СГМУ, Архангельск) студенты направлений подготовки «Лечебное дело», «Стоматология» и «Педиатрия» в первом семестре первого курса изучают дисциплину «Иностранный язык». Целью дисциплины является овладение основами устной и письменной формы общения, необходимыми для профессионального развития, и их использование в качестве средств коммуникации. Во втором семестре будущие врачи и педиатры изучают «Основы профессиональной деятельности» на иностранном языке. Данная дисциплина направлена на формирование словарного запаса и развитие навыков профессиональной деятельности и саморазвития. Что касается будущих стоматологов, то им предлагается элективный курс «Научно-технический перевод», связанный с переводом медицинских текстов для овладения навыками понимания письменных источников. Студенты-фармацевты изучают дисциплину «Иностранный язык» в течение трёх семестров, стремясь овладеть устной и письменной формами общения, чтобы использовать их как средство общения и саморазвития.

Часто возникает вопрос – почему уровень иностранного языка выпускников высших учебных заведений недостаточно высок? Вариантов ответа может быть несколько. Так, по мнению С.П. Синявской, одной из причин является «отсутствие преемственности в преподавании иностранных языков в школе и в вузе» [Синявская, 2019, с. 28]. Исследователь говорит о том, что на занятиях по иностранному языку преподавателю приходится повторять некоторый объем знаний, который студенты-первокурсники не освоили в школе [Синявская, 2019]. Второй причиной исследователь считает недостаточное количество часов, отводимых на изучение профессионального иностранного языка. Ещё одной причиной Д.С. Мамонькина [Мамонькина, 2019] считает тот факт, что, обучаясь на первом и втором курсах, студенты не в полной мере осознают необходимость и возможности иностранного языка в их последующей профессиональной деятельности. Изучение английского языка в этот период связано в большей степени с выполнением учебного плана. Эту мысль дополняют ряд ученых [Сулейманова и др., 2016; Мисходжева, 2018], которые утверждают, что на первом и втором курсах студенты осваивают узкопрофессиональную лексику на английском языке, не владея ею на русском, что может привести либо к некорректному пониманию лексической единицы, либо к её забыванию в последующем. Исследователи предлагают продолжить освоение узконаправленного словарного запаса и профессиональных тем на старших курсах или параллельно с изучением профилирующих дисциплин.

Во многих странах мира английский язык для медицинских целей преподаётся с точки зрения реальных ситуаций, а это означает, что преподавание английского языка ориентировано на определённый контекст и конкретную лексику. Но, что ещё более важно, обучение медицинскому английскому языку опирается на развитие коммуникативных навыков, умение решать проблемы и принимать решения [Milosavljevic et al., 2015]. По окончании курса студенты должны уметь понимать профессионально-ориентированные тексты о последних разработках в своей области, практиковать и совершенствовать навыки устной и письменной речи, писать научные статьи, участвовать в программах обмена и международных научных мероприятиях. Иными словами, студенты должны овладеть функциональным языком (стандартными фразами для общения с пациентами, консультирования, написания электронных писем и т. д.), языковыми навыками и системами [Antić, 2015].

Цели и конечные результаты различных курсов английского языка для студентов-медиков, как правило, одинаковы. Вариациям подвергается лишь лексическое наполнение в зависимости от конкретных профессиональных областей, так как каждая сфера (кардиология, стоматология, хирургия и другие) имеет свою специфику. Так, в Японии студенты-стоматологи [Rodis, et al., 2014] после завершения курса способны: а) производить и воспринимать основные фразы стоматологической направленности, понимать речь своих пациентов, расспрашивать своих пациентов об их медицинских и стоматологических особенностях, объяснять некоторые стоматологические процедуры, получать доступ и воспринимать информацию для носителей языка, опубликованную в интернете, например, при поиске и подаче заявок на международные стоматологические конференции или в журналы (после базового курса), и б) понимать и реагировать на технические стоматологические фразы, создавать и выступать с устными докладами по конкретным стоматологическим темам, общаться с медицинскими работниками с помощью различных средств (после прохождения продвинутого курса).

В Финляндии [Wallinheimo, Pitkänen, 2016] основное внимание уделяется взаимодействию, поскольку будущая профессия предполагает коммуникацию и контекстно-специфическую деятельность. Сам курс базируется на обучении языку на основе задач, поскольку обучение наиболее эффективно, когда оно интегрировано с аутентичными задачами, которые заимствуются из повседневных контекстов. Все материалы дублируются на электронной обучающей платформе Moodle. Обычно занятие включает в себя предварительный этап (чтение материалов, просмотр видео, подготовка презентаций, составление проектов письменных заданий), аудиторную работу (решение поставленной задачи, доклад и обсуждение, анализ и оценка, использование текстовых, видео- и аудиоматериалов, обратная связь, написание резюме, рецензий и т. д.), а также пост-аудиторный этап (участие в дискуссиях на форуме и чатах, саморефлексия, консультации с преподавателем). Например, группам предлагается разработать стратегию

ликвидации малярии в отдалённой деревне. Выполняя задание, студенты работают с широким спектром материалов, распределяют материалы и обязанности между собой, пытаются найти возможное решение поставленной задачи. После обсуждения предложенных вариантов студенты совместно выбирают оптимальный вариант [Wallinheimo, Pitkänen, 2016].

В Пакистане курс английского языка для медицинских целей опирается на проблемное обучение [Lodhi, 2018]. Для создания реальных ситуаций для практики общения исследователи предлагают использовать информационно-коммуникационные технологии. При этом особое внимание уделяется медицинской терминологии и грамматико-переводному методу. Таким образом, изучение темы имеет двоякую структуру: первый урок фокусируется на введении и первичной автоматизации лексики, второй – на применении нового материала в контексте, например, заполнение больничных бланков и бумаг, использование простого медицинского оборудования, исследование методов лечения, написание электронных писем, обсуждение медицинского опыта и другое [Lodhi, 2018; Antić, 2015].

В рамках курса «Английский для медицинских целей» активно используется проблемное или проблемно-ориентированное обучение [Yalcin et al., 2006]. Этот метод имеет как преимущества (более детальное понимание вопроса, взаимодействие с другими дисциплинами, повышение мотивации и сознательности студентов), так и недостатки (временные затраты на подготовку материалов, затраты на техническое обслуживание, возможный стресс как для студентов, так и для преподавателей) [Yalcin et al., 2006]. Как правило, метод используется для работы в малых группах, что способствует развитию толерантности и умения работать в команде, учит определять правила работы, проявлять инициативу и взаимное уважение, распределять обязанности.

Одним из вариантов проблемно-ориентированного метода являются медицинские кейсы [Antić, 2015]. В медицине использование кейсов является релевантным, так как они нацелены, в первую очередь, на пациента и его проблему и способствует не только достижению целей курса иностранного языка, но и затрагивают профессионально-ориентированные компетенции. В рамках решения кейсов обучающимся предоставляется возможность актуализировать знания грамматики, развивать коммуникативные навыки, осваивать правила словообразования, готовить презентации, писать научно-исследовательские работы, развивать навыки командной работы и так далее.

В обучении иностранному языку на разных ступенях активно используется метод проектов, высшие медицинские учреждения не являются исключением. Метод проектов затрагивает различные аспекты, а именно, кроме усвоения учебного материала, он способствует развитию творческого потенциала, учит систематизировать приобретённые знания, анализировать информацию, ориентироваться в информационном потоке, активизирует умение самостоятельной и командной работы [Гаманко, 2016]. Однако существует ряд правил, которым необходимо следовать для того, чтобы метод проектов был эффективным, в частности, тематика проекта всегда

должна звучать проблемно, в процессе работы над проектом виды деятельности обучающихся должны варьироваться, результаты проекта должны иметь практическое, познавательное и теоретическое значение [Гаманко, 2016].

Ещё одним подходом, широко используемым в настоящее время в профессионально-ориентированном обучении, является предметно-языковое интегрированное обучение (Content and Language Integrated Learning – CLIL). Роль иностранного языка в CLIL уникальна, поскольку он выступает не только как цель, но и как средство обучения практически любой дисциплине.

CLIL трактуется как подход или метод, объединяющий в себе обучение различным дисциплинам с одновременным обучением иностранному языку. При этом обучаемые формируют не только языковые, но и коммуникативные навыки, помогающие обсуждать полученные знания о науке, искусстве или технологии с людьми других национальностей [Bentley, 2010].

Сам термин CLIL возник в 1994 году в Европе, хотя первые программы, основанные на данной технологии, появились в Ираке гораздо раньше. В конце XX века с ростом межнациональных связей, обменных программ и взаимопроникновением культур использование CLIL стало требованием времени. В современной интерпретации CLIL включает в себя разнообразные образовательные подходы, такие как «погружение», «билингвальное и мультилингвальное обучение», «языковые ливни» и «расширенные языковые программы» и является достаточно гибким в использовании [Mehisto, 2011].

В последнее время отечественные исследователи [Крылов, 2015; Попова и др., 2018; Салехова, 2008; Сиротова, 2019; Танцура, 2020; Шишмолина, 2020] опубликовали ряд работ, в которых рассматриваются проблемы CLIL и варианты его интеграции в учебный процесс вузов. Так, Л.Л. Салехова представила модель билингвального обучения математике [Салехова, 2008], основанную на междисциплинарно-компетентностном подходе. Е.П. Шишмолина исследовала влияние CLIL на формирование способностей студентов первого курса гуманитарных направлений подготовки («Социология» и «Социальная работа») к самоорганизации и выявила улучшение данного показателя [Шишмолина, 2020]. Т.А. Танцура рассмотрела особенности применения CLIL и описала вариант реализации смешанной модели для обучения бакалавров по направлению «Экономика» по профилю «Мировая экономика и международный бизнес» в Финансовом университете при Правительстве РФ. Данная смешанная модель предполагает преподавание языковых дисциплин специалистами университета, а реализацию дисциплин специальности преподавателями-носителями языка и преподавателями-предметниками [Танцура, 2020]. По мнению Н.В. Поповой с соавторами, в современных вузах CLIL технологии наиболее удачно реализуются в виде билингвального обучения на основе общенаучных и технических дисциплин или в процессе обучения дисциплине «Иностранный язык в профессиональной деятельности» [Попова и др., 2018]. А.А. Сиротова проанализировала модели предметно-языковой

интеграции, выявила их преимущества и недостатки и определила оптимальную модель использования в техническом вузе. Отобранной автором моделью стала «мягкая» (soft) модель, базирующаяся на тематическом содержании преподаваемых дисциплин. Обучение может проводиться как преподавателями-предметниками, так и специалистами-лингвистами и реализуется путем тематических и проектных погружений [Сиротова, 2019].

Наряду с достоинствами CLIL авторы отмечают и ряд проблем, требующих решения. Во-первых, это квалификация преподавателей. Преподавателям иностранного языка следует знать хотя бы основы содержательного аспекта дисциплины специальности, а преподавателям-специалистам необходимо совершенствовать языковые навыки и владеть методикой преподавания иностранного языка [Танцура, 2020]. Во-вторых, для реализации технологии CLIL студентам необходим уровень B2 по западноевропейским стандартам, что в реальности не всегда соответствует действительности [Танцура, 2020]. И, наконец, создание CLIL курсов требует большого количества времени и тесного взаимодействия преподавателей разных кафедр, что является на сегодняшний день трудновыполнимой задачей [Попова и др., 2018].

Материалы и методы

В нашем исследовании мы предприняли следующие шаги: изучили федеральные государственные стандарты высшего образования, проанализировали цели и содержание существующих курсов английского языка для медицинских целей в высших учебных заведениях, рассмотрели языковые/речевые аспекты, необходимые для профессиональной деятельности будущих медиков.

Метод анализа научной литературы и источников по проблеме, а также обобщение собственного педагогического опыта позволили критически оценить прочитанное, сравнить существующие точки зрения на проблему и разработать тематическую структуру курса. Для определения отношения студентов к изучению английского языка и сфер его практического применения в будущей карьере было проведено анкетирование, в котором приняли участие 175 студентов-первокурсников СГМУ. Результаты проведённого анкетирования были обработаны методом статистического анализа и представлены в цифровой форме.

Результаты исследования

Осознание обучаемыми своих потребностей в изучении иностранного языка является отличительной чертой профессионально-ориентированного обучения. Любое профессионально-ориентированное обучение основывается на вопросе: зачем обучаемому нужен иностранный язык? [Hutchinson, 1987]. Именно поэтому перед проектированием программы курса необходимо установить потребности в изучении языка и проанализировать лингвистические особенности их реализации.

Для того чтобы узнать коммуникативные потребности студентов в изучении английского языка, был проведён опрос. Студентам был задан вопрос: «Необходим ли современному врачу иностранный (английский) язык?» В случае положительного ответа следовало описать конкретную ситуацию применения знаний. Поскольку второй вопрос являлся вопросом открытого типа, анкетированные могли дать несколько вариантов ответа. В опросе приняли участие студенты-первокурсники СГМУ, обучающиеся по направлениям подготовки «Лечебное дело», «Стоматология», «Педиатрия» и «Фармация».

Согласно результатам опроса, большинство первокурсников считают необходимым использовать знания английского языка в профессиональной деятельности. Они полагают, что «английский язык – международный, поэтому врач должен его обязательно знать», «современный врач должен владеть английским языком, чтобы соответствовать мировым стандартам», «английский язык показывает наивысший уровень профессионализма». Первокурсники готовы лечить не только своих сограждан, но и людей других национальностей (48,6%), оказывать экстренную медицинскую помощь иностранцам (21,1%), работать в других странах (32,6%), консультироваться с иностранными специалистами по поводу своих пациентов (4%). Один респондент описал конкретный случай, произошедший на занятии, когда студентке из Индии, плохо говорящей по-русски, стало плохо, а врач скорой помощи, не владеющий английским, «не мог элементарно понять, что у неё болит». Все эти виды деятельности неразрывно связаны с общением и межкультурным взаимодействием и подчеркивают важность формирования коммуникативной компетенции и компетенции межкультурного взаимодействия в процессе обучения.

Более трети опрошенных планируют общаться с зарубежными коллегами, обмениваясь опытом и знаниями (39,4%), а также повышать свою квалификацию, участвуя в международных конференциях, конкурсах (32,6%), читая научные статьи (18,9%) и дополнительную литературу по специальности, которые «ещё не переведены на русский язык и, тем самым, получают большое количество важной и полезной информации» (27,4%). Для успешной реализации данных видов деятельности в дополнение к формированию коммуникативной и межкультурной компетенции необходимо развивать навыки самоорганизации и саморазвития. Обучаемым важно уметь самостоятельно строить собственную траекторию развития и уметь организовывать свою деятельность для достижения поставленных результатов.

Доля респондентов, изучающих английский язык для общего развития (11,4%), путешествий (7,4%) или переезда в другую страну (6,9%), относительно невелика, что свидетельствует о прагматичности и об определённой уверенности опрошенных в правильности выбора дальнейшей профессии.

Несколько странно выглядит разрыв между желающими принимать участие в международных конференциях (32,6%) и публикацией

собственных статей (9,7%), что обычно является взаимосвязанным процессом, поскольку участие в конференции подразумевает презентацию результатов своего исследования или эксперимента с дальнейшей публикацией. Видимо, на данном этапе респонденты представляют себя в качестве слушателей, а не выступающих. Отчасти, это может быть обусловлено неготовностью первокурсников к научной деятельности, отсутствием представления о научно-исследовательской деятельности и недостатком профессиональных знаний.

Интересно отметить, что доля студентов, считающих, что современный доктор может обойтись без знания английского языка, составляет всего 1,7% или три человека. Причём один из них смягчает отрицательный ответ, признавая, что: «Профессия врача не предполагает знания английского языка, однако, в современном обществе знание английского достаточно полезный навык». Такие данные сильно отличаются от результатов опроса, проведённого среди первокурсников медицинского факультета Ульяновского государственного университета, где треть респондентов показала отсутствие или недостаточную мотивацию к изучению иностранного языка [Заболотнова и др., 2013].

Ученые-методисты по-разному видят структуру курса иностранного языка. Например, Л.А. Гизятова и Н.Ф. Плотникова считают, что курс должен состоять из четырёх аспектов: 1) вербальное общение с пациентами и коллегами, 2) письменное общение на профессиональные темы (заполнение историй болезни, оформление направлений к специалистам и прочее), 3) чтение научных текстов по медицинской тематике, и 4) представление докладов и презентаций на конференциях [Гизятова, Плотникова, 2019]. Японские исследователи [Rodis et al., 2014] включают в курс английского языка для стоматологов два модуля, общий и специализированный. Курс охватывает базовую и продвинутую терминологию (этимологию и принципы формирования терминологии), а также разговорную речь (общение стоматолога с пациентом и межпрофессиональное общение). Финские авторы предлагают программу английского языка из трёх курсов: а) курс, направленный на развитие аккуратности и беглости речи, продуктивных навыков и медицинской лексики, б) курс, ориентированный на практические навыки письма и в) курс, ориентированный на мультикультурное взаимодействие с пациентами [Wallinheimo, Pitkänen, 2016].

Действительно, будущая профессиональная деятельность медика предполагает взаимодействие с разными людьми. Во-первых, это взаимодействие врача и пациента. Для этого необходимо научиться задавать и отвечать на вопросы на различные темы, формулировать и выражать свои мысли, преодолевать неловкость при публичном выступлении [Rodis et al., 2014]. Кроме этого, такое взаимодействие включает в себя случайные и типичные ситуации, дискуссии, мимику, жестыкуляцию и взаимодействие с представителями других культур.

Во-вторых, взаимодействие с коллегами и специалистами иных направлений подготовки. То есть студенты должны приобрести навыки,

необходимые для встреч, взаимодействия и сотрудничества с коллегами – представителями медицинской сферы.

В-третьих, заполнение разного рода документов. Так, исследователи [Lum, 2018] выделяют тринадцать жанров письменных текстов в медицинской сфере, которые можно разделить на две группы: а) развитие рефлексивного мышления (например, самооценка и оценка коллегами) и б) написание эссе/отчётов (отчёты, аннотированные библиографии, исследовательские предложения, планы ухода и портфолио, выписки и диссертации).

В-четвертых, английский позволяет знакомиться с последними публикациями в области зарубежной медицинской литературы, расширять научно-исследовательскую базу, проводить сравнительный анализ различных явлений и иное [Заболотнова и др., 2013].

Что касается грамматического наполнения курса, исследователь Л.В. Дубенкова [Дубенкова, 2020] акцентирует внимание на: 1) временах Present Simple (описание процессов, заболеваний, состояний), Past Simple (история болезни, предыдущие госпитализации, курсы лечения, появление симптомов) и Present Perfect (описание начала болезни, результаты недавних исследований, открытий), 2) страдательном залоге, 3) модальных глаголах и 4) сокращениях и аббревиатурах. Этому же мнению придерживаются исследователи Л.А. Гизятова и Н.Ф. Плотникова [Гизятова, Плотникова, 2019], дополняя перечень фразовыми глаголами и существительными латинского и греческого происхождения с нестандартными формами образования множественного числа, например, nucleus-nuclei и другие.

Изучив теоретическую информацию по проблеме и полученные в ходе опроса эмпирические данные, мы определили, что курс иностранного языка для студентов-медиков должен состоять из трёх основных модулей. На первом курсе студенты должны сосредоточиться на изучении общей медицинской лексики и устной коммуникации. Далее они совершенствуют медицинскую терминологию и читают тексты профессиональной направленности. На третьем этапе студенты учатся продуцировать свои тексты и выступать с ними на конференциях. Солидаризируясь с исследователями в том, что в начале курса часто приходится восполнять пробелы в школьных знаниях [Синявская, 2019], а овладение профессиональной лексикой происходит при отсутствии знаний по предмету специальности [Сулейменова и др., 2016; Мисходжева, 2018], предлагаем распределить дисциплину «Иностранный язык» на три года с постепенным нарастанием сложности. К существующему количеству часов на первом курсе следует добавить отдельные модули на втором и третьем (четвёртом) году обучения. Некоторые авторы отмечают снижение мотивации к изучению иностранного языка у большинства студентов при переходе на старшие курсы [Заболотнова и др., 2013], однако мы объясняем этот факт тем, что далеко не все будущие врачи связывают свою карьеру с научной деятельностью, предполагающей активное владение языком. Следовательно,

третий модуль, предназначенный для тех, кто планирует научную и грантовую деятельность, может быть и элективным.

Рисунок 1 – Модель курса «Иностранный язык» в медицинском ВУЗе

За основу модуля мы берём ситуации применения языка, ориентированные на результат обучения, определяем их тематическое содержание и необходимые языковые средства (лексика и грамматические структуры). Второй и третий модули ориентированы также на развитие умений и навыков различных видов речевой деятельности и подразумевают обучение автономии и саморазвитию. В качестве метода обучения предлагается сочетание форм и методов, используемых в профессионально-ориентированном и предметно-языковом интегрированном обучении.

Таблица 1 – Модульная структура курса «Иностранный язык»

Модуль 1	Базовая медицинская терминология (1 год обучения)
Цель	формирование коммуникативной и межкультурной компетенций
Ситуации	пациент – регистратура больницы, врач – пациент (родственники пациента)
Темы	вызов врача, запись на приём, самочувствие и симптомы болезни, осмотр пациента, диагноз, история болезни, системы здравоохранения и социокультурные различия разных стран
Лексика	части тела, физическое состояние, самочувствие, болезни, травмы, несчастные случаи, симптомы, гигиена, лекарства
Грамматика	вопросительные предложения, времена Simple, Continuous, Perfect, степени сравнения прилагательных и наречий, модальные глаголы
Формы и методы	групповая и парная работа, обучение в сотрудничестве, ролевая игра, мини-проекты

Модуль 2	Чтение профессиональной литературы (2 год обучения)
Цель	формирование коммуникативной и межкультурной компетенций и способности выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни
Ситуации	врач – врач, врач – пациент (родственники пациента)
Темы	обсуждение лечения, виды словарей, стратегии обучения чтению, способы извлечения и обработки информации с целью её дальнейшего использования, аннотация, реферат
Лексика	болезни, симптомы, способы лечения, лекарства
Грамматика	причастия, причастные обороты, инфинитив и его конструкции, пассивный залог, фразовые глаголы, аббревиатуры
Формы и методы	групповая и парная работа, обучение в сотрудничестве, перевод и анализ текстов, использование кейсов, мини-проекты
Модуль 3	Создание своих текстов и устное выступление (3/4 год обучения)
Цель	формирование коммуникативной и межкультурной компетенций и способности выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни
Ситуации	врач – врач, врач – руководитель клиники (работодатель), врач – научный руководитель, врач – организатор конференции, врач – редактор журнала
Темы	грант, резюме, мотивационное письмо, деловое письмо, тезисы конференции, презентация, выступление, статья о результатах исследования, переписка с редактором, стратегии обучения письму и устному выступлению
Лексика	профессиональная и академическая
Грамматика	грамматические конструкции, характерные для устного и письменного стиля общения по изучаемой тематике
Формы и методы	дискуссия, «мозговой штурм», обучение в сотрудничестве, мини-проекты, деловые и ролевые игры, моделирование ситуаций

Дискуссия и заключение

Методика овладения терминологической лексикой не зависит от узкопрофессиональной направленности и предполагает использование общепринятых этапов [Сулейменова и др., 2016], а именно предтекстовые упражнения (прочитывание, прослушивание, проговаривание и прочее) и послетекстовые упражнения (перевод отдельных слов, словосочетаний, терминов, высказываний, формулировка их дефиниций, подбор синонимов и

антонимов). Исследователь Ф.А. Мисходжева [Мисходжева, 2018] для расширения профессионального словарного запаса предлагает отрабатывать отраслевую лексику, произношение англоязычных терминов, проводить сопоставительный анализ терминологических единиц и выражений русского и английского языка.

Во втором модуле особое внимание следует уделять подбору текстов для чтения. Они должны содержать информацию о последних достижениях в сфере медицины, соответствовать исследовательским интересам обучаемых и служить дополнительным источником получения профессиональных знаний.

Методика работы с чтением профессиональной литературы и академическим письмом может быть следующей [Mungra, 2010]: а) прочитать клинический случай, проанализировав лексику и регистр, б) сформулировать вопросы к пациенту с тем, чтобы получить клинически значимую информацию, сформулировать возможные варианты лечения и сделать запрос в медицинской базе данных, в) найти научные публикации, соответствующие клиническому случаю, в базах данных и онлайн-библиотеках, г) проанализировать публикации с тем, чтобы определить логику автора и структуру IMRaD, д) выделить и структурировать характеристики из различных научных публикаций, е) оценить текст статьи по таким лингвистическим признакам, как академический регистр, синтаксис и семантика, взаимодействие читателя и автора, лексико-грамматический выбор и другие, ж) прочитать научную статью, в которой удалён раздел «Методы», постараться реконструировать этот раздел, опираясь на основную часть статьи, и написать недостающий раздел.

Обучение иностранному языку обычно не ограничивается рамками аудиторных занятий и продолжается внеаудиторно. Исследователи отмечают продуктивное использование таких форм как студенческие общества или кружки, студенческие научно-практические конференции разного уровня, предметные олимпиады [Стеблецова, Рогожина, 2015]. Современное развитие технологий позволяет дистанционно участвовать в различных международных конференциях, конкурсах и повышать квалификацию на семинарах. Кроме того, студенты с хорошим знанием языка могут участвовать в программах обмена и имеют возможность пройти практику или стажировку в зарубежных университетах или медицинских учреждениях [Белова и др., 2018].

В заключении отметим, что предложенный модульный курс обучения для студентов-медиков, распределённый на три года, позволит развить и активизировать профессиональные и академические умения и навыки и сформировать необходимые универсальные компетенции. По окончании курса обучаемые смогут понимать и применять медицинскую терминологию, обсуждать и представлять профессиональную информацию, читать, понимать и продуцировать медицинские тексты различной направленности, а также осознавать ответственность за обучение и проецировать траекторию своего дальнейшего развития. Полученные навыки позволят им быть более уверенными в ситуациях, связанных с коммуникацией в академической и

профессиональной сферах, достичь больших успехов в своей карьере и стать востребованным специалистом не только в России, но и на международном уровне.

Думается, что созданная авторами модель курса «Иностранный язык» может также использоваться как основа аналогичного модульного курса для студентов других нефилологических направлений подготовки.

Библиографический список

- Белова Ю. К.* Английский язык как инструмент профессионального совершенствования студента-медика / Ю. К. Белова, М. А. Медведева, О. В. Пешиков // Вестник совета молодых учёных и специалистов челябинской области. 2018. № 4 (23). С. 13-16.
- Гаманко Р. А.* Использование метода проектов в формировании профессиональных компетенций студента-медика на уроках иностранного языка // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2016. № 17. С. 93-100.
- Гизятова Л. А.* Профессионально-ориентированное обучение английскому языку студентов-медиков / Л. А. Гизятова, Н. Ф. Плотникова // Казанский лингвистический журнал. 2019. № 2 (4). С. 67-73.
- Дубенкова Л. В.* Английский для медицинских целей // Региональный вестник. 2020. № 10 (49). С. 64-65.
- Заболотнова Т. Н.* Мотивация студентов-медиков к изучению иностранного языка / Т. Н. Заболотнова, А. Ю. Евстигнеева, Л. А. Павлова // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 3 (5). С. 77-82.
- Крылов Э. Г.* Билингвальное обучение инженерным дисциплинам и иностранному языку в вузе. Москва; Ижевск: Институт компьютерных исследований. 2015. 148 с.
- Мамонькина Д. С.* Английский язык-основа профессионального развития врача // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 1. С. 188-193.
- Мисходжева Ф. А.* Особенности преподавания иностранного (английского) языка для медицинских целей в высшей школе // Вестник науки и образования. 2018. № 10 (46). С. 52-55.
- Попова Н. В.* Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) как методология актуализации междисциплинарных связей в техническом вузе / Н. В. Попова, М. С. Коган, Е. К. Вдовина // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов. 2018. Т. 23. № 173. С. 29-42. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-173-29-42.
- Салехова Л. Л.* Дидактическая модель билингвального обучения математике в высшей школе: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01, 13.00.02 / Татар. гос. гуманит.-пед. ун-т. Казань. 2008. 447 с.
- Синявская С. П.* Использование когнитивных методов исследования терминосистем в преподавании иностранных языков в вузе // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2019. № 1. С. 27-29.
- Сиротова А. А.* Выбор модели предметно-языковой интеграции в неязыковом вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 2. С. 101-114.
- Стеблецова А. О.* Английский язык в профессиональной подготовке студента-медика: краткий обзор форм внеаудиторной работы / А. О. Стеблецова, Д. В. Рогожина // In Situ. 2015. № 2. С. 22-25.
- Сулейменова О. Я., Садыкова А. А., Сагантаева С. Х.* Интегрированное занятие по иностранному языку как средство междисциплинарного взаимодействия в медвузе / О. Я. Сулейменова, А. А. Садыкова, С. Х. Сагантаева // Вестник Казахского национального медицинского университета. 2016. № 4. С. 354-356.
- Танцура Т. А.* CLIL в контексте обучения иностранному языку в современном Вузе. Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 261-263.

- Шиммолина Е. П.* Междисциплинарная интеграция иноязычного обучения как инструмент формирования способности к самоорганизации специалиста нового поколения // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 3 (45). С. 182-194. DOI: 10.32744/pse.2020.3.14
- Abugohar M. A., Al-Hnifat M. A., Al-Smadi O. A., Rashid R. A., Yunus K.* English language speaking skill issues in an EMP context: causes and solutions // *International Journal of English Linguistics*. 2019. Vol. 9. No. 3. P. 211-225. DOI:10.5539/IJEL.V9N3P211
- Antić Z.* Benefits of student-centered tandem teaching in medical English // *Language of Medicine*. 2015. Vol. 143. No. 7-8. P. 500-504. DOI: 10.2298/SARH1508500A
- Avota B.* Evaluation of readiness for the professional development of medical practitioners in terms of distance learning // *Rural Environment. Education. Personality*. 2018. No.11. P. 331-338. DOI: 10.22616/REEP.2018.040
- Bentley K.* The TKT course CLIL module. Cambridge University Press. 2010. 124 p.
- Džuganová B.* Teaching medical English through professional captioning videos // *Journal of Language and Cultural Education*. 2019. No.7. P. 95-107. DOI: 10.2478/jolace-2019-0013
- Hutchinson T., Waters A.* English for Specific Purposes: A learning-centred approach. Cambridge: Cambridge University Press. 1987.
- Lodhi M. A., Shamim M., Robab M., Shahzad S. H., Ashraf A.* English for doctors: an ESP approach to needs analysis and course design for medical students // *International Journal of English Linguistics*. 2018. No. 8. P. 205-214. DOI:10.5539/ijel.v8n5p205
- Lum L., Alqazli M., Englander K.* Academic literacy requirements of health professions programs: challenges for ESL students // *TESL Canada Journal*. 2018. Vol. 35. No. 1. P. 1–28. DOI:10.18806/tesl.v35i1.1282
- Mehisto P., Marsh D., Frigols M. J.* Uncovering CLIL. Content and language integrated learning in bilingual and multilingual education. Macmillan Publishers Limited. 2011. 240 p.
- Milosavljevic N. D., Vuletić A., Jovković L.* Learning medical English: a prerequisite for successful academic and professional education // *Srpski arhiv za celokupno lekarstvo*. 2015. Vol. 143. No. 3-4. P. 237-240. DOI: 10.2298/SARH1504237M
- Mungra Ph.* Teaching writing of scientific abstracts in English: CLIL methodology in an integrated English and Medicine course // *Ibérica*. 2010. Vol. 20. P. 151-165.
- Rodis O. M. M., Barroga E., Barron J. P. et al.* A proposed core curriculum for dental English education in Japan // *BMC Medical Education*. 2014. Vol. 14. No. 239. DOI: [10.1186/s12909-014-0239-4](https://doi.org/10.1186/s12909-014-0239-4)
- Wallinheimo K., Pitkänen K. K.* iPads in medical language courses at the University of Helsinki // *Language Learning in Higher Education*. 2016. Vol. 6. No. 1. P. 77–94. DOI 10.1515/cercles-2016-0004
- Yalcin B. M., Karahan T. F., Karadenizli D., Sahin E. M.* Short-term effects of problem-based learning curriculum on students' self-directed skills development // *Croatian Medical Journal*. 2006. Vol. 47. No. 3. P. 491-498.
- Yang M., O'Sullivan P. S., Irby D. M. et al.* Challenges and adaptations in implementing an English-medium medical program: a case study in China // *BMC Medical Education*. 2019. Vol. 9. DOI: 10.1186/s12909-018-1452-3

References

- Abugohar M. A., Al-Hnifat M. A., Al-Smadi O. A., Rashid R. A., Yunus K.* English Language Speaking Skill Issues in an EMP Context: Causes and Solutions. *International Journal of English Linguistics*. Vol. 9, no. 3, pp. 211-225. DOI:10.5539/IJEL.V9N3P211
- Antić Z.* Benefits of Student-centered Tandem Teaching in Medical English. *Language of Medicine*. Vol. 143, no. 7-8, pp. 500-504. DOI: 10.2298/SARH1508500A
- Avota B.* Evaluation of Readiness for the Professional Development of Medical Practitioners in Terms of Distance Learning. *Rural Environment. Education. Personality*. No.11, pp. 331-338. DOI: 10.22616/REEP.2018.040

- Belova YU. K., Medvedeva M. A., Peshikov O. V. English Language as a Tool of Professional Improvement of the Medical Student. *Vestnik Soveta Molodykh Uchenykh i Spetsialistov Chelyabinskoy Oblasti = The Bulletin of the Council of Young Researchers and Professionals of the Chelyabinsk Region*. No. 4 (23), pp. 13-16.
- Bentley K. The TKT Course CLIL Module. Cambridge University Press. 124 p.
- Dubenkova L. V. [English for Medical Purposes]. *Regionalnyy vestnik = Regional Bulletin*. No. 10 (49), pp. 64-65.
- Džuganová B. Teaching Medical English Through Professional Captioning Videos. *Journal of Language and Cultural Education*. No.7, pp. 95-107. DOI: 10.2478/jolace-2019-0013
- Gamanko R. A. [The Use of Project Method in the Forming of Professional Competences of Medical Students on the Foreign Language lessons]. *Upravleniye Innovatsiyami: Teoriya, Metodologiya, Praktika = Innovation Management: Theory, Methodology, Practice*. No.17, pp. 93-100.
- Gizyatova L. A., Plotnikova N. F. Teaching Medical Students Professionally Oriented English. *Kazanskiy Lingvisticheskiy Zhurnal = Kazan Linguistic Journal*. No. 2 (4), pp. 67-73.
- Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes: A Learning-centred Approach. Cambridge: Cambridge University Press.
- Krylov E.G. [Bilingual Teaching of Engineering Disciplines and Foreign Languages in Higher Education Institution]. Moscow, Izhevsk, Computer Sciences Institute Publ. 148 p.
- Lodhi M. A., Shamim M., Robab M., Shahzad S.H., Ashraf A. English for Doctors: an ESP Approach to Needs Analysis and Course Design for Medical Students. *International Journal of English Linguistics*. No. 8, pp. 205-214. DOI:10.5539/ijel.v8n5p205
- Lum L., Alqazli M., Englander K. Academic Literacy Requirements of Health Professions Programs: Challenges for ESL Students. *TESL Canada Journal*. Vol. 35, no. 1, pp. 1–28. DOI:10.18806/tesl.v35i1.1282
- Mamonkina D. S. English Language – the Basis for Doctor’s Professional Development. *Ustoychivoye razvitiye nauki i obrazovaniya = Sustainable development of Science and Education*. No. 1, pp. 188-193.
- Mehisto P., Marsh D., Frigols M. J. Uncovering CLIL. Content and Language Integrated Learning in Bilingual and Multilingual Education. Macmillan Publishers Limited. 240 p.
- Milosavljevic N. D., Vuletić A., Jovković L. Learning Medical English: a Prerequisite for Successful Academic and Professional Education. *Srpski arhiv za celokupno lekarstvo*. Vol. 143, no. 3-4, pp. 237-240. DOI: 10.2298/SARH1504237M
- Miskhodzheva F. A. Teaching Foreign (English) Language for Medical Purposes in Higher School. *Vestnik nauki i obrazovaniya = The Bulletin of Science and Education*. No.10 (46), pp. 52-55.
- Mungra Ph. Teaching Writing of Scientific Abstracts in English: CLIL Methodology in an Integrated English and Medicine Course. *Ibérica*. Vol. 20, pp. 151-165.
- Popova N. V., Kogan M. S., Vdovina E. K. [Content and Language Integrated Learning (CLIL) as actualization methodology of interdisciplinary links in technical university]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = The Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. Vol. 23. No. 173, pp. 29-42. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-173-29-42.
- Rodis O. M. M., Barroga E., Barron J. P. et al. A Proposed Core Curriculum for Dental English Education in Japan. *BMC Medical Education*. Vol. 14, no. 239. DOI: [10.1186/s12909-014-0239-4](https://doi.org/10.1186/s12909-014-0239-4)
- Salehova L. L. [Didactical Model of Bilingual Teaching Mathematics in Pedagogical Institutions of Higher Education]. Kazan.
- Shishmolina E. P. Interdisciplinary Foreign Language Teaching as Means of Self-organization Ability Building by New Generation Specialists. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 45 (3), pp. 182-194. DOI: 10.32744/pse.2020.3.14
- Sinyavskaya S. P. Using Cognitive Methods of Terminological Investigation for Teaching Foreign Languages in Higher Educational Institution. *Psikhologo-pedagogicheskiye Problemy*

- Bezopasnosti Cheloveka i Obshchestva = Psycho-pedagogical Issues of the Human and Society Safety*. No.1 (42), pp. 27-29.
- Sirotova A. A. Choosing the Model of Content and Language Integrated Learning in a Non-linguistic university // *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept» = Scientific and Methodic e-journal "Concept"*. № 2 (February), pp. 101–114.
- Stebletsova A. O., Rogozhina D. V. [English in the Professional Training of a Medical Student: a Short Overview of Extracurricular Work]. *In Situ*. No. 2, pp. 22-25.
- Suleymenova O. YA., Sadykova A. A., Sagantayeva S. KH. Integrated Class in Foreign Language as a Means of Interdisciplinary Interaction in Medical High School. *Vestnik Kazakhskogo natsionalnogo meditsinskogo universiteta = The Bulletin of Kazakh National Medical University*. No. 4, pp. 354-356.
- Tantsura T. A. CLIL in the Context of Teaching a Foreign Language in a Modern University. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. № 4 (83), pp. 261 – 263.
- Wallinheimo K., Pitkänen K. K. iPads in Medical Language Courses at the University of Helsinki. *Language Learning in Higher Education*. Vol. 6, no. 1, pp. 77–94. DOI 10.1515/cercles-2016-0004
- Yalcin B. M., Karahan T. F., Karadenizli D., Sahin E. M. Short-term Effects of Problem-based Learning Curriculum on Students' Self-directed Skills Development. *Croatian Medical Journal*. Vol. 47, no. 3, pp. 491-498.
- Yang M., O'Sullivan P. S., Irby D. M. et al. Challenges and Adaptations in Implementing an English-medium Medical Program: a Case Study in China. *BMC Medical Education*. Vol. 9. DOI: 10.1186/s12909-018-1452-3
- Zabolotnova T. N., Yevstigneyeva A. YU., Pavlova L. A. Foreign Languages Motivation of Medical Students. *Povolzhskiy Pedagogicheskiy Poisk = Povolzhskiy Pedagogical Search*. No. 3 (5), pp. 77-82.

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_188

НЕОБХОДИМОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ ДЛЯ КРЕАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Елена Анатольевна Козлова,
orcid.org/0000-0002-6316-9597,
кандидат филологических наук, доцент
Вятская государственная сельскохозяйственная академия,
Октябрьский пр., 133
Киров, 610001, Россия
elena.kozlova1234@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современной системы высшего образования в аспекте направленности учебной программы на формирование практических навыков обучающихся. Работодателям нужен профессионал, способный без дополнительного обучения сразу приступить к служебным обязанностям. В то же время более ценятся сотрудники, обладающие лидерскими качествами, креативным мышлением, высоким уровнем коммуникативной компетенции. Эти навыки являются, прежде всего, результатом гуманитарного знания. Только с высокообразованными и творческими специалистами возможна успешная модернизация производства, повышение конкурентоспособности и делового имиджа компаний. Креативные же способности личности зависят от особенностей работы правого и левого полушарий: образной и логической составляющих, гармонично сочетающихся при анализе проблем, причем ведущими в творчестве являются правополушарные механизмы. Разрыв между техническим и гуманитарным знанием является причиной отсутствия инициативности, креативности и этической ответственности выпускников вуза. Глобальная переориентация общества на знания, полезные только с материальной точки зрения, приводит руководителей вузов, абитуриентов и их родителей к ошибочной точке зрения о гарантиях профессиональной эффективности. В работе доказывается, что гуманитарное знание больше, чем какое-то другое, эффективно влияет на формирование качественного мышления, творческого сознания, самосознания, социально-профессиональных качеств; раскрывается понятие креативности и лингвокреативности. Гуманитаризация рассматривается как процесс насыщения учебных программ дисциплинами гуманитарного цикла, а также как система продуманных и сбалансированных мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компетенций, представленных в целях и задачах, содержании учебных дисциплин, технологиях обучения, ориентированных на всестороннее развитие и совершенствование человеческой личности, которая занимает центральное место в структуре общественных отношений.

Ключевые слова: миссия вузов, лидерство, гуманитаризация, креативность, социальная ответственность.

THE NEED OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE FOR CREATIVE EDUCATION

Elena A. Kozlova
orcid.org/0000-0002-6316-9597,
кандидат филологических наук, доцент,
Cand. Sci. Philology, Assoc. Prof.,
Vyatka State Agricultural Academy
Kirov, 610001, Russia
133, Oktjabrski
elena.kozlova1234@mail.ru

Abstract. The article examines the features of the modern higher education system in the aspect of the excessive focus of the curriculum on the formation of practical skills of students. Employers need a professional who can immediately take up their duties without long-term training. At the same time, employees with leadership qualities and creative thinking are more appreciated. These qualities are part of the humanitarian knowledge. Only with highly educated and creative specialists is it possible to successfully modernize production, increase the competitiveness and business image of companies. The creative abilities of a person depend on the characteristics of the work of the right and left hemispheres: figurative and logical components, harmoniously combined when analyzing problems. It is the ability of analysis and synthesis that higher education is called upon to develop, this is its mission. The gap between technical and humanitarian knowledge is the reason for the lack of initiative, creativity and ethical responsibility of university graduates. The global reorientation of society towards knowledge that is useful from a material point of view leads the heads of universities, applicants and their parents to an erroneous point of view about guarantees of professional efficiency. The work proves that humanitarian knowledge, more than any other, effectively influences the formation of high-quality logical thinking, creative consciousness, self-awareness, social and professional qualities. The concept of creativity and linguistic creativity is revealed in detail. Humanitarization is considered as a process of saturation of curricula with disciplines of the humanitarian cycle. And also as a system of thoughtful and balanced measures aimed at the priority development of general cultural competencies, presented in the goals and objectives, the content of academic disciplines, learning technologies focused on the comprehensive development and improvement of the human personality, which is central to the structure of social relations. The essence of the humanization of education is the recognition of the spiritual world of a person as the highest value, the raising of ethical questions at the center of educational activities.

Key words: mission of universities, leadership, humanitarization, creativity, social responsibility.

Введение

В настоящее время очень остро стоят вопросы, связанные с духовным здоровьем подрастающего поколения. Чувствуется нехватка креативных лидеров, ответственных и инициативных руководителей высшего и среднего звена. В научных современных исследованиях активно ставится проблема недостаточности лидерского потенциала у современных руководителей [Лукаш, 2015; Наумова и др, 2017; Писаренко, 2015]. Например, такие лидерские качества, как воля, выносливость, психическая устойчивость, настойчивость, инициативность, креативность, независимость на высоком уровне отмечается только у 15% красноярских руководителей [Пожарский,

2015]. Недостаток личностных лидерских способностей проявляется уже в молодежной среде. По этой причине часть молодёжи пополняет ряды социально неуверенных граждан, пасующих при встрече с трудностями, не желающих отстаивать свои убеждения, не имеющих высоких духовных потребностей. Трансформируется и само представление о лидерстве: лидер – это расторопный человек, умеющий работать локтями. Итогом этого процесса является коррупция в государстве, недобросовестность, конфликтный профессиональный дискурс.

Учитывая, что образование является динамичным фактором воздействия на молодую личность, особое значение приобретает его гуманитарная направленность и комфортная гуманная учебно-воспитательная среда вуза. Проблемой современной системы образования является то, что гуманистические аспекты образования в вузах уходят на мировоззренческую периферию формирования сознания и мышления выпускников учебных заведений. Подобная тенденция рано или поздно при определенных условиях создает основы для формирования идеалов и установок потребительского общества и воспитанию homo consumens (человека потребляющего), девиз которого – не создавать самому, а потреблять информацию и технологию, созданную где-то и кем-то. В классических моделях образования была заложена взаимосвязь информационных, технологических и гуманитарных основ обучения. Ныне они постепенно теряют свои логические и смысловые связи.

Исследователи делового дискурса отмечают, что деловая коммуникация способствует креативности, так как требует постоянно поиска новых продуктивных идей реализации, «а носителем творческого начала как явления социокультурного выступает личность» [Дорошук и др., 2016]. В работе [Железовская и др., 2015] отмечается необходимость подготовки выпускников вуза к креативной деятельности. Автор говорит, что образовательный процесс должен перейти от предметно-информационного, констатирующего и репродуктивного формата к профессионально-деловому, перспективно-опережающему и креативному. Заниматься этим должна креативная педагогика как основа креативного высшего образования, ориентированного на развитие творческих способностей человека, закрепление в его сознании установок на поиск инноваций, анализ профессиональных проблем и вариантов деятельности, мотивированное самостоятельное осмысление действительности, самопознание собственной индивидуальности, превращение знаний в потенциал самосовершенствования. В результате чего студент должен уметь проявлять креативность, заключающуюся в гибкости и нестандартности при выполнении различных задач в профессиональной деятельности [Там же, с. 82].

Материал и методы

Целью статьи является нахождение пути к гармоничному развитию личности современного студента в условиях растущей индустриализации и

направленности учебной программы на освоение профессиональных компетенций в ущерб общекультурным. Основным методом данного исследования является сравнительный теоретический анализ работ психологов, педагогов и лингвистов. В первой части основного блока статьи говорится о роли вузов, рассматриваются современные тенденции образовательного процесса и выявляются плюсы и минусы новых образовательных стандартов, направленных на практическое обучение. Вторая часть посвящена описанию особого – лидерского типа мышления и механизмов креативности и лингвокреативности как части коммуникативной компетенции лидера. В третьей части обосновывается связь между креативностью, лидерством и гуманистической направленностью образования.

Дискуссия

В научной среде крайне популярным в последнее время является разговор о «третьей миссии» университетов, связанной с ролью вузов с позиций их «влияния на развитие региона, взаимодействия с ключевыми стейкхолдерами, с точки зрения их участия в социально-экономических процессах» [Кудряшова и др., 2020, с. 9]. Результатом упомянутого взаимодействия должны стать: 1) коммерциализация научных исследований, проведённых совместно с предприятиями и организациями; 2) разработка и реализация инновационных программ, ориентированных на потребителя. В России уже реализуется модель НТИ (национальной технологической инициативы) – варианта концепции Университет 3.0, распространяющаяся в условиях новой технологической революции, когда статус Университет 3.0 получает вуз, где к двум традиционным миссиям – образовательной и научно-исследовательской – добавляется третья: коммерциализация знаний и технологий [Нариманова, 2019]. Что же отличает университеты «третьего поколения»? Их деятельность направлена на обеспечение глобальной конкурентоспособности отечественной экономики за счет выпуска инновационного индивидуализированного продукта в области нейротехнологий, квантовых технологий, искусственного интеллекта и др. Все это должно привести к появлению систем беспилотных летательных аппаратов, морского транспорта без экипажа, автотранспорта без водителя, высокотехнологичных медицинских услуг, искусственных компонентов сознания и психики, распределённой энергетики и т.д. За десятилетие 2020-2030 мир настолько изменится, что те страны, которые не будут стремиться к лидерству в перечисленных областях, станут технологической периферией [Там же].

Для того чтобы реализовать образовательный процесс в контексте перехода к новым образовательным стандартам, происходит кастомизация выпускника вуза: подстройка его под конкретного работодателя. Эта тенденция имеет несомненные плюсы, однако при смене деятельности, работая на других промышленных площадках, такой специалист может оказаться совершенно некомпетентным. Вторым недостатком кастомизации

отмечают тенденцию прохождения будущими специалистами гуманитарных предметов в усеченном объеме, из-за чего в коммуникативном, креативном и личностном аспектах его ценность для работодателя понижается [Леушин и др., 2020]. Эту задачу решают предметы гуманитарного цикла, статус которых в технических вузах крайне низок, а количество часов сведено к минимальному количеству.

В результате кастомизации и излишней инновационно-технократической направленности вузов мы можем получить узких специалистов, способных решать локальные задачи, но не принимающих во внимание вопросы социальной значимости, экологии, политики, либо использующих перечисленные сферы в личных интересах. В то же время в ведущих компаниях страны крайне необходимы креативные лидеры, воспитание которых не может обеспечить раннее погружение студентов в производство. Многие компании предпринимают даже самостоятельные исследования причин креативности, привлекая к этому ведущих ученых разных стран. Так, например, 23 июля 2020 г. компания «Сбербанк» инициировала открытый семинар «EduTech – Креативное мышление: как научиться мыслить нестандартно? – Сессия 36», который прошёл в прямом эфире и до сих пор доступен на портале YouTube (ссылка – https://www.youtube.com/watch?v=2Ilw2v_pn8s). Участниками семинара стали: Сергей Филонович, профессор, декан Высшей школы менеджмента, НИУ ВШЭ; Пьер Витторио Маннуччи, доцент кафедры организационного поведения, Лондонская школа бизнеса; Оливер Кемпкенс, управляющий директор Управления развития и карьеры, ПАО Сбербанк и др. Каждый выступающий с позиции своих профессиональных компетенций старался сформулировать понятие креативности и предпосылки её формирования и развития. Сергей Ростиславович Филонович, опираясь на модель креативности, созданной психологом Чикцентмихали, сформулировал понятие креативности как порождение новой идеи с помощью символов какого-то домена (музыки, математики, механики...) и подчеркнул, что современный университет должен вводить студентов в круг креативных людей, которые сами ставят и решают задачи. Поскольку университет способствует выработке идентичности человека, он и обязан предоставлять поле для развития и экспериментов. Следует также отметить подход к креативности Пьера Витторио Маннуччи: «Креативность – это уникальная черта человечества. За последние 20 лет этот навык особенно стал важен в условиях конкурентности и глобализации. Если раньше считалось, что это удел ученых и художников, то сейчас понимание креативности расширяется за счет интересов бизнеса. Креативность – это способность находить решение проблем в различных обстоятельствах. Большинству работающих людей она необходима».

Существует точка зрения об особом типе мышления, присущем лидеру и формируемом через воспитание и обучение [Богунов, 2015; Бураканова, 2018; Евтихов, 2012 и др.]. Исследователи описывают такие качества этого мышления, как горизонтальная и вертикальная векторность развития,

динамичность, продуктивность, наличие определённого алгоритма решения проблем (чувство направленной напряженности; мобилизация творческих сил; осознание потребности решения; анализ ситуации в результате объединения интуитивного и рационального мышления; соотношение модели решения с реальным процессом) [Бураканова, 2018]. Управленческое мышление – это механизм, оперирующий методами сравнения, анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, конкретизации, классификации, категоризации, аналогии, индукции и дедукции [Богунов, 2015]. Это особая когнитивная структура, включающая в себя представления лидера о своем месте в окружающем социальном мире [Евтихов, 2012]. То есть управленческое мышление рассматривается в противовес стереотипному инерционному мышлению, а значит вполне уместно лидерское мышление назвать также креативным мышлением. Поскольку механизмы мышления изучаются в психологии и психиатрии, мы обратились к работам из этих областей знаний, в которых более подробно рассматриваются процессы работы полушарий головного мозга. В работе [Игнатова и др., 2016] произведен обзор литературы, посвященной функциональной межполушарной асимметрии мозга. Исследования разных ученых дают право предполагать, что структуры правого полушария человека обеспечивают целостность восприятия и поведения. Так, правые передние отделы мозга отвечают за гармоничную интеграцию человека в мире и за творчество. У психически здоровых испытуемых выявлено доминирование правого полушария. Интересно, что в условиях умеренного стресса (авиаперелет) интеллектуальные возможности испытуемых повышаются за счет усиления работы именно правого полушария. Развитие правого полушария также неразрывно связано с понятием лингвокреативности, так как процессы восприятия, в основе которых лежит сходство предметов или явлений или их смежность, образность протекают у человека в его правом полушарии мозга на уровне подсознания [Седов, 2007]. В работах по речевому воздействию [Козлова, 2011; Козлова, 2015; Козлова, 2017 и др.] нами подробно рассматривался прагмаэстетический потенциал, используемый представителями российской деловой элиты в публичном деловом дискурсе с целью убеждения. Были выделены и описаны креативные языковые модели, позволяющие в силу своей оригинальности, нестандартности в публичной деловой коммуникации, привлекать внимание к проблеме и способствовать убеждению.

Таким образом, можно предположить, что креативное развитие связано с развитием правого полушария в целом. То есть музыкальное, художественное, танцевальное, литературное и другое творчество способствует творчеству научному, производственному, коммуникативному. Разрыв между техническим и гуманитарным знанием при этом невозможен: одно творчество питает другое.

Анализ и результаты

Теперь необходимо разобраться, чем обусловлена готовность самого вуза к креативному образованию, обеспечивающему выпускнику навыки лидерского мышления и осознание социальной ответственности. Прежде всего – отказом от пассивных форм накопления знаний и переходом к интерактивным формам, позволяющим сформировать у студента умение мыслить, искать разные решения, решения не по шаблону. В этой системе становится неуместным тестовый контроль знаний. Творческие решения необходимо формировать в тесном контакте с группой и педагогом, который также должен соответствовать определенным требованиям. Именно гуманизация образования даёт возможность раскрыть способности и потенциал каждого человека, т.к. в её основе лежат вера и уважение к личности, комфортность её нахождения в социальной среде. Такие предметы гуманитарного цикла, как философия, культурология, педагогика, психология, риторика, культура речи, история и другие способны сформировать высшие ценности человека, поставить их в центр образовательной деятельности. Именно эти предметы развивают культуру мышления и креативность коммуникации. Гуманитаризация образовательного процесса в российском вузе сегодня необходима, возможна и должна стать фундаментальным компонентом современного педагогического мышления. Это система продуманных и сбалансированных мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компетенций, представленных в целях и задачах, содержании учебных дисциплин, технологиях обучения, ориентированных на всестороннее развитие и совершенствование человеческой личности, которая занимает центральное место в структуре общественных отношений. Гуманизация и гуманитаризация образования предполагают учёт возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся, сохранение и укрепление их здоровья (физического и психического), формирование чувства собственного достоинства, построение особых отношений между педагогом и учеником, основанных на уважении и признании прав каждого человека. Благодаря этому ученик как субъект педагогического процесса перестаёт быть пассивным существом и активно включается в процесс саморазвития, самовоспитания, самоопределения.

На практике гуманизация образования реализуется через: индивидуализацию учебно-воспитательного процесса (его содержания, методов, средств, форм) и персонализацию педагогического процесса (индивидуальные особенности личности педагога).

Индивидуализация содержания, форм, методов и т.д. обучения и воспитания предполагает их проектирование и использование с учётом уровня подготовки и опыта обучающихся, направленности их личности, иерархии мотивов и интересов. Т.е. педагог должен представить разноуровневый по объективной сложности и субъективной трудности усвоения научный материал и применить лично ориентированный подход к построению обучения. Для этого необходимы условия личного

контакта с обучающимися, диалоговость, творческая совместная деятельность. Следует отметить, что такие условия практически невозможно создать в формате популярного в последнее время смарт-образования, несмотря на все его плюсы и «удобства» [Гремицкая и др, 2020].

Персонализация учебного процесса означает, что именно педагог является носителем содержания своего учебного предмета, олицетворяет его (т.е. персонифицирует), становится своеобразным образцом для подражания. Исходя из этого, педагог является главнейшим компонентом гуманитарного образовательного процесса как носитель передаваемой культуры [Смарт-образование..., 2020; Луткин, 2010; Подберезный, 2018]. Поэтому необходимо выделить плохо решённую на сегодняшний день проблему высшей школы, научиться ценить педагога и создавать условия для развития его личностного потенциала.

Заключение

В результате гуманитаризации образования педагогический процесс должен строиться на принципах:

- 1) отказа от культуры «полезности», «технократизма» и ориентирования на культуру «достоинства»;
- 2) меньшего использования занятий в форме авторитарного монолога и внедрение урока-диалога, сотворчества;
- 3) замены технологии обучения по формуле «ответы без проблемных вопросов» на решение жизненных практических задач и познавательных интересов ученика;
- 4) исключения адаптивно-дисциплинарной модели усвоения обучающимися суммы знаний, умений, навыков и перехода к рождению системного знания в совместной деятельности с педагогом и сверстниками.

Конечно, гуманизация образования предполагает изменение отношения педагога к своей профессиональной деятельности. Сейчас у педагогов есть право индивидуального составления учебных программ, отбора содержания преподаваемой дисциплины, выбора технологии обучения и т.д. Кроме того, учитель перестаёт быть авторитарным, а всё больше выполняет роль наставника, сотрудника и организатора совместного взаимодействия с обучающимися. Такое обучение создаёт атмосферу творческого поиска, обмена опытом и т.п. Именно в этом случае основным смыслом педагогического процесса становится развитие своего ученика. А мера его развития становится мерилем качества работы педагога, образования в вузе. При гуманитарном подходе результативность обучения не сводится только к оценке знаний через тестирование и контрольные срезы. На первый план выходит и особый вид общения – гуманистическое, основанное на взаимном доверии, педагогическом такте, внимательности, чувстве собственного достоинства и т.п. Такое педагогическое общение не только будет способствовать подготовке к будущей жизни, но и обеспечит полноценность сегодняшнего бытия студентов. В настоящее время не разработана целостная модель гуманитаризации и гуманизации образования, не используются

конкретные социально-педагогические технологии. Социологические исследования общекультурных компетенций современной молодёжи показывают растущий дефицит навыков, формируемых этими компетенциями [Ореховская, 2017]. Грамотный подход к разработке такой модели должен привести, по нашему мнению, к установке на четвертую миссию вузов – гуманизацию образования, связанную с повышением статуса гуманитарных дисциплин и направленную на формирование у будущих выпускников вуза креативности, лидерской позиции и социальной ответственности.

Библиографический список

- Богун, Л. А.* Анализ содержания компонентов управленческого экономического мышления менеджера // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 2 (97). С. 242-245.
- Бураканова, Г. М.* Формирование управленческого мышления лидера // Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 27-32.
- Гремицкая, М. В.* Страноведческая викторина «Icons of Britain» как пример интерактивной мультимедийной образовательной технологии (при обучении английскому языку) / М. В. Гремицкая, М. Э. Казакова // Инновационное развитие агропромышленного комплекса как фактор конкурентоспособности: проблемы, тенденции, перспективы: коллективная монография. Ч 2 / Л.М. Васильева [и др.]; под общ. ред. д-ра пед. наук Симбирских Е.С. Киров, 2020. С284-295.
- Дорошук, Л. А.* Коммуникативная креативность личности как фактор эффективности делового общения / Л. А. Дорошук, С. А. Новоселов // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 265-268.
- Евтихов, О. В.* Социально-психологическая модель развития лидерского потенциала руководителя // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 4. С. 3-6.
- Железовская, Г. И.* Креативное коммуникативное поведение как средство творческой самореализации личности обучающегося / Г. И. Железовская, Н. В. Абрамова, Е. Н. Гудкова // Образование и наука. 2015. № 4. С. 79-88.
- Игнатова, Ю. П.* Современные аспекты изучения функциональной межполушарной асимметрии мозга (обзор литературы) / Ю. П. Игнатова, И. И. Макарова, О. Ю. Зенина, А. В. Аксенова // Экология человека. 2016. № 9. С. 30-39.
- Козлова, Е. А.* Прагмаэстетические средства убеждающей речи в публичном деловом дискурсе дисс. канд. филол. наук. Вятский государственный гуманитарный университет. Киров, 2011. 207 с.
- Козлова, Е. А.* Художественно-языковая компетенция как фактор лингвокреативности и коммуникативной эффективности будущего специалиста // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 8. С. 147-151.
- Козлова, Е. А.* Акт провокации как продукт речетворчества в аспекте речевого воздействия // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 717-720.
- Кудряшова, Е. В.* Взаимодействие университетов со сферой производства как элемент реализации «третьей миссии» / Е. В. Кудряшова, С. Э. Сорокин, О. Д. Бугаенко // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 5. С. 9-21
- Леушин, И. О.* Кастомизация выпускника вуза: иллюзия или требование времени? / И. О. Леушин, И. В. Леушина // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 7. С. 56-63. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-7-56-63>
- Лукаш, С. Н.* Роль семьи в формировании лидерских качеств у подрастающего поколения / С.Н. Лукаш // Научный журнал КубГАУ. 2015. №11. С. 1471-1480. Scientific Journal of KubSAU.

- Луткин, С. С.* Осмысление лидерской позиции педагога как условие развития его профессионально-педагогических компетентностей // Педагогическое образование в России. 2010. №2. С. 57-63.
- Наумова, Ю. А.* Харизматичность как компонент трудового потенциала личности руководителя / Ю. А. Наумова, Т. А. Филь // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 2 (63). С. 292-295.
- Нариманова, О. В.* Концепция Университет 3.0: перспективы реализации в России в условиях новой технологической революции // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2019. Т.7. № 2 (25). С. 350-363, doi: 10.23888/humJ20192350-363
- Ореховская, Н. А.* Формирование гражданственности путем гуманитаризации образования / Н. А. Ореховская, А. Г. Тюриков // Казанский педагогический журнал. 2017. № 4 (123). С. 153-157.
- Писаренко, Г. П.* К вопросу о формировании личностной готовности воина-контрактника к лидерской деятельности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109. С. 1090-1101.
- Подберезный, В. В.* Гуманизация и гуманитаризация современного образования / В. В. Подберезный, В. А. Панова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 10 (1). С. 146-151.
- Пожарский С. О.* Исследование лидерского потенциала руководителей // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. №3 (33). С.207-212.
- Седов, К.Ф.* Нейропсихоллингвистика. М.: Лабиринт, 2007. 220 с.
- Смарт-образование как трансляция информации / Е. А. Козлова, А. Г. Праздников, О. А. Казакова, С. А. Чиркин, Э. А. Цеглеев, Ю. П. Попов, И. Ю. Китаева // Цифровая экономика и управление знаниями: проблемы и перспективы развития: сборник статей Международной научно-практической конференции. Киров, 2020. С. 74-79.

References

- Bogunov, L.A.* Analiz sodержaniya komponentov upravlencheskogo jekonomicheskogo myshlenija menedzhera. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2015. No. 2 (97), pp. 242-245. (In Russ., abstract in Eng.)
- Burakanova, G.M.* Formirovanie upravlencheskogo myshlenija lidera. Gumanitarnye nauki. 2018 No. 3 (43), pp. 27-32. (In Russ., abstract in Eng.)
- Doroshuk, L.A., Novoselov, S.A.* Kommunikativnaja kreativnost' lichnosti kak faktor jeffektivnosti delovogo obshhenija // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2016. № 12. S. 265-268. (In Russ., abstract in Eng.)
- Evtihov, O.V.* Social'no-psihologicheskaja model' razvitija liderskogo potenciala rukovoditelja. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah, 2012. No. 4 (51), pp. 3-6. (In Russ., abstract in Eng.)
- Gremitskaya M.V., Kazakova M.E.* Cross-Cultural quiz “Icons of Britain” as an example of interactive multi-media educational technology used for teaching English” // Innovation development of the agricultural complex as a factor of its competitiveness: problems, trends, prospects. Collective monograph in 2 parts. Part 2/ L.M. Vasilyeva [et al.]; under the general editorship of Doctor of Pedagogics E.S. Simbirskikh. Kirov, 2020. p.284-295. (In Russ.)
- Ignatova Yu.P., Makarova I.I., Zenina O.Yu., Aksenova A.V.* Sovremennye aspekty izucheniya funkcional'noj mezhpolutsharnoj asimmetrii mozga (obzor literatury) [Current aspects of functional interhemispheric brain asymmetry studying (literature review)]. Ekologiya cheloveka [Human Ecology], 2016, no 9. S. 30–39. (In Russian).
- Kozlova, E.A.* Pragmajesteticheskie sredstva ubezhdajushhej rechi v publichnom delovom diskurse diss. kand. filol. nauk. Vjatskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. Kirov. 2011
- Kozlova, E.A.* Hudozhestvenno-jazykovaja kompetencija kak faktor lingvokreativnosti i kommunikativnoj jeffektivnosti budushhego specialista. Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. No. 8, pp. 147-151. (In Russ., abstract in Eng.)

- Kozlova, E.A.* Akt provokacii kak produkt rechetvorchestva v aspekte rechevogo vozdejstvija // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2017. No. 30. pp. 717-720. (In Russ., abstract in Eng.)
- Kudryashova, E.V., Sorokin, S.E., Bugaenko, O.D.* University-Industry Interaction as an Element of the University's "Third Mission». Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2020. Vol. 29, no. 5, pp. 9-21. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-5-9-21>
- Leushin, I.O., Leushina, I.V.* Customization of a University Graduate: Illusion or Requirement of Time? Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2020. Vol. 29, no. 7, pp. 56-63. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-7-56-63>
- Lukash, S.N.* Rol' sem'i v formirovanii liderskih kachestv u podrastajushhego pokolenija. Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, no. 110, 2015, pp. 1471-1480. (In Russ., abstract in Eng.)
- Lutkin, S.S.* Osmyslenie liderskoj pozicii pedagoga kak uslovie razvitija ego professional'no-pedagogicheskikh kompetentnostej. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2010. No. 2. pp. 57-63. (In Russ., abstract in Eng.)
- Narimanova, O.V.* University 3.0 Concept: prospects for implementation in Russia under the conditions of a new technological revolution. Personality in a changing world: health, adaptation, development: a network journ. 2019; 7 (2). Available at: [hp://humjournal.rzgmu.ru/art&id=377](http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=377) Accessed: dd Month yyyy. doi: 10.23888/humJ20192350-363 (In Russ., abstract in Eng.)
- Naumova, Ju.A., Fil', T.A.* Harizmatichnost' kak komponent trudovogo potenciala lichnosti rukovoditelja. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija, no. 2 (63), 2017, pp. 292-295. (In Russ., abstract in Eng.)
- Orehovskaja, N.A., Tjurikov, A.G.* Formirovanie grazhdanstvennosti putem gumanitarizacii obrazovanija. Kazanskij pedagogicheskij zhurnal, no. 4 (123), 2017, pp. 153-157. (In Russ., abstract in Eng.)
- Pisarenko, G. P.* K voprosu o formirovanii lichnostnoj gotovnosti voina-kontraktnika k liderskoj dejatel'nosti. Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, no. 109, 2015, pp. 1090-1101. (In Russ., abstract in Eng.)
- Podbereznyj, V.V., Panova, V.A.* Gumanizacija i gumanitarizacija sovremennogo obrazovanija // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2018. No. 10 (1). pp. 146-151. (In Russ., abstract in Eng.)
- Pozharskij, S.O.* Issledovanie liderskogo potenciala rukovoditelej. Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva, no. 3 (33), 2015, pp. 207-212. (In Russ., abstract in Eng.)
- Sedov, K.F.* Nejiropsiholingvistika. Moscow St. Univ, 2007 (In Russ.).
- Smart-obrazovanie kak transljacija informacii* E.A. Kozlova, A.G. Prazdnikov, O.A. Kazakova, S.A. Chirkin, Je.A. Cegleev, Ju.P. Popov, I.Ju. Kitaeva // Cifrovaja jekonomika i upravlenie znanimjami: problemy i perspektivy razvitija: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskij konferencii. Kirov, 2020. pp. 74-79. (In Russ., abstract in Eng.)
- Zhelezovskaja, G.I., Abramova, N.V., Gudkova, E.N.* Kreativnoe kommunikativnoe povedenie kak sredstvo tvorcheskoj samorealizacii lichnosti obuchajushhegosja. Obrazovanie i nauka. 2015. No. 4. pp. 79-88. (In Russ., abstract in Eng.)

УДК 811.13

ББК 81.471.1

DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_199

ПРАГМАТИКА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В МЕТЕОСВОДКАХ

*Юлия Вячеславовна Ильина,
Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., д.4, корп 1
Москва, 129226, Россия
jul.il@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена роли числительных в повседневности французского общества. Материалом исследования послужили тексты, содержащие метеорологические данные. В ходе анализа были выявлены две основные функции числительного – точное указание (точность) и приблизительное значение (аппроксимация).

Ключевые слова: числительное, метеосводки, категория точности, категория аппроксимации.

PRAGMATICS OF NUMERALS IN WEATHER REPORT

*Julija V. Ilina
Moscow City University,
4, 2-nd Selskhozoyastvenny street,
Moscow, 129226, Russia
jul.il@mail.ru*

Abstract. This article is devoted to the role of numerals in the daily life of French society. The research material included texts containing meteorological data. The conducted analysis allowed to reveal two major functions of the numeral: exact indication (accuracy) and approximate value (approximation).

Key words: numeral; weather reports; accuracy category; approximation category.

Прагматика языка является составляющей лингвистической науки в целом, и данная наука, как и сам язык, развивается и рассматривает различные подходы к изучению языка и его явлений. Последние десятилетия всё большее значение в лингвистике приобретают исследования, базирующиеся на принципах коммуникативного подхода к языковым явлениям [Антонова, 2011, с. 24], а также на прагматическом и на когнитивном подходах [Ионова, 2005, с. 33]. Данные подходы позволяют выделить несколько лингвистических категорий, среди которых – категории *аппроксимации* и *точности*, являющиеся ключевыми понятиями данной статьи. Обратимся к лексическим значениям указанных терминов.

Под «аппроксимацией», а еще чаще – «аппроксимативностью» подразумевается *приблизительность*. Сам термин «аппроксимативность» пришел из математики, а в настоящее время является частью понятийного аппарата различных гуманитарных наук, среди которых философия и лингвистика. В своём исследовании В. А. Пуминова опирается на работы как зарубежных, так и отечественных лингвистов, что позволило исследователю классифицировать понятие аппроксимации следующим образом:

а) в качестве заимствования из латинского языка (*approximāre* – приближаться) как замена одних математических объектов другими, близкими к исходным;

б) обозначение реализации в языке и тексте значения приблизительности, неточности, приблизительного наименования;

в) в качестве категорий: языковая категория, определяющая различные языковые средства на единой концептуальной базе; функционально-семантическая категория, понятийная категория; модусная категория; семантическая категория, указывающая на сомнение говорящего по отношению к выбору наименования. Автор склонна считать аппроксимацию семантической категорией, которая носит универсальный характер, поскольку встречается во многих современных языках и представляет собой один из способов выражения нечеткости в устном и письменном тексте [Пуминова, 2018, с. 30].

Следующая категория, выделяемая при прагматическом подходе, – категория точности, или категория коммуникативной точности. Как считает Н. Ю. Антонова, анализ теоретической литературы последних лет показывает, что однозначное понимание коммуникативной точности в современной лингвистике еще не сложилось [Антонова, 2011, с. 24].

Существует точка зрения, что коммуникативная точность – это свойство, присущее правильному (адекватному, истинному) отражению мира [Ковшикова 1997, с. 5]. По мнению Н. Ю. Антоновой, С. П. Кушнерук, коммуникативная точность является одним из основных признаков, характеризующих деловой текст. Достигается она на двух уровнях: на первом уровне – соблюдение формы документного текста, контроль его структурно-композиционных параметров, а на втором – реализация подходящих, соответствующих терминологических единиц и моносемичной нетерминологической лексики [Антонова, 2010, с. 24-25; Кушнерук, 2008, с. 174-175].

Категории точности и аппроксимативности наиболее часто представлены числительными в текстах, касающихся повседневной жизни людей, в частности, в метеосводках. В теоретической грамматике современного французского языка имеет место множество представлений о числительном как части речи и о его грамматических характеристиках. Обратимся к определению числительного в Лингвистическом энциклопедическом словаре, в котором можно прочесть, что – это класс полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счёте, кратности

(повторяемости), совокупности [Лингвистический энциклопедический словарь]. Именно на таких характеристиках базируются тексты метеорологических сводок.

Метеосводка, или прогноз погоды – является одной из важнейших составляющих повседневной жизни человека. Перейдём к определениям, которые дают данному понятию различные словари.

Météo – informations données sur l'état du temps, de l'atmosphère (Метеоданные – информация о состоянии погоды, окружающей среды) [Larousse].

Bulletin quotidien de renseignements (B.Q.R.) – document publié par Météo France et qui donne, pour chaque jour, des cartes de pressions et de systèmes nuageux sur l'Europe, de températures et de précipitations sur la France et les territoires adjacents (Ежедневная информационная сводка – документ, публикуемый MétéoFrance и содержащий карты давления и облачных систем в Европе, температуры и количество осадков над Францией и прилегающими территориями на каждый день) [Larousse].

Метеорологическая сводка – 1. Телеграмма или радиопередача с результатами метеорологических наблюдений за определенный срок на станциях некоторой страны или области или по трассе. 2. Сведения об условиях погоды по трассе, вручаемые экипажу самолета перед вылетом. Синонимы: метеосводка, синоптическая сводка [Хромов, Мамонтова, 1974, с. 265].

Из представленных выше определений, которые приводит словарь Larousse и Метеорологический словарь, отметим следующие компоненты метеосводок, где содержится числительное или понятие, указывающие на количество: **атмосферное давление, облачность, температура и осадки.**

Проанализировав 20 текстовых и 6 графических метеоматериалов, считаем возможным добавить такие компоненты, как **дата** (год, месяц, число, иногда время с точностью до минут), **количество солнечного света** (в процентах и часах), **уровень ультрафиолетового излучения, скорость ветра, а также погодные рекорды и аномалии.**

Анализ 20 текстов, содержащих метеорологические данные, позволил разделить их на следующие группы [La Chaîne météo; Météo France]:

- 1) bilan del'année 2018;
- 2) été 2019;
- 3) printemps 2019;
- 4) hiver 2019;
- 5) météo octobre-novembre 2019;
- 6) records météorologiques.

Начнём анализ с метеосводок, описывающих уже прошедшие погодные состояния. В первом из перечисленных текстов [Météo France], в котором даётся краткая метеорологическая сводка за 2018 год, числительные представлены в следующих явлениях: во-первых, это чёткое обозначение года числительными:

2018: année la plus chaude depuis le début du XXe siècle

*l'été 2018 s'est classé au 2e rang des étés les plus chauds derrière 2003...
plaçant l'année 2018 [...] devant 2014 et 2011
2018, [...] la plus foudroyée depuis au moins 30 ans devant 1995 et 1994*

Заметим, что в большинстве случаев год упоминается в контексте погодных рекордов («Sans atteindre les valeurs record de 2003...») и уточняется его место среди прочих, начиная с XX века («l'été 2018 s'est classé au 2e rang», «plaçant l'année 2018 au 1er rang...»), что выражается порядковым числительным.

Далее числительное используется в выражении температурного значения («les températures maximales [...] de 1 à 2°C», «...plus de 2°C au-dessus de la normale»); зачастую значение берётся особенно точным – вплоть до десятков («La température moyenne annuelle de 13,9°C a dépassé la normale de 1,4 °C»).

Не менее важным явлением можно обозначить количество осадков, которое выражается как в процентах («...avec un excédent de 30 à 60 %», «...la pluviométrie a toutefois été déficitaire de 10 à 20 %», «Le premier semestre avec un excédent supérieur à 60 %»), так и в L/m² («472L/m² à Fessenheim, 971L/m² à Montpellier, 1434 L/m² au Luc»).

И наконец, ещё один числовой показатель – количество солнечного света, выраженное также в процентах («...la durée a été remarquable [...] avec un excédent supérieur à 20%, atteignant localement 30 %») и в часах («...avec 1979 heures de soleil à Charleville-Mézière, «à Biarritz avec 1843»).

При изучении данного текста изначально может показаться, что все значения представляют определённую точность в передаче погодных явлений, однако более глубокое рассмотрение контекста позволяет выявить признаки, которые указывают на очевидную аппроксимативность текста.

Таким образом, несмотря на то, что в данной метеосводке указано некое точное значение, оно рассматривается в контексте усреднённых данных. И это значит, что текст обладает не только категорией точности, но и категорией аппроксимации, на что указывают следующие лексические единицы:

*fréquentes (частые, многократные) situations météorologiques
avec des hautes (высокое) pressions
les températures sont restées en moyenne (в среднем) plus élevées
(повышенные) que la normale (нормальная температура)
avec des températures supérieures (более высокие) aux normales
en moyenne plus de (в среднем более, чем) 2°C au-dessus de la normale
la température moyenne annuelle (средняя годовая)*

Тот факт, что указанные единицы являются именно аппроксиматорами, подтверждает их лексическое значение, в котором содержится указание на некое неточное количество [Le trésor de la langue française; Larousse]:

Fréquant – qui se reproduit souvent.

Haut (в данном контексте) – qui atteint un niveau élevé sur l'échelle des degrés d'intensité, en partic. en parlant d'une chose susceptible de variations rythmiques, thermiques, etc., et mesurable.

La moyenne – quantité évaluée par unité de temps; **en moyenne** – qui est obtenu en calculant *exactement ou approximativement une moyenne*.

La normale – ce qui est normal, courant, *la moyenne*; météorologie: *Moyenne* d'un élément météorologique (température, pluviosité, nébulosité, etc.) établie sur une période au moins égale à trente ans.

На приближительность также указывает использование промежутков между числовыми значениями: *de 1 à 2 °C*, un excédent *de 30 à 60 %*.

Вслед за исследователем аппроксиматоров в современном итальянском языке С. Меркантини [Меркантини, 2015, с. 250], под аппроксиматором мы понимаем любое языковое средство, характеризующее ситуацию, при использовании которого говорящий определенным образом оценивает неполное соответствие характеризующей ситуации реальному положению вещей. Можно констатировать, что обозначенные лексические единицы являются лексическими аппроксиматорами и несут в себе приближительное числовое значение. Таким образом, в данной метеосводке с помощью аппроксиматоров проявляется когнитивная категория приближительности, а с помощью числительных – категория точности.

В следующем тексте, описывающем погодную ситуацию летом 2019 года [Météo France], числительные представлены при обозначении температуры, осадков и количества солнечного света. В данной метеосводке, как и в первой, числовые значения вышеуказанных погодных явлений обозначают или минимальное отклонение от нормы («...les températures ont été plus de **1 °C** au-dessus de la normale», «...voire souvent plus de **2 °C**...», «...la température a été supérieure à la normale de **1,7 °C**...»), или значение, которое было превышено («... le déficit pluviométrique a localement dépassé **60 %**...»).

Кроме относительной точности, которая также достигается с помощью числительных, в тексте содержится значительное количество лексических единиц, указывающих на приближительность значений:

*les perturbations ont été **peu fréquentes** (редкие)*

*accompagnés de pluies **intenses** (сильные)*

***plusieurs** (множественные) épisodes de pluies **diluviennes** (проливные)*

*ce déficit associé aux **fortes** (высокие) températures*

Вместо точного определения количества выпавших осадков или значения температуры используется приближительная конструкция *pluies intenses, pluies diluviennes, fortes températures*.

Говоря об особенно жарких днях французского лета 2019, авторы метеосводки также прибегают к использованию многочисленных аппроксиматоров, причём это могут быть как словосочетания («des journées *extrêmement chaudes*»), так и предложения («Les nuits sont *chaudes* et pesantes avec des températures *qui ne descendent pas en dessous de 20 à 24 °C*...», «Cette canicule est aussi *intense* et *étendue*...»).

С одной стороны, коммуникативная точность в данном случае достигается путём установления границ температурных и календарных значений (entre 35 à 38 °C, de 20 à 24 °C, 3 à 5 jours [de canicule]), однако с

другой стороны, данные значения являются приблизительными и обобщёнными, так как сам формат данной метеосводки подразумевает не точное и детальное перечисление погодных явлений, а краткий обзор на тот или иной период.

Не менее жарким сезоном во Франции оказалась и весна 2018 года [Météo France]. В данной метеосводке точно определены рамки жаркого периода («du **19** au **22** avril»), что указывает на исключительность погодных условий на протяжении данных пяти дней. Помимо указания на дату, точные значения выражаются при определении температурных значений:

*La moyenne des températures maximales sur le pays a atteint **26,2 °C**.*

*La journée du 21 avril 2018 a été la plus chaude jamais observée pour un mois d'avril avec un indicateur thermique national de **19,2 °C**, résultant d'une moyenne de **11,3 °C** la nuit et **27,0 °C** l'après-midi.*

Тем не менее, как было отмечено выше, данные значения являются усреднёнными, то есть несут в себе категорию аппроксимации, на что указывают следующие слова и словосочетания: *la moyenne des températures* (средние температурные показатели), *températures maximales* (максимальные температурные показатели), *fortes chaleurs* (сильная жара), *journées exceptionnellement chaudes* (чрезвычайно жаркие дни).

Обзорная метеосводка на зимний период [Météo France] особенно богата на наличие аппроксиматоров, указывающих на количественное значение: *en moyenne plus de 2°C au-dessus de la normale* (предполагается численное значение в градусах), *malgré quelques* (указывается множество периодов) *périodes très fraîches* (предполагается низкое температурное значение), *avec des températures maximales exceptionnellement élevées* (предполагается высокое температурное значение), *dépassant souvent 20 °C, supérieure à la normale* (указывается на определённые числовые значения), *la pluviométrie a été déficitaire de plus de 10 %* (подразумевается определённое количество осадков, которое не выпало), *tout au long de la saison* (указывается на определённое количество дней), *de nombreux records battus* (побито не один, а множество рекордов).

Обратимся теперь к следующему формату метеосводки – прогнозу погоды на определённый период в будущем. В данном случае – прогноз на периоды осени 2019 года. Как и в предыдущих метеосводках, числительные здесь указывают на среднее возможное приблизительное значение, но с установленными рамками – в прогнозе на Хэллоуин 2019 [La Chaîne météo] относительно температуры и времени суток («...une moyenne de **5 à 10°C** sur la moitié nord, et de **14 à 15 °C** sur la moitié sud vers **19h**»).

Похожая ситуация и в прогнозе на начало ноября:

*...les températures évolueront autour des normales de saison avec des minimales entre **6 et 13 °C***

*...on attend entre **11 à 13°C** au nord, **15 à 18°C** au sud jusqu'à **20 °C**...*

Словосочетания *le ressenti très désagréable, avec un ressenti parfois assez frais* также содержат указание на численное значение – скорость ветра в первом случае и повторяющуюся пониженную температуру.

Обратимся теперь к функциям числительных и выражений с числовым компонентом при прогнозировании осадков – дождя, грозы, снега.

«Les cumuls de pluie les plus importants concernent les Landes avec 120 millimètres [...] à Mont-de-Marsan, 140 mm à Dax et jusqu'à 155 mm à Rion-de-Landes ce qui correspond déjà à plus d'un mois de précipitation»).

Количество дождевых осадков измеряется в миллиметрах, и такое точное указание говорит о необычности, аномальности погодного явления в данный период, что особенно отражает последняя фраза. Подобную же роль выполняют числительные в прогнозе грозы и снега:

Il est tombé en quelques heures l'équivalent d'un mois et demi de pluies avec 144 mm d'eau

...avec les rafales de vent qui ont atteint 158 km/h à Ajaccio Parata et 154 km/h à l'Ile-Rousses...

La neige a déjà fait son apparition dès 1800 m sur les Alpes va blanchir nos montagnes dès 1200 mètres en fin de semaine.

La neige a fait son retour sur nos reliefs, à partir de 1600 à 1800 m sur les massifs alpins et au dessus de 2000 m sur les Pyrénées.

Следует также отметить выражения, содержащие или подразумевающие в себе числовой компонент: *les plus gros dégâts, de fortes pluies, un peu plus d'un mois de pluie, de plus en plus froide*. С одной стороны, данные выражения являются синонимичными точным указаниям осадков, а с другой стороны, помогают человеку лучше понять, каковы будут погодные явления и ощущения в определённый период суток или недели, так как для непрофессионала в метеорологии фраза «сильные дожди» скажет гораздо больше, нежели «30 миллиметров осадков». Таким образом, прогноз погоды нацелен в первую очередь на человека, не имеющего специальных знаний в области метеорологии, то есть обладающего наивной, или практической картиной мира – целостное представление человека об окружающей действительности, которое возникает в процессе переживания всего того, что вызывает у него жизненный интерес, волнует воображение, формирует ценностные смыслы для обыденной жизни [Алефиренко, 2011, с. 11].

Помимо этого, автор статьи Робин Панфили в статье французского журнала Slate FR «Как мы стали одержимы погодой» [Slate FR] выделяет две основные роли прогноза погоды: во-первых, удовлетворяет желание человека контролировать ситуацию, а во-вторых, имеет социально важный подтекст. В первом случае, обладая информацией о том, какой ожидается день, мы избавляем себя от потенциальных негативных последствий: замёрзнуть, промокнуть, обгореть на солнце и т.п. Во втором же, изучая метеосводки других городов, регионов, стран мы тем самым ощущаем единство с теми, кто там сейчас находится.

Более того, автор другой статьи в Le Monde Сандрин Бланшар считает [Le Monde], что от метеорологических предсказаний зависит даже процент увеличения продаж мороженого, напитков, «барбекю-еды» и падения потребления шоколада, замороженных овощей и готовых блюд: *«On prévoit tout grâce à la météo, même le pourcentage d'augmentation des ventes de glaces,*

de boissons, d'"aliments de barbecue" et la baisse de la consommation de chocolat, de légumes surgelés et de plats cuisinés, grands perdants de la chaleur, selon les professionnels de la grande distribution.»

Иными словами, прогноз погоды представляет особую важность для производителей продовольствия и, конечно же, для работников агропромышленной сферы, работников event-индустрии, организующей массовые развлекательные мероприятия на открытом воздухе.

Необходимо заметить, что важна и особенно выделяется категория точности, выраженная числительными, в текстах, рассказывающих о погодных рекордах. В первую очередь берётся максимально зафиксированное значение (в данном случае – максимальная скорость ветра в km/h), а затем точная дата:

133 km/h le 20 novembre 1996

119 km/h le 7 novembre 1982

В заключение анализа метеорологического дискурса рассмотрим графические прогнозы погоды с целью определить, в каких случаях числительные наиболее распространены. При прогнозе погоды на сутки числительные используются для обозначения следующих категорий: дата (*mardi 05 [novembre]*), температура ночная и дневная ($4^{\circ}\text{C}/8^{\circ}\text{C}$) часто с точностью до каждого часа, скорость ветра (5 km/h), индекс ультрафиолетового излучения (*UV 1*), а также восход (*07h25*), закат (*17h19*) и появление луны (*14h46*). Упоминание именно вышеуказанных явлений обусловлено их первостепенной важностью в течение суток. При прогнозе же на неделю вперёд метеорологи ограничиваются упоминаниями о дате и температуре.

Итак, оба проанализированных формата метеосводок – описывающих прошлые и будущие погодные условия – указывают на наличие в них как категории точности, так и аппроксимативности. Первая категория чаще всего выражена непосредственно числительными, тогда как вторая – лексическими единицами, содержащими в себе понятие количества; их можно назвать аппроксиматорами. Это позволяет сделать вывод, что точные значения используются для того, чтобы, во-первых, отразить то или иное погодное явление в мерах, доступных человеческому восприятию; во-вторых, для установления границ этих самых значений; и наконец, для увлечения экспрессии и указания на аномальность, непривычность того или иного погодного явления. В свою очередь, аппроксиматоры служат, во-первых, для лексического разнообразия, так как являются синонимами числовых значений, а во-вторых, для указания на неточность, усреднённость этих самых значений, что позволяет человеку создать общее, более доступное представление о погодных условиях, то есть способствует формированию наивной картины мира.

Библиографический список

- Алефиренко Н. Ф.* Научное и обыденное в языковой картине мира // Вестник ЧелГУ. 2011. Вып. 24. С. 11-14.
- Антонова Н. Ю.* Коммуникативная точность специального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. Ю. Антонова. Волгоград. 2011. 27 с.
- Антонова Н. Ю.* Некоторые лингвистические признаки коммуникативной точности текстов инструкций по применению лекарственных препаратов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. 10 (54). С. 24-27.
- Ионова С. В.* Аппроксимация содержания как основное свойство вторичных текстов // Вестник ВолГУ. Серия 2005. Вып. 4. С. 33-37.
- Ковшикова Е. В.* Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Ковшикова. Волгоград. 1997. 22 с.
- Кушнерук С. П.* Теория современного документного текста коммуникации: дис ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград. 2008. 333 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь // [Electronic resource]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/582c.html> (дата обращения: 03.06.20).
- Меркантини С.* Средства аппроксимации в современном итальянском языке // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. Вып. 2 (18). С. 250-254. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23752005_37768990.pdf (дата обращения: 03.06.20).
- Пуминова В. А.* Средства выражения аппроксимативности. Дефиниции и классификация аппроксиматоров в отечественном и зарубежном языкознании // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2018. Вып. 22. С. 29-35.
- Хромов С. П.* Метеорологический словарь / С. П. Хромов, Л. И. Мамонтова / Гл. ред. В. И. Кузьменко. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 568 с.
- La chaîne météo [Electronic resource]. URL: <https://www.lachainemeteo.com/> (дата обращения: 08.06.20).
- Larousse [Electronic resource]. URL: <https://www.larousse.fr/portail/> (date of access 02.06.20).
- Linguistic Encyclopedic Dictionary // [Electronic resource]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/582c.html> (дата обращения: 06.06.20).
- Le Monde [Electronic resource]. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2010/07/07/meteo-1-obsession_1384597_3232.html (дата обращения 08.06.20).
- Météo France [Electronic resource]. URL: <http://www.meteofrance.fr/> (дата обращения 08.06.20).
- Slate FR [Electronic resource]. URL: <http://www.slate.fr/story/120617/applications-meteo-obsession> (дата обращения 06.06.20)
- Le Trésor de la langue française [Electronic resource]. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (дата обращения 02.06.20).

References

- Alefirenko N.F. Scientific and everyday in the linguistic picture of the world // Bulletin of ChelSU. 2011. Issue. 24. P. 11-14. (in Russian)
- Antonova N.Yu. Communicative accuracy of a special text // Author. dis. ... cand. filol. sciences. Volgograd. 2011. 27 p. (in Russian)
- Ionova S.V. Content approximation as the main property of secondary texts // Bulletin of VolSU. 2005. Issue. 4. P. 33-37. (in Russian)
- Khromov S.P. Meteorological Dictionary // Ch. ed. V.I. Kuzmenko. L.: Hydrometeoizdat. 1974. 568 p. (in Russian)
- Kovshikova E.V. The category of communicative accuracy (based on the texts of business letters) // Abstract. dis. ... cand. filol. sciences. Volgograd. 1997. 22 p. (in Russian)

- Kushneruk S.P. Theory of the modern documentary text of communication // Dis ... Dr. filol. sciences. Volgograd. 2008. 333 p. (in Russian)
- La chaîne météo [Electronic resource]. URL: <https://www.lachainemeteo.com/> (date of access 08.06.20). (in French)
- Larousse [Electronic resource]. URL: <https://www.larousse.fr/portail/> (date of access 02.06.20). (in French)
- Le Monde [Electronic resource]. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2010/07/07/meteo-1-obsession_1384597_3232.html (date of access 08.06.20). (in French)
- Le Trésor de la langue française [Electronic resource]. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (date of access 02.06.20). (in French)
- Linguistic Encyclopedic Dictionary // [Electronic resource]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/582c.html> (date of access 06.06.20). (in Russian)
- Mercantini S. Means of approximation in modern Italian language // Vestnik MGPU. Series: Philology. Theory of language. Language education. 2015. Issue. 2 (18). P. 250-254. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23752005_37768990.pdf (date of access 06.03.20). (in Russian)
- Météo France [Electronic resource]. URL: <http://www.meteofrance.fr/> (date of access 08.06.20). (in French)
- Puminova V.A. Means of expressing approximability. Definitions and classification of approximators in domestic and foreign linguistics // Scientific and Practical Electronic Journal "Alley of Science". 2018. Issue. 22. P. 29-35. (in Russian)
- Slate FR [Electronic resource]. URL: <http://www.slate.fr/story/120617/applications-meteo-obsession> (date of access 06.06.20). (in French)

Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык»

Зам. главного редактора

А. Л. Третьяков (Москва)

Заместитель главного редактора по развитию

Н. А. Аксаментова (Иркутск),

И. В. Гладкая (Санкт-Петербург)

Web-администратор:

М. В. Скоробогатова (Иркутск)

Стилистическое редактирование английских текстов:

А. А. Занкова (Уилмингтон)

И. Б. Кривченко (Самара)

Т. Ю. Портнова (Иркутск)

З. И. Трубина (Нижний Тагил)

Литературный редактор

С. Т. Какаулина (Иркутск)

Выпуски электронного журнала регистрируются в ФГУП НТЦ «Информрегистр»

Дата выхода в свет: 15.03.2021

Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет гражданской авиации»

Издатель журнала – Иркутский филиал ФГБОУ ВО «МГТУ ГА». Официальный сайт:
<http://if-mstuca.ru/>